

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

къ картѣ Аральскаго Моря и Хивинскаго Ханства, съ ихъ
окрестностями.

Г. Вице-Председатель Императорскаго Русскаго Географическаго Общества предложилъ мнѣ составить, изъ доставленныхъ намъ, съ разрѣшенія Правительства, матеріаловъ, карты: Аральскаго Моря, Хивинскихъ владѣній и окрестностей озера Иссекуля, въ поясненіе къ статьямъ о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ означенныхъ мѣстахъ, которыя изслѣдованія предполагается напечатать въ V книжкѣ Записокъ нашего Общества.

Карта Аральскаго Моря и Хивы въ настоящее время мною окончена, но представляя ее Обществу, я, по самому существу этой работы, вынужденъ просить его позволить мнѣ нѣсколько словесныхъ объясненій.

Въ ручномъ изображеніи странъ, снятыхъ по всемъ правиламъ геодезіи, достаточно картографу оправдать принятую методу сокращенія подробной съемки; гораздо большія критическія обязанности лежатъ на томъ, кто приступаетъ къ изготовленію карты странъ, знаемыхъ по однимъ только маршрутамъ, или съемкамъ отдѣльныхъ частей, не связаннымъ общео сътыю: трудъ этотъ соответствуетъ то-

му, что называется въ архитектурѣ возстановленіемъ древнихъ зданій по сохранившимся обломкамъ, съ тою разницею, что отъ зодчаго требуютъ главнымъ образомъ ненарушимости общаго характера древней архитектуры, картографъ же обязанъ оправдать и малѣйшія подробности своей работы.

Такое оправданіе моей карты заключается въ статьяхъ гг. Данилевскаго и Макшеева, къ поясненію коихъ она предназначена, равно въ другихъ документахъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи.

Я, разумѣется, не буду злоупотреблять терпѣніе собранія чтеніемъ этихъ документовъ, а ограничусь общою характеристикою ихъ.

Но дабы пріобрѣсти право на вниманіе Ваше даже къ этому коротенькому обзору, позвольте мнѣ, прежде чѣмъ я приступлю къ нему, объяснить, почему Араль и Хива достойны ученой любознательности вообще, и со стороны Русскихъ въ особенности. — Еслибъ мнѣ приходилось говорить о Хивѣ XII вѣка, я бы не имѣлъ надобности въ подобномъ предисловіи, ибо историческая важность тогдашнихъ владѣтелей Ховарезма не подлежитъ сомнѣнію. Уже съ начала распространенія исламизма въ Туранѣ возникло развитіе современной образованности на низовьяхъ Амударьи. Извѣстный арабскій географъ X вѣка Аль-Истахри говоритъ: «Въ Маверъ-Эль-Нагрѣ гостепріимство и великодушіе къ чужемцамъ выше всякихъ похвалъ, и всѣ семейства этой страны составляютъ какъ бы одну семью». Одинъ изъ первыхъ магометанскихъ астрономовъ IX вѣка, Абу-Джафаръ-Мохамедъ, прозывался Альхарезми, то-есть былъ уроженецъ харезмскій. Въ XI столѣтіи, знаменитые Альбируни и Авиценъ проживали при дворѣ Харезмскаго Шаха; даже вызовъ Махмуда Газнеvida, сопроводить его въ покореніи Индіи, соблазвившій Альбируни, не побудилъ Авицену оставить берега Оксуса. Тамъ же находился, въ эпоху нашествія Чингизъ-Хана, знаменитый Якутъ, описывающій съ особенною любовію трехлѣтнія занятія свои въ богатыхъ библіотекахъ Мерва, въ то время цвѣтущаго харезмскаго города, нынѣ ничтожнаго туркменскаго кочевья. Политическая важность и самостоятельность Харезма начинается собственно съ XI вѣка, то-есть съ паденія власти Персидскихъ Сельджукидовъ, которое дало воз-

мѡжность Шахамъ Харезмскимъ распространить владычество свое далеко на югъ. Первый Харезмскій Султанъ, Мохамедъ-Текешъ, украсившій наметъ свой почетнымъ изображеніемъ полумунія, заставилъ даже Ассасиновъ перенести разбойничье гнѣздо свое изъ Арсланъ-Гушай въ Аламуть; а сынъ и преемникъ его, Алла-Эдинъ-Мохамедъ, отторгъ у соседа своего, владѣльца Караджатай, то-есть нынѣшняго Китайскаго Туркестана, — Самаркандъ и Бухару; затѣмъ покорилъ Фаржабъ, Балхъ, весь Хорасанъ, Керманъ, Мазандеранъ; разгромилъ Кипчакъ; подчинилъ себѣ часть Туркестана до Ускендай; лишь глубокой снѣгъ и Курды спасли Калифа Насыра въ Багдадъ отъ побѣдоноснаго Алла-Эдина. Велѣдствіе этой удачи, Алла-Эдинъ принялъ названіе «тѣни Божіей на землѣ»; мать же его, бывшая главною совѣтницею и помощницею сына, носила титулъ Шудавенди-Джиханъ, то-есть «обладательницы міра».

Но эпоха политическаго величія Ховарезма была течено окончательнаго паденія его. Въ 1217 году, Чингизъ, положивъ начало завоеванію Китая, не смѣлъ еще посягнуть на Ховарезмъ и предложилъ чрезъ трехъ пословъ дружбу тамошнему Шаху; союзъ былъ заключенъ; но вслѣдъ затѣмъ, первый караванъ изъ Монголіи, въ полторы тысячи человекъ, былъ истребленъ Хабирганомъ, намѣстникомъ Алла-Эдина, по его приказанію. Посолъ Багръ, отправленный Чингизомъ съ требованіемъ удовлетворенія, убить Алла-Эдиномъ, а два Монгола, сопровождавшіе посла, возвращены владѣльцу, опозоренные лишеніемъ бороды. Три дня и три ночи молился Чингизъ на горѣ о помощи свыше для отмщенія, и молитва его осталась не безплодною: въ 1218 году, Монголы впервые спустились съ Тхяншана и Билура, а уже 10 февраля 1221 года Алла-Эдинъ умеръ бѣглецомъ въ Абизгунъ, на одномъ изъ острововъ Каспія, прибрежныхъ къ Гиліану.

Паденіе Харезма имѣло огромную важность и для Россіи: послѣ взятія Аженда, то-есть нынѣшняго Отрара, Чингизъ направилъ сына своего Джуджи въ Кипчакъ и такимъ образомъ проложилъ дорогу Батыю; а Чепе-Нуянъ и Субутай-Безадырь, преслѣдовавшіе Алла-Эдина, тогда же проникли въ Россію чрезъ сѣверную Персію и Кафказъ.

По смерти Чингиза, Харезмъ составилъ часть Джаготаева улуса, который обнималъ южную полосу Западной Сибири; долину рѣки Или-Скаты, западной оконечности Тхяншана и Билурскаго хребта, наконецъ все пространство къ сѣверо-востоку отъ южной окраины долины Аму. Но вскорѣ междоусобія, неизбежный и смертельный недугъ всѣхъ азіатскихъ владѣній, ослабили и раздробили Джаготаевъ улусъ. Въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка, Тимуру удалось снова сдѣлать среднюю часть Аму-Дарьи средоточіемъ полувѣстной монархіи, но не надолго: по смерти Абусаида, правнука Тамерлана, въ 1468 году, маленькіе владѣльцы въ долинахъ Сыра и Аму, состоявшіе уже и прежде лишь въ мнимой зависимости отъ Самаркандскаго повелителя, начали непрерывныя распри. Между тѣмъ Узбеки, небольшое туркское племя, жившее за Билурскимъ хребтомъ, у южнаго подножья Тхяншана, готовили Тимуридамъ изгнаніе. Одинъ изъ узбекскихъ родоначальниковъ, Шайбекъ, узнавъ около 1498 года о распряхъ въ Маверанегрѣ, вознамерился завладѣть имъ, нашелъ вскорѣ огромное число приверженцевъ и въ 1504 году покорилъ всю Трансоксиану, а въ 1507 году часть Хорасана. Хотя въ 1510 году Шайбекъ палъ въ сраженіи противъ Персидскаго Шаха Измаила-Сафи; но наследовавшіе владѣтельство Шайбека, дядя его Куджъ-Канджи и племянникъ Убеидъ - Улло, восстановили власть предшественника своего, если не въ Хорасанѣ, который остался надолго спорнымъ пунктомъ между Узбеками и Персами, то по крайней мѣрѣ во всей остальной части Маверанегра и Турменіи.

Съ тѣхъ поръ Узбеки не переставали тамъ владѣть. Съ самаго начала ихъ власти, она сложилась въ формахъ удѣльной системы, т. е. образовалось множество мелкихъ владѣльцевъ, главою коихъ считался Бухарскій Эмиръ, но такъ, что первенство его, въ особенности для отдаленныхъ областей Харезма и Ферганы, было часто лишь именовательное и ясно опровергалось набѣгами, производимыми со стороны тамошнихъ владѣльцевъ на самую Бухару.

Набѣги эти сдѣлались преимущественно часты со стороны Хивы въ началѣ XVI вѣка, со вступленіемъ на хивинскій престолъ извѣстнаго историка Абуль-Газы-Хана, производившаго

родъ свой отъ Чингиза; онъ неоднократно вторгался въ Бухарию и хотя былъ отражаемъ отъ города, но разорялъ страну. Абуль-Газа, отправясь въ Мекку, уступилъ престолъ сыну своему Анушъ, послѣдовавшему примѣру отца. Наконецъ, бухарскому владѣльцу, Сеидъ-Субганкуль-Бегадырь - Хану (1680 — 1702 года) удалось возстановить противъ Ануши сына его Эренкъ - Султана, который, въ 1680-хъ годахъ свергнувъ отца, вскорѣ самъ былъ увлеченъ желаніемъ ограбить Бухарию; поискъ Эренкъ-Султана кончился несчастливо; по возвращеніи изъ похода онъ былъ отравленъ Хивинцами, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, послали просить Бухарскаго Эмира о назначеніи имъ Хана. Такимъ образомъ Ховарезмъ сдѣлался снова зависимъ отъ Бухары. Ханомъ въ Хиву назначенъ былъ Шаніязъ. Онъ управлялъ этою страной еще и въ 1700 году, но уже тогда повидимому тяготился подчиненностію Эмиру, и потомъ отправилъ пословъ къ Петру Великому просить о принятіи Хивы въ подданство Россіи, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе, въ грамотѣ Хану отъ 30 іюня 1700 года.

Въ 1703 году былъ въ Россіи посланецъ отъ новаго Хивинскаго Хана Арабъ-Магомета; въ грамотѣ на его имя, отъ мая мѣсяца 1703 года, подтверждено признаніе Хивы въ подданствѣ Россіи.

Въ 1714 году пріѣзжалъ въ Петербургъ посоль отъ Хаджи-Мохамедъ-Бегадырь-Хана, сношенія съ которымъ и подали поводъ къ отправленію экспедиціи Бековича; послѣдній, по прибытіи своемъ въ Хиву, нашелъ уже тамъ другого владѣльца, вѣроломство коего было причиною гибельнаго окончанія похода.

Муравьевъ называетъ этого владѣльца Инахомъ-Ишъ-Мухамедомъ, присовокупляя, что ему наследовалъ сынъ его Мухамедъ - Амниъ, затѣмъ внукъ Эвезъ и правнукъ Эльтезеръ, смѣщенный братомъ своимъ Мухамедъ - Рахимомъ, который умеръ уже въ 1825 году.

Тотъ же порядокъ престолонаслѣдія встрѣчается въ родословныхъ Хивинскихъ Хановъ, составленныхъ по распросамъ, а именно: Генсомъ (въ рукописи) и Базинеромъ (въ его путешествіи).

Фризерь, на основаніи собранныхъ имъ распросовъ, говорить, что во время Надирь-Шаха, то-есть въ 1740 году, правилъ Хивію Юль-Барсъ, по убіеніи котораго Персіянами и удаленіи послѣднихъ, узбекскіе родоначальники стали избирать въ Ханы молодыхъ мальчиковъ изъ рода киргизскихъ султановъ, но содержали ихъ почти въ заключеніи, пользуясь только ихъ именемъ для узаконенія своихъ дѣйствій. Наконецъ, Мухамедъ-Аминъ, родоначальникъ Инаховъ, то-есть, по объясненію Фризера, будто бы одного изъ узбекскихъ поколѣній, завладѣвъ, при помощи Туркменъ, верховною властію, которая затѣмъ и переходила по прямой линіи къ сыну его Эвсѣй-Инаху, внуку Ильтенезеру и брату его Мухамедъ-Рахиму.

Но и съ эти показанія вовсе не оправдываются сохранившимися историческими актами.

Въ письмѣ, полученномъ въ Астрахани, въ мартѣ 1715 года, отъ Хивинцевъ Аталыка-Ишкара и Назаръ-Ходжи-Инаха къ бывшему тогда въ Россіи хивинскому посланнику Ашуръ-Беку, между прочимъ, читаемъ: «Да будетъ Вамъ извѣстно: Ядыгеръ Ханъ умеръ, мѣсто же его заступилъ Ханъ-Арянтъ. Въ юртахъ и въ народѣ повсюду спокойно. Если меньшему брату не удалось заступить ханское мѣсто, будетъ царствовать старшій. Мы хотѣли было ѣхать съ вами вмѣстѣ, но не сдѣлалось по нашему, и мы поѣхали одни. Потѣжайте и Вы немедленно въ Хиву, не опасаясь ничего, бѣды никакой не будетъ. Если Ханъ и народъ будутъ живы и здоровы, возмущенію не бывать».

Ашуръ-Бекъ былъ въ началѣ милостиво принятъ Петромъ Великимъ и даже, какъ утверждаетъ въ письмахъ къ астраханскому оберъ-коменданту Чирикову, отъ 5 марта и отъ апрѣля 1715 года, получилъ отъ Государя порученіе ѣхать въ Индію, для покупки попугаевъ и барсовъ, и для поднесенія хивинскому владѣльцу 6 пушекъ съ лафетами, 8½ пудовъ пороха и 270 ядеръ. Но въслѣдствіи, по повелѣнію Императора, эти вещи отобраны у Ашуръ-Бека и самъ онъ задержанъ въ Астрахани. Въ одномъ изъ писемъ, гдѣ онъ просилъ Чирикова объ отпускѣ его, находимъ слѣдующее: «Я пріѣхалъ сюда по указу Государеву, чтобы ѣхать тою дорогою, которою мнѣ надобно. Но нѣсколько медлилъ потому, что въ Хивѣ убили Хана. На мѣсто его вступилъ было Ханъ

изъ Каракалпаковъ, и тотъ умеръ. Теперь Ханомъ Ширгазы изъ Бухары. Онъ знаетъ меня и цѣнитъ въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ Ядыгеръ».

Дѣйствительно, властвованіе въ Хивѣ, во время прихода Бековича, Ширгазы, а не Ишъ Мухамедъ-Бія, подтверждается во 1^{хъ} показаніями, сдѣланными 29 сентября 1747 года симбирскому коменданту Бахметьеву Калмыкомъ Бакши, который, по приказанію калмыцкаго Хана Аюки, сопровождалъ Бековича въ Хиву и, послѣ гибели его, отпущенъ оттуда; во 2^{хъ} допросѣ, снятѣмъ 13 іюня 1720 года въ Астрахани съ тамошняго подъячяго Восковойнаго, вывезеннаго отъ Туркменъ, куда онъ попалъ изъ Хивы, послѣ гибели отряда Бековича; въ 3^{хъ} письмѣ канцлера къ Хивинскому Хану въ 1720 году, въ коемъ означенный владѣлецъ уведомлялся, что выѣхавшій отъ него въ г. Гурьевъ, въ качествѣ посланца, Веисъ Мамбетей, съ извѣстіемъ о смерти Бековича, арестованъ и умеръ въ Петербургъ; наконецъ, въ 4^{хъ} грамотѣ Бухарскаго Хана Абудъ-Феиза къ Императору Петру I отъ 1724 года, вывезенною изъ Бухары въ 1725 году русскимъ посланникомъ, секретаремъ Экспедиціи Оріентальныхъ Дѣлъ Флоріемъ Беневени, гдѣ между прочимъ сказано: «Такоежъ предъ нѣсколькимъ временемъ мы слышали, что Ширгазы, юргенскій владѣтель, всякою необходимою неучтивостію, оставя свою честь и не хотя быть добрымъ человекомъ, отъ васъ ѣдущаго посла со всякимъ обманомъ и лестью смерти предалъ и имѣніе его разорилъ, и тѣмъ свою честь повредилъ; и сіи его негодные и недобрые поступки не за благо, но за противно намъ показались; и для наказанія онаго Ширгазы, послали мы высокопочтеннаго Шахтей-Муръ Хана, который есть государства того наслѣдникомъ и его же колѣна, съ высокимъ нашимъ указомъ въ нынѣшнихъ временахъ, и повѣлили земли и имѣніи его разорить, отъ чего надѣемся, что въ скорости оной Ширгазы весьма разоренъ будетъ, и чрезъ сіе для любви и радости нашей и вы обрадоваться можете».

Въ 1729 году, прибывшій въ Россію посломъ отъ Бухарскаго и Хивийскаго Хановъ, Ядыгеръ дѣйствительно привезъ извѣстіе, что Ширгазы уже умеръ и предъявилъ просьбу новаго владѣльца о восстановленіи по прежнему торговыхъ сноше-

ній съ Хивою, прерванныхъ вслѣдствіе убіенія Бековича, что, впрочемъ, разрѣшено было уже прежде того, а именно: указомъ Верховнаго Совѣта, 22 апрѣля 1727 года, на имя Астраханскаго Военнаго Губернатора фонъ-Мендена.

Русскіе офицеры, Гладышевъ и Муравинъ, находившіеся въ Хивѣ въ 1741 году, свидѣтельствуютъ, что, во время нашествія Надиръ Шаха, дѣйствительно тамъ властвовалъ, какъ говоритъ Фрязеръ, не упоминаемый ни Муравьевымъ ни Базинеромъ, Юль-Барсъ Ханъ. Но когда онъ былъ осажденъ Надиромъ въ Ханкахъ, Хивинцы призвали къ себѣ и провозгласили Ханомъ начальника Малоі Киргизской Орды Абуль-Хаира. Только послѣ нѣсколькихъ дней владычества, Абуль-Хаиръ обманомъ бѣжалъ изъ Хивы, опасаясь Персіянъ. Юль-Барсъ попалъ въ плѣнъ, казненъ Надиромъ, а Хива взята приступомъ; послѣ чего Надиръ оставилъ тамъ своимъ намѣстникомъ какого-то Таира. Между тѣмъ въ аральскомъ владѣніи, лежавшемъ въ то время на самой дельтѣ Аму-Дарьи, избранъ былъ владѣльцемъ Нуръ-Али, сынъ Абуль-Хаира. Воспользовавшись уходомъ Персіянъ, Нуръ-Али, съ помощію Хивинцевъ, убилъ Таира и былъ провозглашенъ Ханомъ въ Хивѣ.

Вслѣдствіе сего, въ 1742 году посланъ къ нему, какъ къ русскому подданному, присяжный листъ; но отвѣта получено не было; возникшій же этотъ документъ до кочевьевъ Абуль-Хаиръ Хана, Гладышевъ, въ 1742 году сообщилъ, что сынъ Надиръ Шаха стоялъ въ то время подъ Чарджуемъ, намѣреваясь, по отмщеніи Аральцамъ за смерть Таира, оставить Ханомъ въ Хивѣ сына прежняго владѣльца Юль-Барса.

Это, кажется, не исполнилось, ибо, по свидѣтельству Рыкова и показанію бывшихъ въ Хивѣ въ 1753 году русскихъ переводчиковъ, Гулева и Чучелова, тамъ, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, вступилъ на ханство Каипъ, сынъ Киргизскаго Батыръ Султана.

Въ одномъ изъ примѣчаній рапорта Оренбургскаго Оберъ-Команданта и Областнаго Командира Зенбулатова, отъ іюля 1783 г., Уфимскому и Симбирскому Генераль-Губернатору Апухтину, находимъ относительно означеннаго Каипа слѣдующее: «Сей Каипъ Султанъ фамиліи Батыръ Султана изъ роду Ширгазы Хана, бывшаго въ Хивѣ, въ время котораго посланъ

ный со здѣшнихъ сторонъ въ 1747 году Гвардіи-Капитанъ Князь Александръ Черкасскій съ войскомъ истребленъ. А по причинѣ того, и онъ Каипъ посланному изъ Оренбурга въ 1752 году переводчику, съ караваномъ, не только задержаніе, но и озлобленіе учинилъ. За что, по разсужденію Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, въ презрѣніи здѣсь онъ оставленъ».

Наконецъ, Бланкеннагель, постигавшій Хиву въ 1794 году, говоритъ, что въ то время тамъ былъ Ханомъ Фазиль-Бій, не упоминаемый ни Муравьевымъ, ни Фризеромъ, у Базинера же показанный въ числѣ братьевъ Мухамедъ-Аминя, не носившихъ ханскаго достоинства.

Изъ всего этого легко удостовѣриться, что составленные доселѣ списки и родословныя хивинскихъ владѣльцевъ довольно не точны.

Сверхъ того, самое положеніе Хивы въ теченіе всего XVIII вѣка, такъ какъ описываютъ его очевидцы, не дозволяетъ предполагать, чтобы тамъ могла происходить правильная передача ханской власти отъ отца сыну.

Въ показаніяхъ Гладышева и Муразина 1741 года, читаемъ слѣдующее: «Хивѣ подсудныхъ городовъ 11, изъ которыхъ на пути идучи отъ Оренбурга: Гурлянь, Везиръ, Кептъ, Шабасъ, Казабать; по ту сторону Хивы: Ханки (оныя города сами видѣли), Ургенчъ, Адарусъ, Бетнякъ, Аксарай (объ оныхъ слышали), въ которыхъ во всѣхъ главные тутошніе князьки, а не хивинскіе, токмо во владѣніи хивинскомъ считаются».

Къ сѣверу отъ Хивы, на самыхъ низовьяхъ Аму-Дарьи, лежало въ то время владѣніе аральское, о которомъ представленный Татищевымъ къ Абуль-Хану Аль-Мухамедъ-Абызь показалъ Гладышеву, что оно дѣлится на четыре тѣубы, а именно:

«1. Въ Мангуцкомъ родѣ имѣется городъ, называемый Шахтемиръ; въ немъ старшины: Бердали Бекъ, Артукъ Бекъ, Ситъ-Али Бекъ, Куратъ-Гали Бекъ; 4 брата, всѣ тамошніе старшины да беки и прочіе, посовѣтывавшіеся, Мубгалъя Салтава приняли въ Ханство».

«2. Ихъ родъ въ Коврацкомъ родѣ; у нихъ старшины: Бикъ Назаръ, Аталыкъ Рахмангуль Би, Лувязъ Инахъ.»

«3. Князчатскаго рода Уразъ-Гали Кимбекъ, да Перидъ Аталыкъ.»

«4. Ходжа Илинскаго рода старшины Хатыбъ Ходжа, Мурза-Би и другіе мелкіе роды сообщаются съ показаннымъ четверемъ тюби; всего ихъ народа имѣется съ 40,000, которыхъ съестъ на кони».

О порядкѣ перехода ханской власти въ Хивѣ нѣтъ подробностей у Гладышева и Муравина, а только сказано: «У Хивинцевъ же обыкновеніе такое, что ежели Ханъ хотя малую какую досаду или обиду имъ покажетъ, то они его какими нибудь способы тайно умертвятъ и того никакъ уже не упустятъ». Но означенные офицеры были личными свидѣтелями провозглашенія новаго Хана у Аральцевъ, что, по всей вѣроятности, совершалось точно также и въ Хивѣ. Гладышевъ говорить по сему предмету: «Будучи въ ономъ мѣстѣ, между Аральцами учинилась не только знатная ссора, но и баталія, изъ того, что нѣкоторая часть Аральцевъ намѣревы принять себѣ въ Ханы Абуль-Хаиръ, ханскаго сына Нурали, а другіе того не хотятъ; однако послѣддокъ, по окончаніи оной междоусобной ссоры, все Аральцы согласно реченнаго Нурали Салтана приняли себѣ въ дѣйствительнаго Хана, который тамъ и остался. Оное его утвержденіе оттого произошло, что напредъ сего въ томъ народѣ былъ одинъ князекъ Шарахазы, и оный тому лѣтъ съ 10 отъ нихъ же Аральцевъ убить до смерти, а послѣ его остались три сына: первый Артыкъ, другой Сейдали, третій Куразали, и хотябъ изъ нихъ одинъ который и могъ быть произведенъ Ханомъ, но народъ, ихъ сожалья, чтобъ по ихъ легкомысленному обычаю тотъ, который въ Ханы произведется, также какъ и отецъ ихъ погубленъ не былъ, и для того думали, чтобъ изъ постороннихъ когѣ въ Ханы себѣ принять, чего ради объявленные князьки и нѣкоторая часть ихъ народа разсуждали, что Абуль-Хаиръ Ханъ подъ властію Ея Императорскаго Величества состоятъ, чего ради и народы тамошніе его нѣсколько боятся, и для того усовѣтовали принять себѣ въ Ханы сына его Абуль-Хаиръ, ханскаго выписказаннаго Нурали Салтана, и хотя въ томъ ихъ народа часть достойная препятствовала, и въ томъ между ими произошли ссоры и несогласія, а притомъ было нѣсколько и кро-

вопролитія, но наконецъ единогласно усовѣтовали и онаго Нурали Салтана, какъ вышеупомянуто, за дѣйствительнаго себя Хана приняли, который тамъ нынѣ и остался».

Посыщавшій Хиву въ 1753 году, купецъ Рукавникъ, котораго замѣтки объ означенной странѣ напечатаны въ любопытномъ московскомъ мѣсяцесловѣ 1776 года, говорить слѣдующее :

«Городъ Хива, въ которомъ хивинскіе Ханы дворъ свой имѣютъ, такожъ и подвластныя того Хана крѣпостцы: 1) Амбары, 2) Шабать, 3) Кентъ, 4) Чень, 5) Азарысь, 6) Ургеничь, всѣ стоятъ при каналахъ, пропущенныхъ изъ рѣки Аму-Дарьи; укрѣпленія, кромѣ невысокихъ глиняныхъ стѣнъ и небольшихъ рововъ, не имѣютъ; артиллеріи никакой нѣтъ, а оружіе ихъ по большей части стрѣлы и копья; имѣютъ же и огненное оружіе, но онаго весьма мало.»

«Отъ Оренбурга до Хивы по примѣру хода не болѣе тысячи верстъ почитать должно.»

«Во всѣхъ объявленныхъ крѣпостцахъ жителей весьма мало; а торги производятся въ установленные дни, такъ какъ въ русскіихъ селахъ бываетъ; а большой торгъ у нихъ бываетъ въ Ургеничь, потому что оная всѣхъ ближе къ Киргизъ-Кайсацкой Ордѣ, такожъ и къ Оренбургу первая; пріѣзжаютъ въ оную: Киргизъ-Кайсаки, Бухарцы, Трухменцы и Аральцы.»

«Хивинцы живутъ болѣе въ окружности вышеписанныхъ крѣпостей, каждой при своемъ разведенномъ саду, гдѣ и хлѣбъ для себя сѣютъ, а крѣпостцы имѣютъ только для защищенія въ случаѣ непріятельскаго нападенія, какъ у нихъ происходятъ частыя ссоры съ Трухменцами, которые такоежъ оружіе употребляютъ, какъ и Хивинцы. Междуусобные у Хивинцевъ раздоры нерѣдко бываютъ. Скотоводства они не имѣютъ, а довольствуются покупкою скота отъ Киргизъ-Кайсаковъ и Аральцевъ.»

«Хивинцы въ Ханы избираютъ изъ Киргизъ-Кайсацкой Орды изъ бухарскихъ ханскихъ поколѣній, а не изъ подданныхъ.»

Наконецъ, Бланкеннагель, бывшій въ Хивѣ въ 1793 году, говоритъ: «Хивинскіе Осбеки раздѣляются на разные роды, которые одинъ съ другимъ находятся въ непрестанной враждѣ. Многочуднѣйшій изъ нихъ есть Конратскій, который ны-

нѣ имѣть въ рукахъ верховную власть. Инахъ онаго управляетъ хивинскимъ народомъ съ большимъ или меньшимъ могуществомъ. Владѣющій нынѣ имѣетъ совѣтъ, безъ коего онъ ничего не можетъ предпринять.»

«Знатный или богатый Хивинецъ, коль скоро подастъ какой-либо поводъ къ подозрѣнію на себя, лишается жизни, и не прежде узнать о жребіи своемъ, какъ въ ту минуту, когда его умерщвляютъ; а въ такомъ случаѣ по большей части и его родственники и друзья равной съ нимъ подвергаются участи; убійцы раздѣляютъ между собою наследство умерщвляемыхъ.»

«Всякій живетъ тамъ въ недовѣрчивости, и при первой вѣсти о себѣ, справедливой или несправедливой, принимаетъ, для спасенія своего, за оружіе; по началѣ ссоры, не должно уже помышлять о примиреніи, потому что договоры у Хивинцевъ никогда не содержатся.»

«Іомуты, изъ рода Туркменцевъ, народъ кочевой, населяютъ часть земли, лежащей близъ Каспійскаго Моря, на границахъ Персіи, въ окрестностяхъ Астрабада; они разбойничаютъ болѣе всѣхъ другихъ Туркменцевъ. Они дѣлаютъ воровскіе набѣги въ Персію, а равно сему поступаютъ они съ Бухарцами, Хивинцами, Киргизами и съ другими однородцами ихъ. Атъ за тридцать назадъ, отецъ нынѣ владѣющаго Инаха, захвати верховную власть въ Хивѣ съ помощію сихъ Іомутовъ, уступилъ имъ лежащій въ сорока верстахъ отъ Хивы городъ Амбаръ съ его окрестностями. Съ тѣхъ поръ живетъ въ хивинской области около шести тысячъ Іомутовъ обо его пола. Іомуты, какъ сказано, почитаются за лучшихъ тамошнихъ воиновъ; но лучшій изъ нихъ воинъ не можетъ сравняться съ послѣднимъ изъ нашихъ казаковъ.»

«Каракалпаки обитали прежде по обоимъ берегамъ Сыръ-Дарьи; но съ тѣхъ поръ, какъ Киргизцы, въ бывшихъ между ними войнахъ, истребили большую часть Каракалпаковъ, остальные перешли къ Хивѣ, отдали своего Хана Осбекамъ, и живутъ съ того времени подъ покровительствомъ Хивинцевъ. Они имѣютъ только мѣстами селенія; большая же часть ведетъ жизнь кочевую.»

«Хивинскій Ханъ въ правительствѣ значить меньше всѣхъ; три раза въ годъ показывается онъ народу, окруженный тѣми, которые дѣлами правятъ; въ прочее же время сидитъ въ заперти подѣ строгимъ присмотрѣмъ. Въ придворномъ его содержаніи не соблюдается даже благопристойности, и нерѣдко въ самомъ необходимомъ претерпѣваетъ нужду.»

«Въ Хивѣ всегда происходятъ междоусобія, насилія и грабежи, кои содержатъ всѣхъ вообще въ непрерывномъ страхѣ, и нѣтъ одного дня, который бы могли они провести въ безопасности; а сіе причиною, что жителямъ и въ мыслѣ не приходится выгоды жизненныя».

По всѣмъ этимъ даннымъ ясно, кажется, что въ теченіе всего XVIII вѣка, Хива не представляла даже признака государственнаго устройства, а что все низовье Аму-Дарьи находилось подѣ владычествомъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ общинъ, управляемыхъ собственными старшинами: сѣверныя общины именовательно считались въ зависимости отѣ владѣльца кунградскаго, а южныя отѣ хивинскаго, смѣняя, впрочемъ, означенныхъ владѣльцевъ по своему произволу.

Въ концѣ XVIII вѣка, по свидѣтельству Муравьева, нѣкто Эльтезеръ или Ильтезеръ завладѣлъ управленіемъ Хивы и, женившись, не смотря на простое происхожденіе свое, вопреки мѣстному обычаю, на дѣвушкѣ изъ рода Ходжей, то-есть потомковъ Магомета, присвоилъ себѣ титулъ Хана. Упрочивъ власть внутри своего удѣла крайнею жестокостію, онъ вознамѣрился заявить независимость свою отѣ бухарскаго Хана походомъ противу него, но утонулъ при переправѣ черезъ Аму. Слабый преемникъ его, Кутли-Мурадъ, снова ограничился титуломъ Инаха и лишь именовательно властію надѣ мѣстными родоначальниками. Но примѣръ Ильтезера возбудилъ желаніе подражать ему въ младшемъ братѣ его Мухамедъ-Рахимѣ, который, убивъ Кутлу-Мурада и другого соперника, двоюроднаго брата своего Мухамедъ-Ніазъ Бека, не только подчинилъ своей власти все низовье Аму-Дарьи до Аральскаго Моря, но положилъ начало вліянію Хивы на сосѣднихъ Киргизовъ и Туркменъ, равно какъ возобновилъ признаки внутренняго гражданскаго устройства въ своихъ владѣніяхъ. Вслѣдствіе неудачнаго похода противу Бухары, Мухамедъ-Рахимъ долженъ

былъ признать временно зависимость свою отъ тамошняго Эмира; но зависимость сія была лишь именовательная.

Въ эпоху смерти Мухамедъ-Рахима, то-есть въ 1825 году, Хивинское Ханство уже представляло одно политическое цѣлое, дѣйствительно подчиненное хивинскому владѣльцу.

Наслѣдникъ и сынъ Мухамедъ-Рахима, Алла-Куль, въ 17-лѣтнее управленіе свое, если не увеличилъ, то по крайней мѣрѣ не ослабилъ завѣщанной ему власти. По смерти Алла-Куля наслѣдовалъ сынъ его Рахимъ-Куль, который скончался однако уже въ 1845 году и былъ замѣщенъ братомъ, Мохамедъ Аминею, управляющимъ въ Хивѣ досель.

Такимъ образомъ, сначала нынѣшняго столѣтія, Хивинское владѣніе получило нѣкоторую политическую значимость. Но это преобразованіе, составляя успѣхъ сравнительно съ предшествовавшимъ положеніемъ ханства, еще не могло сдѣлать его важнымъ, ни какъ врага, ни какъ союзника, для такого могущественнаго сосѣда, какъ Россія. Равноумно и въ торговыхъ видахъ не могла Хива, по видимому, заслуживать особаго вниманія съ нашей стороны, ибо, по малочисленности и грубости своего народонаселенія, она не представляетъ ни большого, либо зажиточнаго рынка для сбыта продуктовъ нашихъ, ни мѣста производства цѣнныхъ товаровъ. Наконецъ, побережья Арала и низовья Аму-Дарьи, составляя пространство, разбѣденное со всѣми окрестными странами недостаткомъ удобныхъ сообщеній, большею частію бесплодное и однообразное, не возбуждаетъ, кажется, любопытства въ физическомъ отношеніи, а разрушительное невѣжество нынѣшнихъ 250-лѣтнихъ владѣтелей этой мѣстности заставляетъ отчаяваться, чтобы мѣстные розысканія могли принести пользу въ историческомъ отношеніи. Потому можно бы думать, что ни въ практическомъ, ни въ ученомъ смыслѣ побережья Арала и низовья Аму-Дарьи не заслуживаютъ затруднительнаго географическаго изученія ихъ. Но такой выводъ, какъ онъ ни кажется правдоподобенъ, будетъ, смѣю думать, не основателенъ, и дабы вѣрно оцѣнить настоящее географическое значеніе разсматриваемой нами мѣстности, необходимо обратиться къ другимъ, болѣе вѣрнымъ соображеніямъ.

Сопредѣльность независимыхъ владѣній возбуждаетъ обыкновенно отношенія двухъ родовъ: торговыя и національныя.

Торговый путь въ Россію съ береговъ Джейхуна, или Амударьи, проложенъ былъ уже въ V^{III} вѣкѣ, какъ свидѣлствуютъ найденныя у насъ монеты того времени. изъ разныхъ городовъ Мавераннегра. Владычество Татаръ въ Россіи еще ближе ознакомило Харезмцовъ съ разными частями нашего отечества, ибо они въ первую эпоху этого владычества являются главными и самыми страшными откупщиками татарской дани. Сверхъ того, заведеніе въ то же время Венеціанскихъ и потомъ Генуезскихъ колоній на Черномъ Морѣ возобновило торговый путь оттуда въ долину Сыра и Аму. А потому неудивительно, что уже въ 1364 году встрѣчаемъ показаніе лѣтописцевъ о присутствіи въ Нижнемъ-Новгородѣ многочисленныхъ хивинскихъ и бухарскихъ торговцевъ, и что съ покореніемъ Казани и Астрахани, Хивинскіе, Бухарскіе и Самаркандскіе владѣльцы начали часто отправлять посланцевъ ко двору Московскому, для покровительства своихъ промышленниковъ. Государи Московскіе ласково принимали посланныхъ и поощряли эти торговыя сношенія; но замѣчательно, что во всѣхъ коммерческихъ соображеніяхъ относительно Средней Азіи, какъ Московскаго двора, такъ и западныхъ Европейцевъ, входившихъ съ ними по сему предмету въ сношенія, сама Средняя Азія никогда не была цѣлю, а только средствомъ проникнуть въ отдаленную Индію. Для открытія этого пути, уже въ 1520 году пріѣзжалъ въ Москву Генуезецъ Павелъ Центуріоне, а въ 1537 году Венеціанецъ Марко Фоскарини. Но гораздо любопытнѣе для насъ свидѣтельство безымяннаго сочинителя «*Relatione dell Imperio di Moscovia*» 1553 года о томъ, что та же мысль занимала сильно Іоанна IV. Въ означенной книгѣ читаемъ:

«*Il nostro Imperatore, per facilitar un tal viaggio, ha proposto premii grandissimi, sperando, a prendoli la via, di far un corsivo viaggio, mediante il quale cresceria grandemente il datio et legabelle, oltre che per il picciolo pretio i suoi Moscoviti s'accommodarano di speciarie chegran quantità ne consumano.*»

Эта заботливость Государя объясняется прежде начавшимися уже сношеніями Русскихъ съ Индіею.

Первое известное по летописямъ путешествіе изъ Россіи въ Индію совершилъ тверской торговецъ, Афанасій Никитинъ. Получивъ дозволеніе отъ Великаго Князя Михаила Борисовича, онъ отправился изъ Твери, въ 1469 году, Волгою, съ товаромъ. Черезъ владѣнія Великаго Князя Московскаго Іоанна Васильевича пропустили его до Нижняго Новгорода безъ задержанія. Дождавшись тамъ возвращавшагося изъ Москвы ордынскаго посла Шырвана Асамбека, присталъ онъ къ свитѣ посольской; но не смотря на такое надежное сопутствіе, Никитинъ двоекратно ограбленъ былъ астраханскими Татарами и Кайтаками. Изъ Дербента пошелъ онъ къ Бактѣ, а оттуда, чрезъ Мизандронъ и другія персидскія провинціи, направилъ путь къ острову Ормусу; былъ въ Гузаратѣ и далѣе; сухимъ путемъ проѣхалъ чрезъ горы индійскія до Бедера, столицы Великаго Султана Хоросанскаго. Въ обратный путь пустился онъ изъ Ормуса чрезъ Ширазъ въ Испагань, а изъ Персіи чрезъ Трапезонтъ прибылъ въ Кафу.

Изъ индійскихъ же странъ въ Москву первый пріѣздъ вослѣдовалъ при Великомъ Князѣ Василіѣ Іоанновичѣ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1533 года, прибылъ въ столицу Россіи Индѣецъ, подъ названіемъ гостя, Таусенинъ-Хозя, и привезъ отъ Индійскаго владѣтеля Бабуръ-Падши, то-есть Султана Бабера, грамоту, въ которой предлагалъ онъ Россійскому Государю быть съ нимъ въ дружбѣ и братствѣ. Когда Таусенинъ-Хозя продалъ въ Москвѣ всѣ товары свои, то, при отпускѣ его, вручена была ему отвѣтная Государева къ Бабуръ-Падшѣ грамота, гдѣ писано: «чтобъ люди промежъ ихъ ѣздили; а о братствѣ къ нему (Великій Князь) не приказалъ, потому что не въдаетъ его Государства; невѣдомо: онъ Государь, или государству тому урядникъ.»

Стремленіе къ поддержанію и развитію сихъ сношеній продолжалось и послѣ Грознаго. Годуновъ въ особенности заботился объ этомъ. По возстановленіи въ Россіи порядка въ XVII вѣкѣ, Алексій Михайловичъ назначилъ къ Индійскому Шаху-Джагану, то-есть Великому Моголу Джихангиру, гонцомъ казанскаго купца Никиту Сыроежина и астраханскаго жителя Василія Тумканова, вмѣнивъ имъ въ обязанность собрать возможные свѣдѣнія о пути въ Индію; но Шахъ Абасъ II отка-

заялся пропустить ихъ туда. Въ 1651 году вновь назначены гонимцами къ Персидскому и Индійскому Шахамъ гости Василій Шоринъ и два прикащика его Родіонъ и Иванъ Никитины; но и они остановлены были въ Персіи. Въ 1663 году прѣѣхали въ Москву купцы отъ Индійскаго Шаха, Армяне Петровъ, Григорьевъ и Савельевъ; однако Алексѣй Михайловичъ не хотѣлъ допустить монополіи армянскихъ промышленниковъ по индійской торговлѣ, а потому не только не оказалъ имъ льготъ, но, въ 1669 году отправивъ въ Хиву и Бухару посломъ Пазухина, предписалъ ему собрать точнѣйшія свѣдѣнія о пути въ Индію. Вслѣдствіе привезенныхъ имъ указаній, посланъ былъ въ 1675 году изъ Астрахани, вмѣстѣ съ русскимъ посломъ въ Бухару Даудовымъ, Астраханецъ Исупъ Касымовъ съ грамотою къ Великому Моголу Эвренкзебу.

Бухарскій и Балхинскій Ханы, изъ угожденія Россійскому Монарху, препроводили безопасно русскаго посланника чрезъ свои владѣнія до границъ Индіи. Исупъ въ 1670 году прибылъ въ Кабуль. Тамошній градодержецъ Мекретъ Ханъ отписалъ въ Янобать (Джелабать) къ Ацемъ Хану, чтобы онъ донесъ Шаху о прибытіи посланника изъ Россіи. Но Великій Моголь не пожелалъ быть въ сношеніи съ Россіею, и Мекремедъ-Ханъ отозвался Исупу, «что у Государя его, Индѣйскаго Шаха, издавна до прародителя ихъ, до Темиръ-Аксака и до нынѣшняго времени, отъ нѣсколькихъ сотъ лѣтъ Россійскаго Государства пословъ и посланниковъ въ Индію не бывало, потому что Россійское Государство съ Индѣйскимъ въ дальнемъ разстояніи, и ссоръ никакихъ прежде не было и нынѣ нѣтъ; а знатно-де Россійскій Царь къ Индѣйскому Шаху присылаетъ посланниковъ для богатства, а не для какихъ дѣлъ иныхъ; да и въра-де русская иная, и имѣ-де басурманомъ съ христіанами въ дружбѣ быть не прилично.» Мекретъ Ханъ, приводя Исупу въ примѣръ какого-то Семена, назвавшагося русскимъ посланникомъ, но въ дѣйствительности бѣглаго жида, который въ 1658 г. перешелъ въ службу Шаха, — склонялъ къ тому же Касымова. Тотъ однако отвергъ это съ пренебреженіемъ, — за что навлекъ на себя негодованіе Хана и былъ высланъ изъ Кабула, получивъ изъ Шаховой казны 2,000 рупій. Касымовъ

возвратился въ Москву въ январь 1678 г. и вывезъ выкуплен-
ныхъ имъ 40 плѣнниковъ изъ Индіи.

Въ 1695 г. 7 мая повелѣвалось вновь повелѣніе отправить изъ Приказа Большой Казны черезъ Персію, Хиву, Бухарію, Гадкъ и въ городъ Кабуль для торговаго промысла съ государскими товарами и съ золотыми, кунчину гостинной сотни, Семена Маленькаго, Сергѣя Аниктея и астраханскаго посадскаго человека Изаа Севрина, придавъ имъ въ Астрахани изъ посадскихъ людей въ цѣловальники добраго и правдиваго человека, а для осторожности и караула стрѣльцевъ 5 человекъ и одного толмача. Кунцы снабжены были изъ Посольскаго Приказа грамотами къ Персидскому Шаху и къ владѣльцамъ Хивинскому, Бухарскому и Балхинхвинскому.

Маленькій вытхалъ въ ноябрѣ 1694 г. изъ Астрахани; черезъ Испанію безпренятственно дотхалъ до Индіи; посетилъ Агру, Дели; представился Великому Моголу, который далъ ему слона въ подарокъ Русскому Царю; 22 января 1722 г. изъ Суража поплылъ въ Бендеръ-Абасъ, разложилъ товары свои на два корабля, брандербургскій и суратскій, изъ которыхъ послѣдній захваченъ былъ морскими разбойниками; наконецъ, достигнувъ Шемахи, умеръ тамъ, равно какъ племеникъ его Аниктея; въ Астрахань же возвратился только слуга ихъ, который былъ распрошенъ по приказанію Петра I, но не могъ сообщить болѣе никакихъ свѣдѣній.

Вместѣ съ посылкою Бековича въ Хиву, предписано было Коживу идти оттуда въ Индію; а когда до Государя дошло извѣстіе о томъ, что Кожинъ отказался сопутствовать Бековичу, то порученіе его вѣрно передать Тевкелеву, о судьбѣ которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Немедленно по zaloженіи Оренбургской Линіи, основатель ея Кириловъ завялся проектомъ объ открытіи сношеній оттуда черезъ Аральское Море и Аму-Дарью съ Индіею. Преемникъ же его Неплюевъ представилъ полный проектъ, «какіе способы могутъ послужить къ распространенію Оренбургской коммерціи въ Бухарію до Индіи,» который былъ одобренъ и, для заведенія торга съ Индіею, дана привиллегія на 15 лѣтъ торговой компаніи, составленной изъ оренбургскихъ купцовъ: Журавлева, Твердышева, Кикина, Макарова, Мавродія и Аб-

дула Хазина. Последний въ 1750 г. отправилъ въ Индію для опыта два небольшие каравана съ товарами на 8,000 р. Они благополучно достигли своего назначенія и выгодно распрода ны; находившіеся же при нихъ прикащики, магометане, пробрались на возвратномъ пути въ Мекку. Дальнѣйшихъ послѣдствій означенная компанія кажется не имѣла.

Это многовѣковое значеніе сѣверо-западной части Средней Азіи, исключительно только какъ пути къ странамъ ее окружающимъ, вполнѣ объясняется характеромъ сказаннаго пространства. Будучи окаймлено на югѣ и востокѣ высокими горами, изъ коихъ многія переходятъ за снѣговую линію, она представляетъ покатость, наклоненную отъ нихъ къ сѣверо-западу, и которая на сѣверѣ разрѣзывается мысообразно-вдающимся въ нее Южнымъ Ураломъ. Центральныя части южныхъ и восточныхъ горъ недоступны развитію осылости, по орографическому и климатическому характеру своему; средняя покатость, занятая Аральскимъ Моремъ и прибрежными ему мѣстами, представляетъ въ послѣднихъ песчанья и безводныя степи, перерезанныя среднимъ и нижнимъ теченіемъ только двухъ рѣкъ, Аму и Сыра. Такимъ образомъ, кромѣ прибрежій этихъ притоковъ, къ осылому обитанію способны лишь предгорья Алтая, Урала, Тхяншана, Билура и Хиндукуша, то-есть весьма незначительная часть всего пространства, составляющая притомъ не сплошную массу, а группу оазисовъ, раздѣленныхъ пустынями. Посему понятно, что сѣверо-западная часть Средней Азіи никогда не можетъ представить обширнаго развитія самостоятельной гражданственности, большихъ промышленныхъ и образованныхъ государствъ.

Но будиая, по природѣ своей, Средняя Азія имѣетъ значительную важность мѣстоположеніемъ своимъ, будучи окружена Китаемъ, Индіею, Ираномъ и Европою, для которыхъ представляетъ ближайшее и до усовершенствованія мореплаванія почти единственное средство взаимнаго сообщенія. Вслѣдствіе сего, уже въ глубокой древности находимъ мы свидѣтельства о важныхъ торговыхъ путяхъ чрезъ это пространство и видимъ, что оно служило большою дорогою при всѣхъ передвиженіяхъ народовъ, подавшихъ поводъ главнымъ міровымъ переворотамъ. По этому же самому и въ первоначальныхъ по-

литико-торговыхъ соображеніяхъ о Средней Азіи, она является только путемъ къ отдаленнѣйшимъ странамъ.

Но если при младенществѣ мореплаванія этотъ путь могъ казаться выгоднымъ, то нынѣ легкость водянаго сообщенія съ сѣверо-восточною Персіею по Каспійскому Морю чрезъ Астрабадъ, а по Инду со странами, на системѣ этой рѣки лежащими, дѣлаетъ совмѣстничество съ нимъ трудной перевозки товаровъ на вьюкахъ, чрезъ бесплодные степи и едва проходимыя горы, крайне не надежнымъ. Слѣдовательно въ настоящее время разбору можетъ подлежать только торговое значеніе сѣверо-западной части Средней Азіи самой по себѣ.

Дѣятельныя и самостоятельныя сношенія Россіи съ этимъ пространствомъ начались собственно съ половины XVIII вѣка, то-есть съ основанія Оренбурга и проложенія Оренбургской Линіи; ибо хотя азіятскіе караваны приходили и до того на Сибирскую Линію, равно какъ въ Сарайчикъ и Астрахань, но русское купечество не принимало непосредственнаго участія въ этой торговлѣ, а крайняя опасность перехода черезъ степь отъ Калмыковъ, Киргизъ и Башкиръ, заставляла самыхъ Азіятцевъ ограничивать по возможности отправку товаровъ.

Свѣдѣнія, сохранившіяся относительно развитія этой торговли съ означенной эпохи, представляютъ слѣдующія данныя:

Годы.	Привозъ.	Отпускъ.
1773—77 на . . .	214,794 р. а.	203,436 р. а.
1793—97 — . . .	1.547,069 —	1.579,445 —
1804— 7 — . . .	2.071,564 —	987,974 —
1812—15 — . . .	4.071,564 —	3.582,881 —
1820—23 — . . .	5.381,155 —	3.763,611 —
1824—27 — . . .	5.759,252 —	4.389,705 —
1828—31 — . . .	6.267,414 —	5.889,646 —
1832 на	5.712,757 —	5.624,418 —
1833 —	6.920,935 —	6.781,750 —
1834 —	7.408,462 —	6.687,909 —
1835 —	8.208,161 —	6.543,484 —
1836 —	10.086,975 —	7.698,095 —
1837 —	10.030,513 —	6.794,906 —
1838 —	7.872,399 —	6.041,074 —

Годы.	Привозъ.	Отпускъ.
1839 на	8.544,640 р. а.	6.374,059 р. а.
1840 —	2.914,026 р. с.	2.345,583 р. с.
1841 —	3.825,886 —	2.738,724 —
1842 —	3.128,332 —	2.308,944 —
1843 —	2.654,565 —	2.114,224 —
1844 —	2.467,100 —	2.495,712 —
1845 —	2.720,328 —	2.266,401 —
1846 —	3.150,871 —	2.341,122 —
1847 —	2.893,472 —	2.444,245 —
1848 —	2.874,298 —	2.157,132 —

Такимъ образомъ въ настоящее время торговля со всею стверо-западною частию Средней Азии составляетъ лишь $\frac{1}{36}$ всѣхъ оборотовъ по вѣтшной торговлѣ Имперіи. Сравнительно съ обширностію границы, на которой она производится, результатъ этотъ можетъ показаться незначителенъ въ государственномъ смыслѣ. Но необходимо принять въ соображеніе: 1) что торгъ сей существуетъ въ настоящемъ видѣ всего 75 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ увеличился въ 13 разъ; 2) что торговля сношенія съ Среднею Азіею принадлежатъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ въ нашемъ отечествѣ заграничныхъ оборотовъ, въ коихъ отпускъ выдѣланныхъ товаровъ слишкомъ вдвое превосходитъ привозъ таковыхъ издѣлій, тогда какъ напротивъ по европейской торговлѣ привозится обработанныхъ товаровъ въ четыре раза болѣе, чѣмъ отпускается изъ Россіи *; 3) что, на-

* Въ послѣдніе годы привозъ и отпускъ обработанныхъ издѣлій на средне-азиатской границѣ находились въ слѣдующемъ отношеніи:

1834 годъ	1.492,902 р. а.	3.949,848 р. а.
1835 —	1.791,243 —	3.720,964 —
1836 —	1.813,975 —	4.687,402 —
1837 —	2.235,684 —	3.838,365 —
1838 —	1.946,193 —	3.132,634 —
1839 —	2.760,061 —	3.294,212 —
1840 —	799,105 р. с.	1.453,737 р. с.
1841 —	1.387,898 —	1.611,116 —
1842 —	967,172 —	1.351,624 —
1843 —	638,487 —	1.352,087 —

конецъ, средне-азіятская торговля составляетъ главную пружину развитія торговой дѣятельности въ Заволжской Россіи, ибо пространство это, по преимуществу земледѣльческое, весьма бѣдно внутреннимъ торгомъ, сбывая большую часть продуктовъ изъ первыхъ рукъ на волжскіе рынки. Посему лишь одни заграничныя торговыя сношенія привлекаютъ въ Заволжскъ самостоятельныхъ торговцевъ - капиталистовъ и возбуждаютъ мѣстную торговую предпріимчивость.

По всемъ этимъ уваженіямъ, не смотря на числительную незначительность оборотовъ по средне-азіатской торговлѣ, нельзя не признать въ развитіи ея государственной важности, и слѣдовательно невозможно считать не важнымъ тѣ условія, отъ коихъ зависитъ успешность этого развитія.

Одно изъ главныхъ таковыхъ условій составляетъ обезпеченіе и удачный выборъ путей сообщенія.

Во всякой торговлѣ есть извѣстные пути, наиболее способствующіе выгодному ходу ея, какъ удобнѣйшіе или кратчайшіе. Но въ дорогахъ, протекающихъ чрезъ населенныя и плодородныя страны, можно, при затруднительности слѣдованія прямымъ путемъ, достигнуть цѣли другимъ, хотя и болѣе отдаленнымъ сообщеніемъ. Казалось бы, что степь малозаселенная и неразмежеванная между отдѣльными вотчинниками представляетъ еще болѣе легкости къ произвольному проложенію и выбору торговыхъ путей; однако же на дѣлѣ встрѣчается совершенно противное. Бесплодность и неудобопроходимость значительной части степи, равно какъ отдаленность одного отъ другого разбросанныхъ въ ней центровъ торговли, дѣластъ только нѣсколько извѣстныхъ направленій исключительно выгодными и даже возможными для прохода каравановъ. Важнѣйшія изъ этихъ направленій суть дороги, идущія отъ Оренбурга и Троицка къ низовьямъ Сыръ-Дарьи, какъ наиболее облегчающія сношенія Россіи съ Бухаріею, Коканомъ и съ принадлежащею ему Ташкеніею. Утвержденіе это мо-

1844 голь	710,567 р.	1 557 685 р.
1845 —	731,533 —	1.273.251 —
1846 —	884 455 —	1.319,386 —
1847 —	677,039 —	1.375,118 —
1848 —	706,519 —	1.282,238 —

жетъ показаться парадоксальнымъ для тѣхъ, кто захочетъ судить о дѣлѣ на основаніи карты. Съ одной стороны сообщеніе съ Коканомъ представляется гораздо выгоднѣйшимъ и ближайшимъ изъ Семипалатинска, чѣмъ изъ Троицка; съ другой — путь изъ Астрахани чрезъ юго-восточное побережье Каспія есть, по видимому, кратчайшій для сношенія съ Бухарією. Но Семипалатинскъ менѣе выгоденъ Троицка и Оренбурга, потому что сообщается гораздо труднѣе съ внутреннею Европейскою Россією, центромъ всей нашей торговой дѣятельности; Астрахань же хотя и связана съ этими частями Имперіи нашею главною торговою артерією — Волгою, отъ устья которой къ юго-восточнымъ берегамъ Каспія предстоить также болѣе удобный способъ перевозки, чѣмъ на верблюдахъ; но за то эти побережья такъ безводны и негостепріимны, что на всемъ протяженіи ихъ, отъ Гурьева до Астрабада, за исключеніемъ Тюбъ-Каранскаго Мыса, нельзя было доселѣ пріискать удобнаго мѣста для торговаго становища; къ тому же путь отъ этихъ береговъ въ Бухару пролегаетъ чрезъ кочевья Туркменъ, народа наименѣе до сихъ поръ обузданнаго изъ вѣсѣхъ кочующихъ племенъ Средней Азіи, и сверхъ того по мѣстамъ, почти совершенно безводнымъ.

Если же низовья Сыръ-Дарьи составляютъ важнѣйшій пунктъ въ коммерческихъ сношеніяхъ Россіи съ С. З. Средней Азіи, то значеніе Хивы въ этомъ случаѣ очевидно, такъ какъ она есть ближайшее къ этимъ низовьямъ нѣсколько устроенное владѣніе, могущее имѣть наиболѣе вліянія на тамошнихъ обитателей. Я говорю — ближайшее, потому что хотя Коканія, посредствомъ Туркестана и Отрара, прикасается кажется непосредственно къ устьямъ Сыра; но два означенныхъ города принадлежатъ къ Ташкенціи, которая сама составляетъ доселѣ весьма ненадежный удѣлъ Кокана, и слѣдовательно образуетъ скорѣе рубежъ между нѣмъ и устьемъ Сыра, чѣмъ опорную точку для коканскаго вліянія на сіи послѣднія.

Таково торговое значеніе Хивы въ настоящее время. Нужно ли объяснять, что оно возвысится, въ случаѣ открытія воднаго сообщенія отъ сѣвернаго берега Арала къ среднимъ частямъ Сыръ и Аму-Дарьи? А что подобное сообщеніе не невозможно, это вполне подтверждается нѣкѣйшими географическими

изслѣдованіями, о которомъ отчетъ печатается съ Высочайшаго разрѣшенія въ Запискахъ нашихъ.

Уже въ 1847 году, съ открытіемъ мореплаванія по Аралу, спущены были на Сырь-Дарьѣ и вышли въ море: шкуна Пиколай, поднимающая до 700 пуд. груза, два двѣнадцати-весельныхъ барказа и семь лодокъ разнаго размѣра; а въ 1848 году къ нимъ прибавлена еще шкуна Константинъ.

Сверхъ того, слухъ о рыбномъ богатствѣ Арала возбудилъ промышленную предпримчивость двухъ извѣстныхъ оренбургскихъ купцовъ, Дѣева и Путолова, которые въ томъ же году спустили на Сырь-Дарью одно мореходное судно и пять большихъ лодокъ для рыболовства. Въ 1849 году работники этихъ судовъ уже зимовали на островѣ Николаѣ, чтобы раннею весною открыть ловъ въ удобныхъ мѣстахъ, и, для развитія означеннаго промысла, образовалась въ Оренбургѣ компанія на акціяхъ.

Въ какой мѣрѣ эти промышленныя начинанія могутъ обнадеживать развитіе торговаго мореходства, — объ этомъ положительно, на основаніи обнародованныхъ свѣдѣній, сказать еще нельзя. Путь къ Аралу отъ русской границы весь сухопутный, и частію по мѣстамъ песчанымъ, маловоднымъ. Берега этого моря бесплодны и вовсе лишены строеваго лѣса; хорошихъ якорныхъ стоянокъ и закрытыхъ гаваней мало; Араль принадлежитъ къ числу самыхъ бурливыхъ и безпокойныхъ бассейновъ: вѣтеръ крѣпчаетъ вдругъ, разводитъ большое волненіе и потомъ, стихнувъ, оставляетъ послѣ себя зыбь, при которой лавировать нѣтъ возможности. Ровные, умеренные вѣтры, которые бы дули по нѣсколько сутокъ сряду, рѣдки; господствующее направленіе вѣтра сѣверное; но этотъ вѣтеръ обыкновенно переходитъ изъ штиля въ порывистый и даже жестокой штормъ. Устья двухъ единственныхъ большихъ рѣкъ, впадающихъ къ Араль, Аму и Сырь, стѣснены мелями и представляютъ фарватеръ весьма извилистый, не глубже 4, а мѣстами даже 2 футовъ. Вотъ невыгодная сторона дѣла!

Зато разстояніе сѣверо-восточнаго берега Арала отъ Оренбурга 700 верстъ, то-есть въ два съ половиною раза меньше всей дороги до Бухары. Изъ рѣдкихъ хорошихъ гаваней,

встрѣчающихся въ означенномъ морѣ, именно дѣйствуютъ при сѣверномъ берегу: въ бухтѣ Чубарь-Тараусъ, принадлежащей къ заливу Перовскаго, и на сѣверо-восточной оконечности полуострова Куланды; при первой изъ этихъ гаваней прѣсная вода въ копаняхъ и родникахъ въ изобиліи, и есть кормъ для скота; на полуостровѣ же Куланды, равно какъ при заливѣ Каратамакъ, замѣчены Бутаковымъ признаки каменнаго угля, и хотя позднѣйшія изслѣдованія Антипова не даютъ надежды найти этотъ уголь близъ самаго моря, но по свидѣтельству Ибнъ-Хаукала и Абульфеда, мы знаемъ, что этого рода топлива еще въ X вѣкѣ употреблялись въ среднихъ частяхъ долины Сыра. На желѣзномъ пароходѣ съ баржами на буксирѣ и даже на парусныхъ судахъ, при благопріятномъ вѣтрѣ, можно въ сутки перевезти товаръ изъ Чубарь-Тарауза къ устьямъ Аму-Дарьи. Эти устья дѣйствительно мелки, но самое восточное изъ нихъ, Джань Дарья, имѣетъ на три версты отъ моря не менѣе 4 футовъ глубины; низовья же Сырь-Дарьи въ западномъ рукавѣ къ веснѣ углубляются также отъ 3 до 4 футовъ, и начинаютъ мельть лишь съ исхода сентября. Вверхъ отъ этихъ низовій, глубина обѣихъ рѣкъ вездѣ гораздо значительнѣе; судоходность Сыра на 100 верстъ отъ устья уже изслѣдована; о плаваніи же лодокъ съ грузомъ по Аму-Дарьѣ отъ Чардуя до хивинскихъ предѣловъ есть положительное свидѣтельство Бланкенпагеля и Борнса. Это составляетъ ободрительную сторону вопроса. Рѣшить, что превозможетъ на практикѣ, удобства или неудобства, — предоставлено одной будущности; но если и въ средне-азіатской торговлѣ суждено судоходству современемъ замѣнить, хотя отчасти; доисторическій способъ перевозки тяжестей на верблюдахъ, то промышленное значеніе Аральскаго моря и Хивинскаго Ханства возрастетъ чрезвычайно, такъ какъ чрезъ первое будутъ лежать пути ко всѣмъ важнѣйшимъ рынкамъ западной части Средней Азіи, а чрезъ самую средину второго пойдетъ дорога къ главнѣйшему торговому мѣсту этого пространства, къ Бухарѣ.

Я уже имѣлъ случай замѣтить выше, что сопредѣленность средне-азіатскихъ равнинъ съ Россією возбуждаетъ не одни торговые, но и государственныя отношенія. Значеніе Россіи въ этомъ смыслѣ имѣетъ обще-историческую важность: большая

часть главных переворотовъ въ древнихъ и среднихъ вѣкахъ Европы произошла вследствие движенія народовъ изнутри Азіи; стремясь къ западу, они прежде всего должны были выходить на обширныя низменности между Верхнимъ Иртышемъ и низовьями Сыръ-Дарыи; отсюда предстояли имъ три направленія: къ сѣверу, по Ишимскимъ низменностямъ, вдоль восточнаго ската Южнаго Урала до нынѣшней Екатеринбургской сѣдловины или пониженія хребта, представлявшаго удобный входъ въ долину Камы; къ сѣверо-западу — по Иргизу, Эмбѣ, Хобдѣ и Илеку, вдоль юго-западныхъ скатовъ Южнаго Урала, къ низовьямъ Яика и Волги; наконецъ, къ югу — черезъ Туркменскія степи въ Иранъ и черезъ Кавказъ въ Придонскія равнины. По этимъ путямъ дѣйствительно и происходило движеніе многихъ разрушительныхъ племенъ; послѣднимъ изъ нихъ было монгольское. Выдержавъ первая въ Европѣ натискъ его, Россія 200-лѣтнимъ данничествомъ искупила западъ отъ новаго гибельнаго потрясенія. Въ XVI вѣкѣ покореніе Казани, Астрахани и распространеніе русскаго владычества въ Сибири открыло намъ возможность менѣе страдательно противудѣйствовать азіатскому вліянію на западъ; мы начали колонизировать Заволжье до береговъ Камчатки, чтобы тѣмъ поставить оплотъ противу дальнѣйшихъ натисковъ средне-азіатскаго варварства на образованный міръ. Эта колонизація, вполне оправдываемая обязанностію самосохраненія, имѣла, сверхъ того, еще другое отличіе отъ всѣхъ нерусскихъ колонизацій: послѣднія болѣею частію сопряжены были съ истребленіемъ или по крайней мѣрѣ поработченіемъ туземцевъ пришельцами; у насъ, напротивъ, колонизація постоянно шла къ преобразованію инородцевъ, преимущественно мирнымъ путемъ, въ русскіхъ гражданъ, къ возможному уравниванію туземцевъ въ правахъ и выгодахъ съ господствующимъ племенемъ. Эта высокая цѣль составила несомнѣнно одну изъ блистательнѣйшихъ отличій нашей исторіи; но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, должна была имѣть вліяніе на самый характеръ колонизаціи.

Во всѣхъ другихъ колоніяхъ переселенцы начинали обыкновенно съ ненависти и пренебреженія къ туземному быту, съ совершеннаго отчужденія отъ него и насильственнаго перенесенія на новую почву незнакомыхъ и чуждыхъ противныхъ ей учрежденій. У насъ, напротивъ, колонизирующіе первоначально какъ-бы

сами подчинялись влиянію туземцевъ, принимая поведенію кочевья привычки въ ущербъ осыдлости: Уральцы, съ XVI вѣка занявшіе низовья Яика, доселѣ не знаютъ личной собственности, и вся промышленная дѣятельность ихъ до сихъ поръ совершается какъ-бы набѣгами. Въ известный срокъ Войсковымъ Начальствомъ опредѣляется мѣсто для лова рыбы; все войско собирается туда, и что кѣмъ поймано, то и составляетъ его прибытокъ, безъ права производить ловъ отдельно, гдѣ бы то ни было въ войсковыхъ дачахъ, не въ установленное время. То же дѣлается съ сѣнокосомъ: въ назначенный день всѣ казаки стекаются на избранный покосъ, и годовой запасъ каждаго ограничивается снятымъ имъ въ установленный срокъ сѣномъ; наконецъ, даже въ хлѣбопашествѣ встрѣчаемъ подобный же характеръ: каждый можетъ заводить хуторъ и распахать землю на мѣстѣ, не занятомъ другими, или не предназначенномъ на общественныя надобности; но это не превращаетъ обработаннаго участка въ личную собственность. Поднимаясь далѣе на сѣверъ, къ Сибири, встрѣчаемъ сходные тому примѣры. Если кто лѣтомъ заѣдетъ въ одно изъ богатыхъ сель хлѣбороднаго Челябинскаго Уѣзда, населенныхъ русскими крестьянами, онъ нерѣдко найдетъ почти опустѣвшія деревни, охраняемыя одними старухами: рабочее народонаселеніе иногда на цѣлыя недѣли отлучается изъ домовъ на отдаленныя поля, сѣнокосы, пастбища, или рыболовныя озера. Но эти уступки кочевому быту, сближая пришельцевъ съ туземцами, не вредятъ развитію гражданственности; въ тѣхъ же мѣстахъ, у тѣхъ же переселенцевъ, встрѣчаютъ признаки осыдлой зажиточности и даже чистоты, рѣдкой не только между крестьянами внутри Россіи, но и во всей Европѣ, кромѣ Голландіи, Англіи, Даніи и Швеціи.

Между тѣмъ, среди кочевыхъ туземцевъ совершается также постепенно другого рода преобразованіе: съ начала эти племена, слѣдуя первобытной привычкѣ, переходятъ ежегодно огромныя разстоянія, останавливаясь на каждомъ мѣстѣ лишь по нѣскольку дней; таковы еще доселѣ Киргизы, зимующіе за Сыръ-Дарьей, которые между тѣмъ лѣтомъ приходятъ на мѣнку въ Оренбургъ; но вскорѣ кругъ кочеванія цѣлыхъ общинъ ограничивается небольшими, положительно опре-

дѣленными округами, какъ на примѣръ: у Киргизъ Сибирскихъ и Букеевскихъ, у Волжскихъ Калмыковъ и Кундовскихъ Татаръ. Затѣмъ возникаетъ потребность проводить по крайней мѣрѣ зиму въ постоянныхъ жилищахъ, у коихъ обыкновенно съ весны, предъ выходомъ на кочевье, застѣвается уже нѣскольکو хлѣба, какъ на примѣръ у всѣхъ кочующихъ Башкиръ. Наконецъ, кочевка обращается лишь въ краткосрочную роскошь, въ замѣну душевныхъ избъ кибитками, только на скоропреходящую безработную пору, какъ у нѣкоторыхъ оседлыхъ Башкиръ и Мещеряковъ; а вслѣдъ затѣмъ, совершенно забывается, и потомки бродящихъ пастырей становятся полезными земледѣльцами, каковы большая часть племенъ, населяющихъ западное предгорье Южнаго Урала.

Этотъ постепенный, безнасиловственный процессъ цивилизаціи совершается въ Заволжьи, начиная съ XVI вѣка. Поверхностные наблюдатели, не дающіе себѣ труда вникнуть въ сущность дѣла, считают нерѣдко переходъ кочевыхъ племенъ къ осѣлости невыгоднымъ для нихъ, подкрѣпляя это заключеніе дѣйствительно обычнымъ явленіемъ, то-есть меньшею зажиточностію новыхъ земледѣльцевъ, сравнительно съ ихъ предками-пастухами. Но въ мірѣ вообще, какъ для частныхъ лицъ, такъ и для народовъ, никакое коренное улучшеніе не достигается безъ предварительныхъ пожертвованій; а въ развитіи гражданственности переходъ отъ кочеванія къ осѣлости есть самый значительный шагъ къ цивилизаціи: нѣтъ сомнѣнія, что съ этимъ переходомъ первыя осѣдлыя поколѣнія, потерявъ богатые стада, которыя, безъ большихъ трудовъ для своихъ хозяевъ, обезпечивали существованіе ихъ, становятся неопытными земледѣльцами, для коихъ нелегко соперничествовать съ болѣе искусными совмѣстниками; но это временное испытаніе есть залогъ лучшей будущности для потомковъ означенныхъ поколѣній.

Развитіе осѣлости въ Заволжьи началось, какъ я уже сказалъ, съ XVI вѣка; однако же въ исторіи русской колонизаціи на сѣверныхъ предѣлахъ Средней Азіи есть замѣчательная эпоха, разграничивающая два разнохарактерные періода: до XVIII вѣка мы преимущественно заботились объ огражденіи своихъ предѣловъ, дѣйствовали главнымъ образомъ отрица-

тельно; а съ Петра Великаго и въ особенности со времени Анны Иоанновны начинается періодъ положительной цивилизаціи инородцевъ.

Петръ Великій ясно понялъ необходимость, для обезопасенія азіятскихъ рубежей Россіи и для пользы образованія вообще, не ограничиваться одною постройкою крѣпостей на окраинахъ Имперіи, а стараться о развитіи гражданственности у сосѣдей.

Война съ Швеціею и виды на Черное Море временно отвлекли вниманіе Государя отъ первоначальнаго плана; но когда побѣда надъ Карломъ XII успокоила Императора на счетъ западной границы государства, а неудачи Турецкой кампаніи лишили надежды на скорое открытіе морского пути для Россіи чрезъ Азовское и Черное моря; то Петръ Великій снова и съ большею еще настойчивостію обратился къ осуществленію видовъ своихъ на Среднюю Азію. Государь думалъ удобнѣе всего достигнуть цѣли, дѣйствуя отъ восточныхъ береговъ Каспія и отъ южныхъ предѣловъ Западной Сибири. Съ этимъ намѣреніемъ охранительная линія послѣднихъ отодвинута была до средняго теченія Иртыша; а на трехъ пунктахъ восточнаго берега построены крѣпостцы, и Бековичъ пошелъ отъ этихъ береговъ на Аму-Дарью. Но учрежденіе крѣпостей и походъ Бековича кончились неудачно, и хотя Петръ Великій, въ замѣнъ восточнаго побережья Каспія, занялъ въ послѣдствіи южное, т. е. Гилянъ и Мазендеранъ, однако же пріобрѣтеніе это оказалось столь же мало прочнымъ, ибо уже по трактату 1732 года означенныя провинціи возвращены Надиръ - Шаху. Что касается до Сибирской Линіи, то хотя она сохранилась и развилась, но отдаленность ея отъ центра Россіи препятствовала ей служить опорною точкою для могущественнаго дѣйствія на Среднюю Азію. Мѣстоположеніе таковой опорной точки было предъугадано самимъ Петромъ Великимъ послѣ Персидскаго похода.

Въ одной изъ записокъ, оставленныхъ Тевкелевымъ, между прочимъ, сказано. «Въ 1722 году, при Его Императорскомъ Величествѣ, блаженной и высокой славы достойныя памяти Государь Императоръ Петръ Великомъ, былъ я низжайшій въ Персидскомъ походѣ старшимъ переводчикомъ

въ секретныхъ дѣлахъ, и по возвращеніи изъ Персидскаго похода, Его Императорское Величество Государь Императоръ Петръ Великій изволилъ имѣть желаніе, для всего отечества Россійской Имперіи полезное намѣреніе, въ приведеніи издревле слышимыхъ и въ тогдашнее время почти неизвѣстныхъ Киргизъ-Кайсацкихъ Ордъ въ руссійское подданство, и оное свое Монаршее особое, меня низжайшаго, къ тому употребить намѣреніе имѣть, съ тѣмъ, буде оная Орда въ точное подданство не пожелаетъ, то стараться мнѣ, не смотря на великія издержки, хотя бы до милліона держать, то токмо чтобъ однимъ листомъ подъ протекцію Россійской Имперіи быть обязались, ибо, какъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Петръ Великій въ 1722 году, будучи въ Персидскомъ походѣ и въ Астрахани, чрезъ многихъ изволилъ увѣдомиться объ оной Ордѣ, хотя - де оная Киргизъ-Кайсацкая степной и легкомысленный народъ, *токи-де вслѣдъ азіатскимъ странамъ и землямъ, оная Орда влочь и врага*.

Тевкелевъ этотъ былъ тотъ самый, который сопровождалъ Бековича и, по приказанію Государя, отправленъ былъ имъ по Каспію въ Шемаху, дабы проникнуть оттуда въ Индію, для собранія возможныхъ свѣдѣній о странахъ, лежащихъ на пути. Но бури занесла Тевкелева въ Астрабадъ, гдѣ онъ былъ взятъ въ плѣнъ тамошнимъ намѣстникомъ и освобожденъ уже нашимъ посломъ при Персидскомъ Дворѣ Волынскимъ, по распоряженію котораго возвратился въ С.-Петербургъ.

Когда въ 1730 году Абуль-Хаиръ-Ханъ меньшей Киргизской Орды, тѣснимый Джунгарами и тревожимый Башкирами и Калмыками, прислалъ посланцевъ съ просьбою о принятіи его съ однородцами въ подданство Россіи, то веденіе окончательныхъ переговоровъ внутри Орды, по этому щекотливому предмету, возложено было на означеннаго Тевкелева, и, благодаря его твердости, умѣнью и краснорѣчію, въ 1732 году, то-есть именно въ минуту возвращенія Персіи при-Каспійскихъ провинцій, окончилось успешно, именно присягою Малой Киргизской Орды на подданство Императрицы. Но чтобы эта присяга произвела практическія послѣдствія, нужно было перенести русскую военную границу далеко на югъ, то-есть отъ Шемы и Уфы, гдѣ она шла до того, къ берегамъ Яика, и такимъ

образомъ прирѣзать къ Имперіи всю землю Башкиръ, занимавшихъ какъ обширныя степи, такъ едва проходимыя лѣсистыя края Южнаго Урала, — этой естественной твердыни на распутьи двухъ главныхъ дорогъ народныхъ движеній изъ Средней Азіи въ Европу. Трудное дѣло сіе возложено было также на питомцевъ Петра Великаго: сначала на перваго русскаго статистика, Оберъ-Секретаря Сената Кирилова, затѣмъ на географа и историка нашего Татищева и, наконецъ, послѣ Урусова, на человѣка съ желѣзною волею и провицательнымъ умомъ, Неплюева. Благодаря ихъ усиліямъ, Омскъ и Уральскъ, въ промежуткѣ между которыми, къ югу отъ Уфы, существовалъ до 1730-хъ годовъ лишь пригородъ Сакмарскъ, основанный въ 1719 году сибирскими бѣглецами, а въ 1727 году занятый, по распоряженію Правительства, Яицкими казаками, связались вскорѣ заселенною линіею по берегамъ Урала и Уя, такъ что не только многократныя бунты Башкиръ и набѣги Киргизъ, но даже возстаніе всѣхъ туземцевъ, въ совокупности съ старинными русскими переселенцами, одностороннее именуемое Пугачевскимъ, не могло потрясти русскаго владычества въ этихъ странахъ.

Съ тѣхъ поръ начала гражданственности все далѣе и далѣе были переносимы Русскими въглубь Средней Азіи: въ 1820 году прирѣзаны Илецкій районъ; въ 1822 году, съ изданіемъ устава о Сибирскихъ Киргизахъ, началось устройство Иртышско-Ишимской Стѣны, гдѣ въ 1824 году открыты приказы Каркаралинскій и Кокчетаевскій; въ 1831 году Аягузскій и Учъ-булакскій; въ 1833 году Баянъ-аульскій; въ 1834 г. Аманъ-Карагайскій; въ 1835 основаны укрѣпленія Улутауское и Актарское. Въ томъ же году основано на стѣверо-восточномъ берегу Каспія Ново-Александровское укрѣпленіе, при заливѣ Каспійскаго моря Кайдакъ. Въ 1836 году прирѣзано пространство между Уемъ-Ураломъ и лѣвою окраиною долины Тобола; въ 1844 году окончательно основано поселеніе Улутауское; въ 1846 году укрѣпленіе Оренбургское и Уральское на Тургаѣ и Иргизѣ, и Новопетровское на Мавгишлакѣ, въ замѣнъ упраздненнаго Ново-Александровскаго; наконецъ, въ 1847 году укрѣпленіе Раимское при устьѣ Сыръ-Дарьи; въ 1850 году Копальское у подножья С. З. отроговъ Тхянь-Шана.

Такимъ образомъ, въ теченіе не болѣе вѣка, Россія распространила зародыши осыдлости и благоустройства на пространства между 70° и 100° долготы и между 45° и 55° широты, и достигла этой цѣли безъ истребленія туземцевъ, съ весьма слабыми военными усиліями и можно сказать одною только административною распорядительностію.

Все это постепенно придвигало насъ съ трехъ различныхъ сторонъ къ берегамъ Арала, и къ устьямъ Сыра и Аму-Дарьи, а потому естественно возвышало для насъ значеніе осыдлыхъ, расположенныхъ тамъ владѣній.

Я уже имѣлъ случай замѣтить, что изъ таковыхъ владѣній, Коканское болѣе разьединено, чѣмъ связано съ устьями Сыра, Ташкеніею, а потому влияніе его на при-Аральскихъ Киргизъ незначительно и далеко слабѣе хивинскаго, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, одно простирается на сѣверные племена Туркменъ. Слѣдовательно очевидно, что изученіе состоянія и способовъ Хивы заслуживаетъ вниманія съ нашей стороны не въ одномъ торговомъ отношеніи.

Я могъ бы, сверхъ того, добавить къ исчисленнымъ доводамъ, что при-Аральское пространство достойно въ высшей степени любопытства метеоролога, какъ мѣсто проявленія наибольшихъ крайностей материковаго климата, относительно котораго наблюденія, производимыя по просьбѣ Академіи Наукъ въ Раимскомъ и Петровскомъ укрѣпленіяхъ, скоро прольютъ несомнѣнно большой свѣтъ; что замѣчательное отклоненіе Аму - Дарьи къ Аралу, послѣ многовѣковаго впаденія въ Каспій, не можетъ не составить важнаго предмета изученія для геолога; что грубость нынѣшнихъ владѣтелей этихъ странъ не лишаетъ однако же надежды найти тамъ по крайней мѣрѣ памятники прошедшаго, наименѣе подверженныя разрушенію, то-есть клады древнихъ монетъ и могильныя украшенія; но я не вхожу въ развитіе этихъ доводовъ, позволяя себѣ надѣяться, что вышеприведенныя мною уваженія достаточно оправдываютъ просьбу о вниманіи къ представляемымъ мною критическимъ объясненіямъ.

Обращаюсь къ обзору картографическихъ матеріаловъ, касательно разсматриваемой мѣстности.

Древніе Греки и Римляне не имѣли достовѣрныхъ свѣдѣній не только о видѣ Арала и низовьяхъ Сыра и Аму-Дарьи, но, по всей вѣроятности, даже о существованіи перваго, ибо знаменитѣйшіе географы того времени предполагали, что двѣ сказанныя рѣки впадаютъ въ Каспійское Море; лишь нѣкоторые добавляли къ сему, какъ Геродотъ и Страбонъ, что дельта Оксуса образуетъ, сверхъ того, болотистые разливы, или, какъ Амміанъ Марцелинъ и Птоломей, что одинъ рукавъ этой дельты впадаетъ въ особое Оксіанское Озеро.

Незнаніе это легко объясняется тѣмъ, что прямыя сношенія древнихъ на сѣверо-западной границѣ Азіи не простирались почти за Кавказъ, Бальхъ и Согдіанскую долину, то-есть нынѣшній Заревшанъ, откуда торговый путь въ Серику оставлялъ Аральское Море далеко влѣвъ. Если даже Каспій, несмотря на утвержденіе Геродота и Птолемея, до Менандра Константинопольскаго признавался заливомъ Ледовитаго Океана, то естественно, что свѣдѣнія объ Аралѣ должныствовали быть еще ограниченнѣе.

Во время Менандра возникли дипломатическія сношенія между Туркскимъ Ханомъ Дизавуломъ и Императоромъ Юстиномъ, для открытія новаго пути изъ Серики на западъ, минуя враждебныхъ Партовъ. Согдіянецъ Маніяхъ въ 568 году прибылъ въ Византію, а въ 569 г. отправился оттуда съ императорскимъ посломъ Земархомъ къ Дизавулу. Клапротъ въ 1826 году приложилъ къ своему разбору сочиненія г. Шмидта, о древней образованности средне-азіятскихъ народовъ, маленькую карту Средней Азіи, на которой, между прочимъ, обозначилъ путь Земарха, протянувъ его въ средину близко къ Аральскому Морю. Согласно съ этимъ, Нибуръ и Гумбольдтъ признали вѣроятнымъ, что большое озеро, упоминаемое Земархомъ въ своемъ путешествіи, есть Аральское, а г. Эйхвальдъ утверждаетъ даже, что это не подлежитъ сомнѣнію. Вопреки сему, я позволяю себѣ значительно сомнѣваться въ правдоподобности такового заключенія, и такъ какъ Земархъ могъ одинъ, изъ дошедшихъ до насъ древнихъ путешественниковъ, говорить въ качествѣ очевидца объ Аралѣ, то свидѣтельство его и заслуживаетъ тщательнаго разсмотрѣнія съ нашей стороны. Менандръ Константинопольскій, въ своей исторіи дипломатиче-

скихъ сношеній восточнаго двора съ варварами, передаетъ показаніе Земарха слѣдующимъ образомъ:

«Postquam fama ad finitimas Turcæ gentes pervenerat, legatos Romanorum advenisse, eosque unâ cum Turcorum legatis Byzantium redire, ejus regionis dux Disabulum supplex oravit, ut Reipublicæ Romanæ visendæ gratia sibi quoque legatos mittere liceret. Quod Disabulus non recusavit. Sed quum aliarum quoque gentium duces idem peterent, nulli alii, quam soli Chliatium Duci concessit. Itaque hunc etiam Romani assumentes, trajecto flumine Oich, haud breve viæ spatium emensi, *ad illam ingentem et latam paludem pervenerunt.* Hic Zemarchus tres dies commoratus, mittit Georgium, cui munus breviores epistolas perferendi delatum erat, ut Imperatori legatorum a Turcis reditum significaret. Georgius igitur eum duodecim Turcis desertam quidem et inaquosam, sed breviorē viam Byzantium versus ingressus est. Zemarchus autem per arenosa paludis iter faciens per duodecim dies, loca prærupta prætergressus, attingit ripas non solum fluminis Hichi, sed etiam Daichi, et rursus per alias paludes ad Attilam pervenit.» (*Menand. Hist. legat. Barbaror. ad Romanos.* p. 300, 304, 619, 623, 628. *Nicbuhr, ed. Bonn. 1829*).

Очевидно, что дабы опредѣлить направленіе пути, необходимо прежде всего рѣшить, гдѣ была расположена исходная точка его, то-есть главное становище Дизавула. По свидѣтельству Менандра, Земархъ нашелъ ставку Хана въ одной изъ долинъ Эктага или Эктедя. Созвучіе перваго имени съ названіемъ Актау побуждаетъ г. Эйхвальда заключить, что Дизавуль жилъ въ горахъ, извѣстныхъ нынѣ подъ этимъ именемъ, между Сыръ-Дарьею и Заревшаномъ. Если бы это было справедливо, то конечно можно бы предположить, что Земархъ коснулся Аральскаго Моря; но гипотезъ г. Эйхвальда противоречатъ какъ китайскія лѣтописи, такъ самый текстъ Менандра. Изъ первыхъ мы знаемъ, что центръ туркскаго владычества находился въ VI вѣкѣ въ Западномъ Алтаѣ, а не на крайней оконечности Тхянциана. Сверхъ того, Земархъ самъ въ двухъ мѣстахъ поясняетъ слово Эктагъ и Эктедь, какъ означающее не бѣдыя, а золотыя горы, — имя, издавна присвоенное въ Азіи Алтаю; наконецъ, описывая походъ Дизавула противу Персовъ, Земархъ говоритъ, что Хаканъ дошелъ до страны Талашъ. Г.

Эйхвальдъ утверждаетъ, что это — по-бухарски (то-есть, вѣроятно, по-персидски) значить поле; но бесполезно прибѣгать къ подобному изысканному объясненію, когда есть гораздо простѣйшее, а именно: въ названіи р. Талашъ, текущей донынѣ къ югу отъ Чуя, которую Клапротъ и Гумбольдтъ дѣйствительно признали за Талашъ Земарха. Если же это, какъ весьма вѣроятно, справедливо, то Земархъ ни въ какомъ случаѣ не могъ найти Дизавула въ Актау, ибо Талашъ лежитъ къ сѣверу отъ сихъ горъ и слѣдовательно вовсе не на дорогѣ отъ нихъ въ Персію. Потому Клапротъ, Нибуръ, Риттеръ и Гумбольдтъ весьма основательно признали Эктагъ Земарха за нынѣшній Алтай. Но въ такомъ случаѣ нельзя, кажется, допустить, согласно съ ними, чтобы двѣ, прежде другихъ поименованныя Менандромъ рѣки на возвратномъ пути Земарха означали Сыръ и Эмбу, а большое озеро между ними — Араль, такъ какъ, дабы отъ Норъ-Зайсанга достигнуть р. Урала при нынѣшней Сарайчиковской, или даже выше сего (ибо Земархъ вовсе не касался Каспійскаго Моря), очевидно бесполезно дѣлать огромный кругъ на югъ, спускаясь за Сыръ-Дарью. Мы знаемъ, по свидѣтельству Гальдучи Пеголети, что торговый путь Генуэзцевъ изъ Тавриды къ берегамъ р. Или, въ XIV вѣкѣ, описывалъ еще большій кругъ, а именно: шелъ отъ Сарайчика на Старый-Ургенчъ и оттуда, чрезъ Отраръ, въ нынѣшнюю Гульджу; но это дѣлалось съ цѣлію коснуться самыхъ торговыхъ странъ и не идти по дикимъ степямъ; между тѣмъ какъ Земархъ, спускаясь на югъ и не достигая однакожъ до осыдаемыхъ и образованныхъ мѣстъ именно замѣнялъ бы удобную дорогу чрезъ земли нынѣшнихъ Сибирскихъ Киргизъ едва проходимымъ путемъ — чрезъ степь Бедпакъ-Дала. Сверхъ того, между большимъ озеромъ и р. Хикъ, Земархъ идетъ 12 дней озерами, песками и горами; въ послѣднихъ Эйвальдъ узнаеть Мугоджары; но весь переходъ черезъ нихъ составляетъ всего два дня и слѣдовательно никакъ не объясняетъ Земархова пути.

Отъ представится, по мнѣнію моему, гораздо естественнѣе, если подѣ Ойхомъ разумѣть Иртышъ, подѣ большимъ же озеромъ — Балхашъ, откуда Георгій могъ дѣйствительно быть направлень прямо къ западу чрезъ голодную степь, а Земархъ взять сѣвернѣе, чрезъ холмистыя, но болѣе плодородныя до-

лины притоковъ Нуры, и затѣмъ, отѣтивъ Тургай подъ именемъ Ика, достигнуть Дайха или Яика. Только при подобномъ слѣдованіи Земархъ не могъ, разумѣется, видѣть Арала.

Китайцы тоже знали основательно лишь верхнія и среднія части долины Сыра и Аму; Аральское же и Каспійское моря сливались въ ихъ понятіяхъ въ одно Западное Море.

Но съ самаго перваго начала географической литературы у Арабовъ, мы находимъ у нихъ, благодаря частымъ сношеніямъ съ Маверанегромъ, довольно точныя понятія какъ о двухъ рѣкахъ его, такъ и объ Аралѣ, что сохранилось въ продолженіе всей мусульманской литературы до XVII вѣка и ясно выражено на дошедшей до насъ картѣ Альбистахри.

Равномѣрно и въ первомъ древне-русскомъ географическомъ сочиненіи, въ книгѣ Большаго Чертежа, составленіе которой принадлежитъ къ концу XVI и началу XVII вѣка, содержится весьма удовлетворительныя для того времени свѣдѣнія не только объ Аральскомъ или Синемъ Морѣ, но даже о его прибрежьяхъ.

Точность этихъ свѣдѣній, во время, предшествовавшее XVII вѣку, объясняется какъ выше приведенными торговыми сношеніями Россіи съ Маверанегромъ и Индією, такъ и заботливостію Московскихъ Государей о разширеніи сей торговли, и частымъ пріѣздомъ къ намъ посланцевъ отъ средне-азіатскихъ владѣльцевъ. Въ теченіе же XVII столѣтія были даже неоднократно поѣздки русскихъ агентовъ къ этимъ владѣльцамъ. Такъ именно въ 1620 году отправленъ къ Бухарскому Имамъ-Кули Хану, въ качествѣ посланника, дворянинъ Иванъ Даниловъ Хохловъ. Въ данной ему къ Бухарскому Хану грамотѣ, отъ 24 мая, Царь благодарилъ Хана за посла Эдема, изъявлялъ желаніе быть съ Эмиромъ въ согласіи и дружбѣ, увѣдомлялъ его, что, въ знакъ пріязни своей, посылаетъ ему 4 добрыхъ кречетовъ во всемъ нарядѣ, и извѣщая о сдѣланномъ по просьбѣ его предписаніи Казанскому, Астраханскому и другихъ городовъ воеводамъ, о позволеніи Бухарцамъ торговать разными товарами и о защищеніи ихъ отъ притѣсненій и обидъ, требовалъ того же для русскихъ купцовъ, пріѣзжающихъ въ Бухарію, просилъ объ освобожденіи русскихъ плѣнныхъ и о скоромъ отпускѣ посланника Хохлова. Въ наказѣ сему посланнику, между

прочимъ, предписано слѣдующее: развѣдывать о находящихся въ Бухаріи русскихъ плѣнныхъ, и въ особенности о именитыхъ дворянахъ; если для допущенія къ Хану упорно будутъ требовать у него пошлины, то ему оныхъ отнюдь не платить и возвратиться въ Россію; когда Бухарскій Ханъ пригласитъ его къ себѣ за столъ, требовать, чтобы въ то время пословъ другихъ державъ за онымъ не было; а если они будутъ, то чтобы ему сидѣть выше ихъ, въ противномъ же случаѣ не обѣдать; назначено, что ему отвѣчать на вопросы о сношеніяхъ Россіи съ другими государствами, о перемиріи съ Польскимъ Королемъ и о другихъ политическихъ дѣлахъ, а самому о семъ заговаривать не вѣльно: о кречетахъ, посланныхъ въ даръ Хану, приказано объявить, что они не сидѣлые, кои не выносятъ далекаго пути, а дикіе; при семъ подтверждено, чтобы царскіе кречетники, съ ними отправленные, не были на ханской охотѣ.

На пути въ Бухарію, Хохловъ терпѣлъ нападенія отъ кочевыхъ Туркменцевъ и притѣсненія отъ Хановъ Юргенскихъ, желавшихъ отнять у него кречетовъ, и отъ ханскихъ приближенныхъ, домогавшихся отъ него подарковъ и пошлинъ. Въ городѣ Бухарѣ встрѣтилъ его посадскій староста; Хохловъ былъ помѣщенъ въ караванъ-сарай и получалъ подневный кормъ, состоявшій изъ пшена, 30 лепешекъ и одного барана. Тамашинъ воевода требовалъ его къ себѣ съ подарками, въ чемъ Хохловъ отказывалъ ему неоднократно, говоря, что онъ присланъ къ Хану Имамъ-Куль; воевода хотѣлъ насильно отнять у него подарки, и посланникъ со свитой принужденъ былъ прибѣгнуть къ оружію. Наконецъ, они были отпущены въ Шамарханъ (Самаркандъ), мѣстопребываніе Хана, и на пути туда получали кормъ отъ пристава, ихъ сопровождавшаго. Передъ Самаркандомъ встрѣтилъ ихъ отъ Хана Адамъ-Бей, бывшій въ Россіи посломъ. Имъ вѣльно ѣхать въ городъ и остановиться въ караванъ-сарай. На другой день по пріѣздѣ, они были у Хана, который прислалъ за ними того же Адамъ-Бея; Ханъ принялъ ихъ на дворѣ посадекаго человека, сядя, подогнувши подъ себя ноги, между двухъ палатъ, на деревянномъ помостѣ, покрытомъ ковромъ; владѣльца окружали около двадцати князей. Есауль хотѣлъ взять у посланника, тотчасъ по входѣ его на тотъ дворъ, царскую грамоту, но онъ не далъ ея, и говорилъ Хану привѣт-

ствіе по полученному имъ наказу. Видя, что Ханъ не встаетъ при имени и поклонѣ царскомъ, посланникъ замѣтилъ ему, что всѣ Государи встаютъ изъ уваженія къ имени Его Царскаго Величества; Ханъ извинился тѣмъ, что давно уже русскихъ словъ у нихъ не было, и, сказавъ, что онъ слушалъ Государеву рѣчь съ удовольствіемъ, и, замислившись о ней, забылъ встать, увѣряя, что это не происходило отъ непріязни и неуваженія. Грамату Царскую приказалъ онъ принять есаулу, и на рѣчь посланника отвѣчалъ, что исполнить требованія Царя, велитъ сыскать всѣхъ полоненниковъ русскихъ и отправить къ нему Хохлову въ Бухару. Потомъ посланникъ объявилъ Хану о поминкахъ Царскихъ, состоявшихъ изъ 4 крестовъ: Ханъ велѣлъ принять ихъ ближнимъ своимъ людямъ; послѣ сего посланникъ поднесъ отъ себя въ даръ 40 соболей и флагу вина, по принятіи коихъ Ханъ отпустилъ его, сказавъ, чтобы онъ ѣхалъ въ Бухару и ожидалъ скорого его туда прибытія. Адамъ-Бей объявилъ Хохлову, что Ханъ пожаловалъ ему 1000 хандыковъ (бухарская монета, содержащая въ себѣ 2 алтына); но вмѣсто суммы сей, посадскій староста доставилъ ему только 180 хандыковъ, сказавъ, что остальные взялъ Адамъ-Бей, уѣхавшій въ Бухару. По приказанію ханскому, потребовали у него двѣ пищали, турецкую и русскую; русскую пищаль возвратили, а о той дали знать, что она понравилась Хану. Съѣстные припасы покупалъ Хохловъ на свой счетъ, и отправился на своихъ подводахъ въ Бухару, откуда, по долгомъ ожиданіи Хана, посылалъ къ нему толмача просить объ отпускѣ. По приказанію Хана, посланникъ пріѣхалъ опять въ Шамарханъ въ началѣ іюля, но не засталъ тамъ Имамъ-Кулы, отправившагося съ войскомъ въ Балкъ, къ брату своему Недиръ-Магомету. Возвратясь вскорѣ въ столицу, Ханъ, по причинѣ болѣзни своей, принялъ Хохлова на своемъ дворѣ въ постели у окошка, и отпустилъ его, сказавъ, что пошлетъ къ Царю посла съ граматою, что онъ приказалъ не удерживать русскихъ полоненниковъ, находящихся при дворѣ его, и вольныхъ, если пожелаютъ возвратиться въ отечество, но что другихъ отыскивать за смятеніемъ некогда; онъ обещалъ при томъ выполнить требованіе Царя по усмиреніи мятежниковъ. Подарки хановы состояли въ слѣдующемъ: жеребецъ съ сѣдломъ и уздою, чалма шелковая

съ золотомъ и серебромъ, красный бархатный кафтанъ и шелковый съ золотомъ кушакъ.

По кончинѣ Царя Михаила Федоровича, сынъ его и наследникъ, Царь Алексѣй Михайловичъ 1646 года юля 14 отправилъ въ Бухарию съ разными товарами купчину Аниса Грибова, и послалъ съ нимъ къ Хану Недирь-Магомету извѣстительную грамоту о возшествіи своемъ на Всероссійскій престолъ, въ коей просилъ отпустить съ сими купчиною русскыхъ плетныхъ, находящихся въ Бухаріи. Грамата сія отправлена была изъ Персіи къ Бухарскому Хану, а купчина Грибовъ самъ не дотѣхалъ до Бухаріи, по причинѣ случившейся тамъ междоусобной войны, и торговалъ въ Персіи. Поводомъ къ сей войнѣ было сверженіе съ престола Хана Недирь-Магомета и избраніе на оный сына его Абдуль-Азиза; произшедшія отъ того внутренняго безпокойствія и войны съ Великимъ Моголомъ, покровительствовавшимъ Недирь-Магомету, и съ Юргенскимъ Ханомъ, прекратили навремя сношенія Бухаріи съ Россією.

Царь Алексѣй Михайловичъ возобновилъ и расширилъ сіи сношенія, отправивъ въ 1669 году посланцевъ въ Хиву и Бухару.

Первое порученіе возложено было на астраханскаго боярскаго сына Ивана Федотова и на тамошняго посадскаго человека Матвѣя Муромцева.

Они отправились изъ Астрахани 15 февраля 1669 года съ посланцемъ Хивинскаго Хана Нависъ Шаха Паландою-Могаметъ-бекъ-Рузумовымъ и прибыли, иди все сухимъ путемъ, къ городу Хивѣ 2 іюня того же года; вслѣдъ за тѣмъ, по распоряженію Хана Ануши, назначенъ былъ къ нимъ особый приставъ, отведена квартира и опредѣлено содержаніе.

13 іюня Иванъ Федотовъ представлялся Анушъ Хану, былъ принятъ съ честью и хотя Ханъ отрекся отъ преувеличенныхъ показаній хивинскаго посланника о богатствѣ и торговой важности Хивинскаго Ханства; однакожъ, для личнаго удостовѣренія, дозволилъ Федотову, на второй аудіенціи 22 іюня, съѣздить самому въ важнѣйшіе торговые города. Вслѣдствіе чего, онъ 30 іюля отправился въ Ханки, а оттуда въ Хазараспъ, гдѣ дѣйствительно убѣдился въ ничтожномъ развитіи хивинской промышленности, ибо, говоритъ Федотовъ въ своемъ донесеніи, «въ тѣхъ-де городахъ юргенское и хивинское вся-

кихъ чиновъ люди межъ себя торгуютъ зедеями, и выбойки, и бумагою хлопчатою, и пестредями, и шолкомъ сырцомъ; а купать-де шолку сырцу пудъ по 60 рублей, выбойки по 13 алтынъ по 2 деньги, пестредь по 6 алтынъ по 4 деньги, зедеи по 3 алтына по 2 деньги, бумаги хлопчатой пудъ по 1½ руб.; а дѣлаютъ шолкъ, и бязи, и зедеи простые; а не чаровые въ Юргенской землѣ; а бурмети, и выбойки, и бумагу, и пестреди привозятъ изъ Бухарь сами Юргенцы; а Бухарцы съ товары въ Хиву и въ Юргенцъ прѣзжаютъ мало; Индѣйцы и Балхицы не прѣзжаютъ, и складовъ Юргенцы съ Индѣйцы въ торгѣхъ не имѣютъ, и верблюжьею шерстью не торгуютъ и *Россійскаго Государства торговымъ людямъ отъ тѣхъ товаровъ большіе прибыли и пожитковъ не чаятъ*, потому что въ Астрахани тотъ товаръ купать не только шолкъ сырецъ и дѣланной немногимъ больши сорока рублей, а зедеи по 4 алтына по 2 деньги, пестреди по 9 алтынъ, бязи аршинъ по 3 деньги, бурмети и выбойки по 15 алтынъ, бумагу хлопчатую по 2 руб. п.»

О политическомъ положеніи Хивы Осетовъ сообщаетъ слѣдующее:

«А ратныхъ-де всякихъ чиновъ служилыхъ людей во владѣніи Юргенскаго Хана 15,000 человекъ; служатъ лучнымъ боемъ; а пищали есть мелкіе и то не у многихъ людей; а земля-де Юргенская не велика, и хлѣбомъ и вѣсмъ скудна, и лѣсовъ нѣтъ, и въ лѣтнее и въ осеннее время вѣтъ варятъ травую; а въ зимнее скудное время дрова привозятъ съ великою нужею зъ Дарчи рѣки; а вѣздъ до той рѣки трои сутки; да и вода проведена изъ той же рѣки; а иныхъ колодезей и ключевыхъ нѣтъ; а объѣзжаютъ Юргенскую землю въ 3 дни; а деньги дѣлаютъ мѣдныя; а тѣми деньгами торгуютъ только межъ себя.»

«А съ Туркскимъ-де Салтаномъ и съ Крымскимъ Ханомъ у Юргенскаго Хана ссылокъ никакихъ нѣтъ.»

«А съ Персицкимъ де Шахомъ Юргенской Ханъ ведетъ войну за то, что Персицкой Шахъ противъ прежнего подарковъ погодно не присылаетъ; и за то Юргенской Ханъ ходилъ Персицкаго Шаха въ города въ Астрабадъ и въ Карашаръ войною; и тѣхъ городовъ многихъ людей побилъ, въ полонъ поималъ; и

нынѣ де у Персидскаго Шаха въ зборѣ много ратныхъ людей стоять въ Мешете, да въ Страбате; и Юргенской Ханъ имѣеть опасеніе большое и часть на себя Персидскаго Шаха прихода войною».

13 сентября 1669 года Оедотовъ съ товарищами оставили Хиву, выкупивъ тамъ 12 русскихъ за 828 руб., и 6 ноября благополучно прибыли въ Астрахань.

Въ томъ же 1669 году въ іюнь мѣсяцъ отправлены посланниками въ Бухару Борисъ и братъ его Семень Пазухины. Въ данной имъ къ Бухарскому Хану Абдуль-Азизу грамотѣ, Царь требовалъ освобожденія и присылки съ сими посланниками русскихъ плѣнныхъ, и изъявилъ желаніе быть съ Ханомъ въ согласіи и соизволеніи на торговлю Бухарцевъ въ Россіи.

Прибывъ 28 іюня слѣдующаго года въ деревню за 7 верстъ отъ города Бухары, Пазухины отправили туда толмача, для извѣщенія о пріѣздѣ своемъ въ качествѣ посланниковъ отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича къ Абдуль-Азизу Хану. Въ тотъ же день Ташъ-Булакъ-Бекъ, намѣстникъ Бухарскаго Хана на время похода его противъ Балковского Хана, прислалъ къ нимъ есаула и дворянина съ извиненіемъ, что встрѣчи большой посольству сдѣлать нельзя, ибо всѣ служилые люди пошли въ походъ съ Ханомъ. Посланники отправились съ присланными къ городу, и за 3 версты остановились въ полѣ, куда и прислано имъ достаточное количество съѣстныхъ припасовъ. Прибывъ въ Бухару по приглашенію намѣстника, они были у него для отправленія къ Хану гонца, съ извѣстіемъ о ихъ посольствѣ. По тамошнему обычаю, съѣстные припасы для посланниковъ собирались съ купечества первые три дня сряду, по прошествіи коихъ отпускали имъ ежедневно по 3 руб. и 28 алтынъ (на русскія деньги). Сначала они отказывались отъ сего скуднаго и несообразнаго съ достоинствомъ ихъ содержанія, говоря, что довольны жалованьемъ своего Государя и могутъ сами себя содержать; но наконецъ согласились принять оное, когда имъ объявили, что оно назначено до указа ханскаго.

Іюля 14, Ханъ прислалъ къ нимъ чиновника своего Малай-Кашара, который, спросивъ ихъ о здоровьѣ, говорилъ имъ отъ имени Хана, чтобы они не были печальны, чтобы прогуливались въ ханскихъ заповѣдныхъ садахъ и надѣялись на его ми-

лость. Ханъ указалъ выдать имъ одновременно 215 рублей на содержаніе ихъ до отпуска, который обѣщалъ имъ въ непродолжительномъ времени. Отблагодаривъ посланнаго, они сказали ему, что если Ханъ и не укажетъ выдавать имъ сей суммы, то они будутъ довольствоваться Царскимъ жалованьемъ, и просили не задерживать ихъ отпускомъ.

По возвращеніи Хана въ столицу 29 декабря, на другой день приставъ извѣтилъ ихъ, чтобы они были готовы явиться къ Хану; они требовали, чтобы въ то время не было у Хана другихъ пословъ и чтобы за ними присланы были лошади. На возраженіе пристава, что сего ни для какихъ пословъ и нихъ не дѣлаютъ, они отвѣчали, что бухарскимъ посламъ въ Россіи даютъ лошадей изъ Царской конюшни; вслѣдствіе чего и прислана отъ Хана для Бориса Пазухина верховая ослѣланная лошадь, на коей онъ отправился въ сопровожденіи пристава на пріемную аудіенцію; брать его и свита ѣхали на своихъ лошадяхъ; грамоту Царскую везъ впереди подъячій Прошлецовъ. Посланникъ ни къ кому изъ вельможъ не затѣжалъ и никакихъ пошлинъ не платилъ. У воротъ ханскаго двора встрѣтилъ ихъ Малай-Бекъ, начальникъ пѣхоты, стрѣлковъ и артиллеріи, и просилъ ихъ слѣзть съ лошадей, ибо никакой посолъ не ѣзжаетъ на дворъ ханскій; исполнивъ сіе, они взошли на рундукъ, устроенный для пріема пословъ. Ханъ сидѣлъ на четвероугольномъ съ 6 ступенями возвышеніи, покрытомъ золотыми коврами. По правую сторону сидѣли на рундукѣ первые чины бухарскіе, Ходжи, ханскаго поколѣнія, а по лѣвую другіе высшіе чины; всѣхъ было слишкомъ 400 человекъ.

Приставъ, объявлявшій Хану о присланныхъ ему дарахъ, записывалъ поминки Царскіе, между тѣмъ какъ вельможи разговаривали съ посланниками о сношеніяхъ Россіи съ Турціею и другими государствами. Первый ханскій чиновникъ потребовалъ у нихъ Царской грамоты; но Борисъ Пазухинъ отказалъ ему въ семъ, говоря, что по указу Государя, никому не вручить его грамоты, кромя самаго Хана. Наконецъ, послѣ долгаго спора, по требованію его, доложили о семъ Хану, который чрезъ пристава велѣлъ ему представиться. Посланника вели подъ руки два вельможи по ступенямъ съ правой стороны престола; Ханъ, приподнявшись, съ честію принялъ отъ не-

го Царскую грамоту, и, не читая, положилъ ее передъ собою. Потомъ посланникъ объявилъ Хану о поминкахъ Царскихъ, говорилъ рѣчь о желаніи Царя утвердить дружескія и торговыя сношенія между обѣими державами, требовалъ освобожденія русскихъ плѣнныхъ. По окончаніи рѣчи, Ханъ велѣлъ посланникамъ сѣсть близъ него между вельможами, спрашивалъ ихъ о времени ихъ отправленія и о пути въ Бухарию, а кромѣ того ни о чемъ не говорилъ.

Января 7 слѣдующаго года Ханъ чрезъ пристава требовалъ къ себѣ посланниковъ съ ихъ дарами, что они въ тотъ же день и исполнили. Ханъ спрашивалъ ихъ о потѣхахъ Царскихъ, о соколахъ и кречетахъ; потомъ велѣлъ принести двухъ кречетовъ своихъ, и, посадивъ ихъ на руку, говорилъ, что это его любимая охота и что онъ желалъ бы имѣть такихъ птицъ отъ Царя Русскаго, и спрашивалъ о ближайшемъ пути въ Россію.

На другой день, по приказанію ханскому чрезъ пристава, посланники были у Ходжей, совѣтниковъ ханскихъ, и просили ихъ ходатайства объ освобожденіи плѣнныхъ, обѣщая имъ Царскую милость. Ходжи увѣряли ихъ въ усердіи своемъ къ пользѣ Царя и предлагали свое покровительство въ случаѣ мятежа или грабительства.

Февраля 2 посланники приглашены чрезъ пристава къ ханскому столу, съ извѣщеніемъ, что другихъ пословъ за онымъ не будетъ. Обѣдъ былъ на томъ же рундуکѣ, на которомъ происходила пріемная аудіенція. Посланники сидѣли по лѣвую сторону отъ Хана, съ вельможами и воеводами изъ разныхъ городовъ, по сему случаю собранными, а по правую сторону сидѣли Ходжи и духовныя особы. Передъ Ханомъ лежали его доспѣхи; за нимъ стояли 12 придворныхъ, державшіе попеременно его посохъ и саблю; передъ нимъ были 200 есауловъ съ посохами, а позади ихъ на рундукахъ по обѣ стороны стояли по 9 человекъ съ пищальми. Скатерть несъ въ мѣстѣ стольникъ; передъ нимъ шелъ дворецкій и, взявъ скатерть, подавъ ее придворному чиновнику, коего должность состояла въ томъ, чтобы накрывать на столъ, отвѣдывать кушанья, принимать ихъ и ставить передъ Хана, стоя на коленяхъ на верхней ступенькѣ. Сначала подали овощей, ягодъ и разныхъ сахаровъ нарядныхъ —

выраженіе посланника въ его реляціи. Ханъ, прежде нежели самъ началъ ѣсть, послалъ со стольникомъ овецъ Ходжамъ, вельможамъ и Борису Пазухину, который, привставъ, поклонился ему. Перемѣнивъ скатерть, подали разныхъ кашъ цѣтныхъ и мясъ на 31 мистъ, которыя всѣ поставили въ одно время, и коихъ онъ тѣмъ же порядкомъ присылалъ посланнику, прежде нежели наложилъ себѣ. Передъ Ханомъ стояли золотые сосуды и тарелки; питье — молоко и воду — подносили ему въ золотыхъ чашахъ. Девять потѣшниковъ забавляли объдавшихъ разными играми и пѣли по книгѣ; послѣ сего, приведенъ былъ звѣрь съ чернымъ надъ губою рогомъ, при чемъ Ханъ спрашивалъ посланника, водятся ли такіе звѣри въ Россіи и гдѣ добывается кость рыбы зуба. Послѣ стола, пили молоко изъ деревянныхъ чашъ за ханское здоровье; потомъ болѣе разошлись и посланники возвратились къ себѣ на подворье. Они поднесли подарки ближнимъ вельможамъ ханскимъ, прося ихъ содѣйствовать освобожденію плѣнныхъ и ускоренію ихъ отпуска; но Ханъ отложилъ оный до окончанія войны и до учрежденія безопаснаго пути чрезъ Калмыцкія кочевья. Между тѣмъ посланники были неоднократно приглашаемы къ ханскому столу. Іюля 12 приставъ увѣдомилъ ихъ о скоромъ отпускѣ, велѣлъ имъ готовиться въ путь и принесть ханскіе подарки: золотомъ шитый кафтанъ, чалму и кушакъ. Сентября 20 Ханъ прислалъ посланникамъ 9 русскихъ плѣнныхъ съ приставомъ, который объявилъ имъ отъ Хана, что плѣнные сіи куплены у Хивинцевъ, пріѣзжавшихъ въ Бухарію, по 40, 50 и болѣе рублей за каждаго; что Ханъ отправляетъ ихъ къ Царю Алексѣю Михайловичу, для утвержденія взаимнаго согласія и дружбы, и не посылаетъ болѣе, ожидая возвращенія изъ Москвы посла своего Мулло-Оора и пріѣзда новыхъ русскихъ пословъ; но что Ханъ не будетъ удерживать русскихъ выходцевъ изъ нныхъ земель, которые пожелаютъ возвратиться въ отечество. Не смотря на всѣ усилія посланниковъ освободить большее число плѣнныхъ, они въ томъ не успѣли. Они требовали подводу для отъѣзда, вмѣсто коихъ, по тамошнему обыкновенію, назначено выдать имъ денегъ 400 руб., изъ коихъ вычли 10 часть въ казну и 20 приставу. Согласно данному имъ наказу, они тайно утѣщали русскихъ плѣнныхъ сохранять вѣру свою и стараться о воз-

вращеніи себя свободы. На оставшіеся у нихъ отъ издержекъ и на полученные ими за проданные товары деньги 585 рублей, они выкупили 22 плѣнныхъ, въ числѣ коихъ не нашлось ни дворлянъ, ни дѣтей боярскихъ.

Отпускная аудіенція была 20 октября и происходила тѣмъ же порядкомъ, какъ пріемная. Ханъ говорилъ посланникамъ, что, желая сохранить дружескія сношенія съ Царемъ Россійскимъ, онъ исполнить его требованіе о плѣнникахъ, коихъ будетъ отпускать съ своими и Царскими послами, только когда дорога черезъ кочевья Калмыцкія сдѣлается безопасною, и что онъ посылаетъ къ Царю Алексію Михайловичу съ грамотою стольника своего Исургамъ-Абкерема. Посланники отвѣчали Хану чрезъ ближнихъ его бояръ, что они не могутъ безъ его грамоты возвратиться къ своему Государю, и просили отправить оную съ ними, на что Ханъ согласился, и, воздѣвъ надъ ними руки, отпустилъ ихъ. Въ тотъ же день Ханъ пошелъ въ походъ по Туркестанской дорогѣ, а на другой день прислалъ съ приставомъ грамоту. Содержаніе ея слѣдующее: Абдуль-Азизъ-Бегадыръ Ханъ благодаритъ Царя за посланниковъ его, увѣдомляя, что и онъ отправилъ было въ Россію своего посланника, который, будучи ограбленъ Калмыками, принужденъ возвратиться въ Бухарію; Ханъ заключаетъ грамоту тѣмъ, что посланнику Борису Пазухину подробно поручено отъ него объявить словесно о разныхъ дѣлахъ. Посланники, по полученному ими наказу, помѣстили въ донесеніяхъ своихъ слѣдующія извѣстія о тогдашнемъ состояніи Бухаріи: войско ея простиралось до 130 тысячъ и состояло по большей части изъ Туркестанцевъ, Каракалпаковъ и Кайсаковъ; природные Бухарцы — народъ невоинственныи; казна ханская очень бѣдна, ибо все деревни росписаны на содержаніе войска и разныхъ чиновниковъ, а ебираемая съ денежнаго двора сумма и пошлинные деньги все издерживались на ханскіе домашніе расходы; хлѣба въ Бухаріи съили весьма мало; поля поливали наускною водою, для чего употребляли плѣнныхъ. Вслѣдствіе наказа, Пазухинъ представилъ подробное извѣстіе о пути въ Индію.

Въ 1675 году назначенъ былъ Россійскимъ посланникомъ въ Бухару Василій Александровичъ Даудовъ, съ коимъ отправленъ Астраханскій Татаринъ Маметъ-Исупъ Касимовъ, послан-

ный къ Великому Моголу. Въ данной имъ къ Хану Бухарскому граматѣ, Царь Алексѣй Михайловичъ напомнилъ Хану о сдѣланномъ чрезъ Бориса Пазухина обѣщаніи, отпустить Русскихъ плѣнныхъ съ первымъ будущимъ Царскимъ посланникомъ, и просилъ о препровожденіи чрезъ владѣнія его въ Индію Маметъ-Исупа Касимова.

Они плыли моремъ 3 недѣли, выпли на берегъ у Караганской пристани, наняли у Туркменцевъ верблюдовъ и ѣхали степью до Хивы. Тамошній Ханъ ходилъ войною на Бухарію, и они принуждены были 40 недѣль ждать его возвращенія. Даудовъ былъ у него съ Царскими подарками и просилъ объ освобожденіи русскихъ плѣнныхъ; Ханъ обѣщалъ исполнить сіе требованіе, если Бухарскій Ханъ, имѣвшій, по его словамъ, много плѣнныхъ русскихъ, сдѣлаетъ то же. По его повелѣнію, у посланника взяли двухъ кречетовъ изъ посланныхъ отъ Царя Абдуль-Азизу.

Изъ Хивы въ Бухарію ѣхали они степью 2 недѣли; въ Бухару пріѣхали въ январѣ 1676 года; на другой день по пріѣздѣ были у Хана, который обрадовался имъ и подаркамъ, и указалъ выдать посольству на кормъ 350 руб. (на русскія деньги). Абдуль-Азизъ сначала отказалъ Даудову въ освобожденіи плѣнныхъ; но потомъ, по неотступному домогательству посланника, чрезъ ближнихъ его вельможъ, согласился отпустить съ нимъ только 5 человекъ вольныхъ, откупившихся работою, говоря, что имѣетъ нужду въ людяхъ, по причинѣ войны съ Хивинскимъ Ханомъ, который, какъ видно изъ показаній казанскаго толмача Ивана Горнаго, отправленнаго къ Царю отъ Даудова, и изъ реляцій самаго посланника, взялъ у Бухарскаго Хана много городовъ и истребилъ много народа. Ханъ обѣщалъ векоръ отправить къ Царю своихъ пословъ и съ ними отпустить 20 плѣнниковъ безъ платы, что и повторилъ въ граматѣ своей къ Царю, отправленной съ Даудовымъ. Посланникъ выкупилъ въ Хивѣ и Бухаріи русскихъ невольниковъ 33 человека, которые съ доставленіемъ въ Россію стоили 1,114 рублей.

Явленіе совершенно противное восточной и древне-русской литературѣ представляетъ географія и картографія западной Европы. Несмотря на положительныя показанія Арабовъ и даже

свѣдѣнія, сообщенныя европейскими путешественниками, какъ напримѣръ: Плаио Карпини, Рюнсбромомъ, Марко Паоло и другими, еще въ первой половинѣ XVI вѣка у западныхъ географовъ не только не было яснаго свѣдѣнія объ Аральскомъ Морѣ *, но даже нѣкоторые изъ лучшихъ между нами, какъ напримѣръ: Мартинъ Вальдземюллеръ и Петръ Апиенъ видятъ въ самомъ Каспійскомъ заливѣ Сѣвернаго Океана. Путешествіе Дженкинсона окончательно исправило эту погрѣшность; но тѣмъ не менѣе ни на картахъ искуснѣйшаго картографа XVI вѣка Ортелиуса, ни въ изображеніяхъ Азіи извѣстнѣйшаго картографа XVII столѣтія Сансона нѣтъ еще Аральскаго Моря, и Обусъ, равно какъ Яксартъ, впадаютъ въ Каспійское.

Это тѣмъ удивительнѣе, что въ означенное время уже возникли довольно дѣятельныя сношенія между Россіею и западною Европою, которыми тамошніе государственные люди и ученые именно пользовались для пріобрѣтенія свѣдѣній объ Азіи. Доказательства сему не малочисленны: Въ Ramusio Discorso sopra li viaggi delle Spetierie, Vol I. fol 373, находимъ, что при провздѣ въ 1548 году чрезъ Аугсбургъ русскаго посланника (вѣроятно дьяка Владиміра Племянникова), одинъ изъ тамошнихъ знаменитыхъ математиковъ предложилъ ему вопросъ: могутъ ли торговцы отъ сѣверныхъ береговъ Россіи проникнуть Ледовитымъ Океаномъ на востокъ въ Индію? Въ отвѣтъ на это говоритъ посланникъ: «Fattasi portare una carta dove era la descrizione di Moscovia et altre provincie suggette a quella.»

Въ наказѣ, данномъ посланнику Лукѣ Новосильцову, отправленному въ 1585 году отъ Федора Іоанновича къ Императору Рудольфу, между прочимъ, читаемъ: «А нѣчто въспросятъ про Кизылбашскаго, тожъ и Персидскаго: какъ онъ нынѣ со Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ и какъ съ Турецкимъ? и Лукьяну говорити А которые Государи живутъ межъ Государя нашего Царства, Царства Астрахани и межъ Кизылбашскою земли, Царь Бухарской, и Турхестанской Царь, и

* На нѣкоторыхъ картахъ къ востоку отъ Каспія показывается еще озеро, какъ напр. на картѣ Мартино Сануто 1323 г. и Фра Маура 1459 г.; но ничто не даетъ повода считать его положительно за Аральское Море. Къ такимъ же изображеніямъ относится, вѣроятно, и найденное Давилемъ на одной картѣ XIII вѣка, напечатанной въ Gesta Dei per Francos.

Казацкой Царь, и Юргенской Царь, и Грузинской, и Изюрской, и Калмыцкой, и Шамахейской, и Шевкальской, и тѣ всѣ нынѣ съ Кизылбашскимъ и межъ себя мирны съ докладу и совѣту Государя нашего; и во всякихъ большихъ дѣлѣхъ, съ кѣмъ кому дружба ли или недружба станется, пишутъ о томъ и докладываютъ Государя нашего; а о чемъ къ нимъ Государь нашъ отпишетъ или прикажетъ, и они въ томъ передъ Государемъ нашимъ во всемъ послушны бывають, и пословъ чистыхъ ко Государю нашему присылають съ великими поминки и почестливостью.»

Предусмотрѣнный вопросъ былъ дѣйствительно предложенъ посланнику находившимся при немъ приставомъ, Даниелемъ Принцемъ, на что и сообщенъ былъ предписанный отвѣтъ, какъ видно изъ статейнаго списка.

Подобныя же указанія встрѣчаются во многихъ другихъ статейныхъ спискахъ; но мы ограничимся приведеніемъ здѣсь лишь тѣхъ отрывковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаютъ отношенія къ Россіи въ XVI вѣкѣ, послѣ паденія Казани и Астрахани, владѣльцевъ сѣверо-западной части Средней Азіи. Въ наказѣ, данномъ Афанасію Резанову, отправленному посломъ къ Императору Рудольфу въ 1588 году, сказано: «А нѣчто спросятъ про Казань и про Астрахань.....и Офонасію говорить.... и иные земли многи ко Государя нашего Государству къ Астраханскому приложилися: Бухарскій Царь, Юргенской Царь, Хивинской Царевичъ, Изюрской Царевичъ, Казацкая Орда.» Въ наказѣ приставу при императорскомъ послѣ Варкачѣ, бывшемъ въ Москвѣ въ 1589 году, между прочимъ сказано, чтобы онъ говорилъ: «А Бухарской Абдула Царь, и Юргенской Царь, и Изюрскій Царевичъ всѣ въ Государѣ нашего волю.» Наконецъ, въ отвѣтѣ данномъ Варкачу отъ имени Федора Иоанновича 11 іюня того же года въ отвѣтной палатѣ, между прочимъ, находимъ: «Дьякъ Елизарей говорилъ: и что говорилъ еси на посольствѣ, что Цесарское Величество хочеть вѣдати о томъ, кто съ Персидскимъ Шахомъ въ соединеніи, которые Государи, и сколько у котораго силы, и мыслить ли Государь нашъ Крымскаго въ томъ соединеніи призвать?—о томъ бы тебѣ Царское Величество отвѣтъ учинити велѣлъ. И Царское Величество тебѣ велѣлъ объявити:

съ Кизылбашскимъ Шахомъ его рати живеть до дву сотъ тысячъ; а съ нимъ въ соединеніе будутъ Бухарской Царь, рати его до ста тысячъ; Юргенской Царь, рати его до пятидесять тысячъ, да которые учинилися подь Государя нашего его Царскою рукою; а съ Персидскимъ Шахомъ будутъ стоять за одинъ же: Грузинской Александръ Царь, рати его до пятидесять тысячъ; Шевкальской Князь, рати его до тридцати тысячъ; Черкаскіе Князи, и Князь Тюменской, и Князь Окутской, у тѣхъ у всѣхъ ратныхъ людей до семидесять тысячъ; Ноган Заволжскіе, Урусъ Князь и съ Мурзы, тѣ издавна Государю нашему служатъ, рати ихъ до пятидесять тысячъ.»

Въ 1609 г. пріѣзжалъ въ Москву ученый голландскій географъ Исаакъ Мааса, который пріобрѣлъ здѣсь много географическихъ свѣдѣній и даже, по свидѣтельству Аделунга, очеркъ вновь открытыхъ частей Сибири; а по предположенію Бера—самую рукопись книги Большой Чертежъ. Но, къ сожалѣнію, въ изданныхъ имъ картахъ: 1609 г. *Russiae, alias Moscovia dictae, partes septentrionales et orientales*; 1610 г. *Tabula geographica partis Europae et Asiae quae septentrionem spectant*; 1612 *Novissima Russiae tabula*—онъ не касается С. З. части Средней Азіи. То же самое встрѣчаемъ въ другой картѣ, изданной въ 1614 г. Жерардомъ, на основаніи русскихъ источниковъ: *Tabula Russiae desumpta ex autographo quod delineandum curavit Faedor, filius Tzaris Boris desumpta, et adfluvios Dwinam, Zuchanam aliaque loca, quantum ex tabulis ad nos delatis fieri potuit, amplificata ac Magno Domino Tzari ac Magno Duci Michaeli Feodorowitsch Omnium Russorum Autocratori etc. dedicata.*

Такимъ образомъ, не смотря на всѣ эти сношенія, только свѣдѣнія, сообщенныя Петромъ Великимъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка амстердамскому бургомистру Видзену, ниренбергскому картографу Гомману и Парижской Академіи начали нѣсколько разяснять географическія понятія Западной Европы о странахъ къ востоку отъ Каспія; а потому уже на картахъ преобразователя новѣйшей картографіи Делиля и Гомана, въ началѣ XVIII вѣка, есть ясное указаніе существованія Арала, хотя въ гораздо меньшемъ объемѣ, чѣмъ онъ имѣетъ дѣйствительно, и въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ Каспія. То же повторяется еще на картѣ Мааса 1735 года; но уже на картѣ

Виттенбергскаго Профессора Хааза, обнаруженной въ 1744 году, составленной же раньше того (такъ какъ онъ умеръ въ 1742 г.), Араль получилъ болѣе правильную форму и положеніе, хотя Аму-Дарья показана все еще впадающею въ Балханскій Заливъ, а въ замѣнъ ея, въ южный берегъ Арала вливается Кизиль-Дарья, на вершинахъ которой стоитъ городъ Самаркандъ.

На картѣ, приложенной къ 196 стр. IX т. *Histoire générale des voyages* 1749 г., находимъ подобное же изображеніе; только Кизиль-Дарья вытекаетъ не далеко къ сѣверо-востоку отъ Самарканда, и немного ниже Ургенча принимаетъ въ себя рукавъ Аму-Дарьи, которая другимъ русломъ течетъ въ Каспій.

Любопытно было бы разъяснить, что послужило поводомъ къ этимъ измѣненіямъ, такъ какъ карта Морскаго Капитана Дубровина, составленная въ 1692 г. на основаніи свѣдѣній, собранныхъ имъ во время поѣздокъ по Азіи, и изданная Кириловымъ въ 1731 году, еще представляетъ Аральское Море въ видѣ узкой полосы, образуемой разливами Аму-Дарьи, наполненной озерами и отдѣляющей полуиссохшее русло къ Балканскому Заливу, т. е. вовсе несходно съ изображеніемъ Хааза; болѣе же близкая къ нему карта Генвея, гдѣ въ первый разъ обнаружены результаты изслѣдованій Томсона, Гога, Гладышева и Муравина, издана лишь въ 1754 году.

Карта Дубровина очевидно основана на распросахъ лицъ знавшихъ Аральское Море только съ юга и даже можетъ быть по одному озеру Лаудану, ибо этимъ объясняется множество острововъ, показанныхъ на картѣ, незначительность присвоиваемаго морю протяженія и неутѣренность всего очертанія, при достаточной точности изображенія иссохшаго русла и окаймляющаго его чинка. Соленое Озеро, поставленное къ сѣверу отъ Лаудана, есть не Джурей-Гускенъ, какъ думаетъ г. Эйхвальдъ, а по всей вѣроятности, солонцоватая топь Барса-Килмесь, среди которой, на островѣ, по рассказамъ Киргизъ, донынѣ существуютъ развалины стараго кремля.

Въ началѣ XVII вѣка географическія свѣдѣнія объ Аральскомъ Морѣ и низовьяхъ Аму-Дарьи могли быть значительно увеличены показаніями образованныхъ очевидцевъ, а именно: участниковъ въ экспедиціи Князя Бековича-Черкаскаго. Но гибельное окончаніе этой экспедиціи лишило Россію и всѣхъ

важныхъ географическихъ данныхъ, которыхъ ожидали отъ сего предпріятія.

По письму Абуль-Хаиръ Хаана къ Урусову, полученному въ Оренбургѣ 30 апрѣля 1844 года, къ 1740 г. оставалось въ Хивѣ живыхъ лишь 24 человека изъ отряда Бековича; но въ показаніи Гладышева 3 мая 1741 года по сему предмету сказано: «Въ бытность свою въ Хивѣ, увѣдомился онъ Гладышевъ отъ имѣющагося тамъ въ плѣну яицкаго казака Андрея Бородина, что въ ономъ городѣ Хивѣ содержится въ плѣну, взятыхъ изъ команды Бековича, какъ Русскихъ, такъ Калмыкъ и иноземцевъ, съ 3,000 человекъ, о которыхъ онъ заподлинно знаетъ, потому что ихъ весною выгоняють на работу для очищенія кругомъ города Хивы канала, да сверхъ того съ 500 человекъ такихъ же плѣнныхъ имется въ Аральскомъ владѣніи». Это показаніе очевидно преувеличено, такъ какъ извѣстно, что весь отрядъ Бековича составляли:

1. Эскадронъ шведскихъ драгунъ (по показанію Лейтенанта Кожина, драгунъ было 600 человекъ).

2. Двѣ роты пѣхотныхъ солдатъ, посаженныхъ на коней.

3. Артиллерійскіе офицеры и нижніе чины съ пушками и боевыми патронами (о числѣ пушекъ ничего не сказано).

4. Разные морскіе и адмиралтейскіе служители.

5. Астраханскіе русскіе дворяне, мурзы и Нагайскіе Татары, до 500 человекъ.

6. Гребенскіе казаки 500 человекъ.

7. Яицкіе казаки 1,500 человекъ.

8. Купцы съ товарами, какъ Русскіе, такъ изъ Татаръ, Бухарцевъ и другихъ до 200 человекъ.

Изъ числа значительныхъ лицъ при отрядѣ находились: Князь Самановъ, астраханскій дворянинъ Корейтовъ, Майоры Франкенбергъ и Пальчиковъ, и братья Князя Бековича: Сююнчъ и Акъ-Мурза.

Всего участвовало въ экспедиціи съ небольшимъ 4,000 человекъ, изъ которыхъ значительная часть вѣроятно погибла уже въ 1747 году, тѣмъ не менѣе большая половина должна была остаться въ живыхъ еще долго послѣ того; однако же выходцевъ изъ нихъ въ Россію было весьма мало, и еще менѣе приобрѣтено отъ нихъ географическихъ свѣдѣній.

Изъ таковыхъ показаній, первое, по времени полученія, заключается въ донесеніяхъ отъ марта и іюля 1746 года, астраханскихъ дворянъ Ивана Воронина и Алексѣя по прозванію Святого, посланныхъ Бековичемъ въ означенномъ году гонцами въ Хиву съ Тюбъ-Карагана и задержанныхъ Ханомъ Ширгазы.

Второе показаніе изложено въ донесеніи Казанскому Губернатору Саратовскаго Коменданта Бахметьева отъ 4 октября 1747 года, и заключаетъ допросъ, святой 29 сентября того же года съ присланнаго въ Саратовъ Ханомъ Аюкою Калмыка Бакши, который сопровождалъ Бековича, но по умерщвленіи его, отпущенъ былъ Хивинскимъ владѣльцемъ въ Россію, вмѣстѣ съ Татарами и Черкесами, бывшими въ отрядѣ.

Третье показаніе отобрано 13 іюля 1720 года отъ астраханскаго подъячаго Восковойнаго, взятаго въ плѣнъ съ Бековичемъ, потомъ перепроданнаго изъ Хивы Красноводскимъ Турхменамъ и вырученнаго у нихъ однимъ Калмыцкимъ Тайшою.

Четвертое показаніе должно заключаться въ актахъ о пріѣздѣ въ Россію въ 1720 г. хивинскаго посланца Венсъ-Мамбета, который былъ арестованъ въ Гурьевѣ и умеръ въ Петербургѣ.

Пятый источникъ свѣдѣній представляетъ путевой журналъ Флоріо Беневени. Отправившись 24 іюля 1719 г. изъ Астрахани въ Шемаху, онъ былъ задержанъ тамъ, потомъ въ Персіи, и лишь въ концѣ 1720 г. прибылъ въ Бухару. Послѣ многихъ непріятностей, онъ хотѣлъ выѣхать оттуда, но Бухарское Правительство тому препятствовало, не смотря на то, что въ декабрѣ 1724 г. предписано было обязать Бухарцевъ, проживавшихъ въ Астрахани, чтобы они испросили у Хана свободный пропускъ и провожатыхъ для Беневени; наконецъ, въ апрѣлѣ 1725 г. онъ рѣшился тайно уѣхать изъ Бухары въ Хиву, гдѣ болѣе мѣсяца удерживаемъ былъ тамошнимъ Ханомъ, и послѣ труднаго степнаго пути, наконецъ достигъ Астрахани *.

* Весьма желательно было бы для пользы географіи, чтобы журналъ Флора Беневени, имѣющійся на италіанскомъ языкѣ въ рукописи, былъ напечатанъ. До сихъ поръ известны касательно этого путешествія лишь слѣдующія подробности:

Шестое показаніе сдѣлано 7 января 1741 г. въ Оренбургѣ яицкими казаками Иваномъ Мещеряковымъ, Иваномъ Плаксынымъ, Петромъ Шадругинымъ, Василиемъ Стекольниковымъ и Яковомъ Васенкинымъ, которые также принадлежали къ отряду Бековича и освобождены изъ Хивы Надиръ-Шахомъ, по взятіи имъ означеннаго города въ 1741 году.

Наконецъ, 15 декабря 1747 г. (такъ какъ у Бакмейстера очевидно по ошибкѣ выставленъ 1747 г.), взято въ Сенатѣ показаніе съ вышедшаго изъ хивинскаго плѣна Астраханца Николая Оедорова о потѣздкѣ его и дворянина Тараковского, по порученію Князя Бековича въ 1746 году, отъ Красноводскаго Мыса до урочища Ибрагимъ-Ата.

Беневени выѣхалъ изъ Астрахани, вѣстѣ съ бывшимъ въ Россіи бухарскимъ посломъ Ханъ Кули-Бекъ-Топчи-Баши, моремъ чрезъ Персію въ Бухарію. Въ десяти верстахъ отъ бухарской столицы, російскаго посланника встрѣтилъ Топчи-Баши, съ 50 придворными служителями, и проводилъ до назначенной ему квартиры, въ предмѣстіи. Января 3 дня 1721 г. былъ въѣздъ въ городъ посланника, сопровождаемаго главнымъ евнухомъ съ немалою свитою придворныхъ чиновниковъ, и на эту церемонію Ханъ смотрѣлъ изъ галлерей своего дворца, но аудіенція была отложена, по случаю болѣзни Хана, продолжавшейся до 10 декабря. Бухарскіе Министры настаивали, чтобы посла персидскаго, пріѣхавшаго уже послѣ, какъ присланнаго отъ стариннаго ихъ пограничнаго союзника, принять прежде посланника дальняго Государя, но Беневени настоялъ въ противномъ. Сверхъ того, хотя въ инструкціи ему вѣльно было сообразоваться съ церемоніаломъ, принятымъ для другихъ пословъ, и особенно для персидскаго, но оный, по усиленному его требованію, во многомъ измѣнялъ. Беневени въѣхалъ на дворъ ханскій верхомъ и поклонился Хану по европейскому обычаю (между тѣмъ какъ посолъ персидскій, принятый послѣ него, кланялся до земли). Ханъ кивнулъ ему головой и поздравилъ его съ пріѣздомъ. Посланникъ настоятельно требовалъ, чтобы Царскую вѣрующую грамоту принялъ отъ него самъ Ханъ, который наконецъ согласился протянуть руку и коснуться грамоты, когда посланникъ положилъ ее на престолъ. Рѣчь посланника на турецкомъ языкѣ была очень длинна, такъ что главный евнухъ сдѣлалъ ему знакъ рукою, чтобы онъ пересталъ и приблизился къ Хану для представленія грамоты: послѣ чего евнухъ самъ окончилъ прерывную рѣчь, сообщенную ему иосланникомъ еще прежде аудіенціи. Ствѣтъ Ханскій состоялъ въ сихъ двухъ словахъ: хорошо, изрядно. Къ престолу, который возвышался отъ земли на 2 аршина, придманы были съ обѣихъ сторонъ ступени. Посланникъ взомелъ на 2-ю ступень, на коей стоялъ придворный Министръ Кунъ-Беги. Престолъ былъ очень широкъ и Ханъ сидѣлъ посреди оного на подушкахъ, такъ, что нельзя было подойти къ нему близко: почему придворный Министръ взялъ изъ рукъ посланника грамоту и подвинулъ ее по престолу къ Хану, который наложилъ на нее руку въ знакъ благосклоннаго принатія. Еще до аудіенціи, узнавъ, что пословъ дру-

Изъ этихъ показаній первая четыре и шестое имѣютъ лишь историческій интересъ; для географіи же важно пятое и послѣднее, вполне подтверждаемое новѣйшими маршрутами Муравьева и Аббота.

Въ 1721 году посланъ былъ къ Каракалпакамъ на устьѣ Сыра, отъ Казанскаго Воеводы толмачъ Овсянниковъ и дворянинъ Вершининъ, а вслѣдъ за тѣмъ, для сопровожденія въ степь бывшихъ въ Москвѣ каракалпацкихъ посланцевъ, Аѳанасій Филиповъ, который возвратился въ 1724 году. Но географическіе результаты этой поездки неизвѣстны.

Въ 1734 году отправился съ торговымъ караваномъ въ Хи-ву и Бухару Артиллеріи Полковникъ Гарберъ; только онъ дол-

гахъ Государей сажаютъ очень низко. Беневени требовалъ себѣ особеннаго стула, на что Ханъ не согласился, и на упорныя требованія Беневени отвѣчалъ ему черезъ придворнаго Министра, что не можетъ сего исполнить, опасаясь Узбековъ, которые не потерпятъ выше себя никого, кромѣ самаго Хана; но обещалъ ему второе мѣсто послѣ перваго Министра. Вопреки сему обещанію, посла посадили на четвертомъ мѣстѣ; однако и это возбудило замѣтное негодованіе Узбековъ. Послѣ аудіенціи, Беневени былъ приглашенъ къ обѣду. Узбеки самовластно владѣли большою частью городовъ (конхъ въ Бухаріи, по исчисленію посланника, двадцать три); только подарками и ласками удерживалъ ихъ Ханъ въ повиновеніи. Въ 1718 году, юный Ханъ, вставленный придворными, пригласивъ къ себѣ около 300 знатнѣйшихъ Узбековъ, велѣлъ умертвить ихъ для своей безопасности; но это произвело продолжительныя возмущенія, среди конхъ въ Самаркандѣ провозглашенъ былъ другой владѣтель. Тайно отъ Узбековъ нельзя было имѣть сношеній съ Ханомъ, а они, опасаясь усиленія его власти, не согласились бы на заключеніе союзнаго договора съ Россією: вотъ почему посланникъ поступалъ съ ними осторожно, основывая свои сношенія на торговлѣ; ибо наши товары для Узбековъ необходимы. Между тѣмъ черезъ придворнаго Министра и главнаго евнуха, онъ тайно склонялъ Хана къ оборонительному союзу съ Россією, представляя ему, что съ помощію русскаго войска, онъ можетъ пріобрѣсть полную власть. Сначала евнухъ отзывался тѣмъ, что не смѣетъ доложить о семъ Хану; но потомъ отвѣчалъ отъ его имени, что Ханъ не имѣетъ нужды въ помощи, ибо только некоторые изъ Узбековъ противъ него, а желаетъ единственно утвердить торговныя сношенія съ Россією. Подозрѣвая, что евнухъ на сторонѣ Узбековъ, посланникъ старался черезъ сестру и мамку Хана имѣть тайное съ нимъ свиданіе, на что и успѣлъ получить его согласіе; но послѣ оно было отменено; на сдѣланное ему предложеніе писать секретно къ Хану, Беневени не согласился, опасаясь его непостоянства. 1722 года іюня 2), когда посланникъ праздновалъ день тезоименитства Императора, Ханъ инкогнито, въ толпѣ народа, бывшій на посольскомъ дворѣ, старался имѣть съ нимъ свиданіе; но также не рѣшился, опасаясь Узбековъ.

жень былъ вскорѣ воротиться, вследствие разграбленія каравана недалеко за Ураломъ.

Въ 1731 году былъ за Сыръ-Дарьею Тевкелевъ, который и возвратился въ 1733 году.

Гораздо полезнѣе были для науки розысканія относительно Аральскаго Моря и низовій Аму - Дарьи, произведенныя въ 1740-хъ годахъ.

Капитанъ Эльтонъ, находившійся сначала въ русской, потомъ въ персидской службѣ, снова возбудилъ своими представленіями надежды Англичанъ на возможность открытія выгодной торговли съ Сѣвѣрною Персіею чрезъ Каспій и съ сѣверо-западною частию Средней Азіи. Два англійскихъ купца: Томсонъ и Гокъ 26 февраля 1740 года отправились изъ Петербурга въ Самару, а 17 іюня прибыли оттуда въ Уральскъ и 26 числа того же мѣсяца вступили въ Киргузскую степь, гдѣ 16 іюля достигли ставки одного знакомаго имъ Султана Яяъ-Бекъ-Батыря. Прокочевавъ съ нимъ до 8 августа, они, вѣроятно изъ долины Ори, направились въ Хиву; 16 августа достигли сѣверо-западнаго берега Арала; 3 сентября спустились въ низмен-

Бевекени сообщили о тогдашнемъ состояніи Бухаріи слѣдующее: Узбеки господствовали, а собственно Ханскую дружину составили 350 вооруженныхъ Калмыковъ, 150 Хоназатовъ, рожденныхъ отъ Русскихъ отца и матери и воспитанныхъ въ магометанской вѣрѣ, и около 30 христіанъ, русскихъ пленныхъ. Въ Бухаріи не было ни крѣпостей, ни артиллеріи; посланники видѣли въ Бухарахъ 17 пушекъ, давно взятыхъ у Монгольцевъ, но бывшихъ безъ употребленія, ибо никто не умѣлъ съ ними обращаться. Употребительныя оружія въ Бухаріи: сабля, лукъ и копье, а въ некоторыхъ мѣстахъ фитальное оружіе. Многи изъ пограничныхъ мѣстъ, принадлежавшихъ прежде Хану, отпали отъ него и имѣли особыхъ владѣтелей. Столичный городъ Бухары, обнесенный полуобвалившимся валомъ изъ земли и необожженного кирпича, имѣлъ 12 верстъ въ окружности, 15 тысячъ домовъ — мазанокъ, также изъ земли и необожженного кирпича, высокую башню и при ней медресъ, ханскій дворецъ, окруженный высокою стѣною, на большомъ земляномъ бугрѣ въ срединѣ города, и большія мечети, — все это изъ обожженного кирпича. Торговля была въ худомъ состояніи; купцы обѣднѣли; Узбеки грабили на дорогахъ и въ городахъ, и до того притѣсняли жителей, что они цѣлыми домами убѣгали въ Монголію. Внутреннія безпокойства принуждали Хана быть въ согласіи съ соседними державами, а корысть побуждала ежегодно отправлять къ Персидскому Шаху и Великому Моголу пословъ, которые покупали у Хана грамоты, а отъ тѣхъ дворовъ получали подарки. Изъ Персіи же и Индіи въ Бухарію помы пріѣзжали рѣдко, потому что Узбеки ихъ обирали и отпущали нищими.

ную долину Лаудана, 5-го прибыли въ Старый-Ургенчъ а 8-го въ Хиву. Проведя въ семь городъ все время осады его Надиръ-Шахомъ, они воспользовались вступленіемъ персидскихъ войскъ, для выгодной распродажи своихъ товаровъ. Затѣмъ Томсонъ 15 декабря отправился по правому берегу Аму - Дарьи въ Бухару и, пробывъ тамъ до 8 августа 1741 года, пошелъ обходомъ по западнымъ предгорьямъ Билура и южнымъ скатамъ Хиндукуша въ Персію, гдѣ 22 сентября прибылъ въ Мешедъ. Товарищъ же Томсона оставался, для сбора долговъ и за опасностію пути, до 6 апрѣля 1741 года въ Хивѣ; послѣ чего, перейдя на восточный берегъ Аму, направился къ низовьямъ Сыра, которыхъ достигнулъ на 15-й день; за этою рѣкою онъ былъ ограбленъ и едва добрался самъ до ауловъ Янъ-Бекъ Батыря, откуда проникъ въ Россію. Столь неблагополучное окончаніе предпріятія не воспрепятствовали Гоку во второй разъ пуститься въ степь съ товаромъ, по порученію Русскаго Правительства, въ концѣ 1741 года.

Эти путешествія двухъ Англичанъ могли бы донинѣ имѣть большую важность для географіи, такъ какъ пройденное Томсономъ пространство къ югу отъ Хивы доселѣ не было вновь посѣщено ни однимъ Европейцомъ. Но къ сожалѣнію, географическія познанія британскихъ купцовъ были весьма не значительны, ибо напр. Томсонъ полагаетъ Бухару на цѣлый градусъ сѣвернѣе Хивы; сверхъ того, отчетъ о путешествіи, изданный Генсеемъ, очень не полонъ и наиболѣе бѣденъ географическими свѣдѣніями касательно послѣдней части Томсоновой дороги.

Въ одно время съ двумя поименованными Англичанами, находились въ степи и въ Хивѣ два русскихъ офицера: Гладышевъ и Муравинъ. Поводомъ къ посылкѣ ихъ была просьба Хана Меньшей Киргизской Орды Абуль-Ханра о построеніи ему города близъ устьевъ р. Сыра. Высочайшимъ указомъ 20 августа 1739 года повелѣно было отвѣчать Хану, что постройкѣ долженъ предшествовать осмотръ мѣстъ; для чего приказано послать къ нему свѣдущихъ людей, вмѣнивъ имъ въ обязанность привести геодезически въ извѣстность весь пройденный ими путь. Исполненіе этого порученія возложено было на знающаго татарскій языкъ, Поручика Гарнизоннаго Оренбургскаго Драгунскаго полка Дмитрія Гладышева, геодезиста Муравина, Иже-

нернаго Надзирателя Назимова и переводчика Усмана Арасла-
нова, съ нѣсколькими казаками. Версть за 400 до Абуль-Хаи-
рова кочевья, напала на нихъ разбойничья шайка Киргизъ Чик-
линскаго рода и, ограбивъ, увлекла съ собою Надзирателя На-
зимова, деньщика его и уральскаго казака Оедорова; осталь-
ныхъ же отпустила слѣдовать по назначенію. На 33-й день
пути, т. е. 7 октября 1740 года, Гладышевъ съ това-
рищами прибылъ въ ставку Абуль - Хаира, на рѣкѣ
Адамати, неподалеку Куванъ - Дарьи; но засталъ тутъ одну
Ханшу, такъ какъ самъ Абуль - Хаиръ находился въ Араль-
скомъ владѣніи. По желанію Хана, русскіе офицеры отпра-
вились къ нему въ сопровожденіи сына его Нурали и дяди Ніяза.
Выѣхавъ изъ ставки 15 октября, они 2 ноября прибыли въ
аральскій городокъ Шахтемиръ и, по приглашенію Абуль-
Хаира, на другой день поѣхали съ нимъ въ Хиву, куда звали
его на Ханство Хивинцы, угрожаемые Надиръ-Шахомъ; 7 но-
ября достигъ Гладышевъ Хивы, а 8-го, по просьбѣ Абуль-Хаира,
вмѣстѣ съ послами его, геодезистъ Муравинъ отправленъ былъ
въ лагерь персидскаго владѣльца, подъ г. Ханки, съ ходатай-
ствомъ о пощадѣ Хивы, какъ избравшей себѣ во владѣльцы
русскаго подданнаго. 9-го Муравинъ былъ принятъ Надиромъ,
который обласкалъ его и обнадежилъ въ милости къ
Абуль-Хаиру, требуя только, чтобы онъ самъ прибылъ къ нему.
Съ этимъ отвѣтомъ посланные 10-го поѣхали обратно, и
прибыли въ Хиву 11 ноября. Абуль-Хаиръ дѣйствительно - бы-
ло собрался въ персидскій лагерь, но перехвативъ доставлен-
ное оттуда въ городъ письмо, въ которомъ, отъ имени Нади-
ра, приглашали жителей не выпускать Хана до прибытія Ша-
ха, заставилъ Хивинцевъ, подъ предлогомъ поѣздки къ послѣд-
нему, отворить себѣ заваленныя городскія ворота, и затѣмъ
со всею своею свитою, въ томъ числѣ и съ русскими офице-
рами, поскакалъ въ противную отъ персидскаго лагеря сторону,
преслѣдуемый выстрѣлами обманутыхъ горожанъ. Вечеромъ
того же дня, у города Шавата, напали на Хана Туркмены; но
онъ отразилъ ихъ, и 12 ноября, у Ходзеили, перетѣхалъ на пра-
вую сторону р. Аму, во владѣнія Аральцевъ. Здѣсь, послѣ мно-
гихъ споровъ и даже кровопролитій, сынъ Абуль - Хаира Ну-
рали былъ окончательно избранъ въ Ханы; самъ же Абуль-

Хаиръ съ Гладышевымъ и Муравинымъ возвратился въ свою ставку, откуда русскіе офицеры благополучно прибыли въ Орскъ, въ апрѣль 1741 года. Отъ этого путешествія сохранились: 1) журналъ Муравина, съ обозначеніемъ пройденнаго разстоянія и румбовъ; 2) опись народовъ, кочующихъ на пройденномъ пути; 3) показанія Гладышева и Муравина о произшествіяхъ во время ихъ поѣздки, и 4) свѣдѣнія, сообщенныя Гладышеву о Средней Азіи Аль-Мухамедъ Абызомъ, секретаремъ Абуль-Хаира.

Въ августъ 1741 года Гладышевъ снова былъ отправленъ къ Абуль-Хаиру, и 7 января 1742 года нашелъ его за Сырь-Дарьей, близъ низовій Аму, откуда 6 марта отпущенъ обратно на Оренбургскую линію; объ этой поѣздкѣ сохранились только краткія показанія, отчасти обнародованныя въ Исторіи Рычкова. Въ концѣ 1742 года Гладышевъ опять ѣздилъ къ Каракалпакамъ, и когда, по возвращеніи, посланъ былъ съ Каракалпацкими посланцами въ С.-Петербургъ, то на мѣсто его командированъ на Сырь-Дарью унтеръ-офицеръ Гордѣевъ и толмачъ Мансуръ Дѣльной. По возвращеніи изъ столицы, Гладышевъ въ 1743 году еще разъ поѣхалъ въ степь и пробылъ тамъ до слѣдующаго года. Объ этихъ поѣздкахъ краткія указанія находятся только въ Исторіи Рычкова.

Журналъ Томсона и Гока впервые напечатанъ въ путешествіи Генвея, 1754 года, къ которому приложена и карта пути двухъ означенныхъ Англичанъ. На другой картѣ въ томъ же сочиненіи нанесенъ довольно вѣрно путь Муравина, съ сохранившимся доселѣ подлинникомъ съемки его, копія съ которой имѣется и въ одномъ приобрѣтенномъ мною рукописномъ экземплярѣ Оренбургской Исторіи Рычкова. На той же картѣ Генвея нанесенъ другой замѣчательный маршрутъ, а именно Маіора Миллера, ходившаго въ 1743 году изъ Орска, черезъ г. Туркестанъ, къ Зюнгорцамъ, близъ озера Балхашъ, и обратно. Журналъ этого любопытнаго путешествія не отысканъ мною; но въ вышепомянутой рукописи Рычкова я нашелъ маршрутную карту, полнѣе Генвеевой.

Почтенный сочленъ нашъ Г. Штукенбергъ, въ IV т. своей Гидрографіи, говоритъ, будто Муравинъ выводилъ Аму-Дарью изъ озера; я объясняю это тѣмъ, что г. Штукенбергъ вѣро-

ятно приписываетъ все изображеніе означенной рѣки на картѣ Генвеля русскому геодезисту; но это несправедливо, ибо Муравинъ общей карты вовсе не составлялъ, а ограничился лишь точнымъ изображеніемъ своего маршрута.

Документы о путешествіи Гладышева послужатъ также къ устраненію другого, кажется, ошибочнаго утвержденія г. Штукенберга, будто Аральцы никогда не составляли подъ этимъ именемъ особаго владѣнія, а что названіе это есть просто выдумка *Русскихъ*, присвоившихъ его нѣкоторымъ Туркменскимъ племенамъ между Араломъ и Каспіемъ. Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Аль-Мухамедомъ Абыземъ Гладышеву, видно, что самое сѣверное остьдлое владѣніе Узбековъ, на низовьяхъ Аму, въ половинѣ XVIII вѣка носило названіе Аральскаго и у Азітцовъ.

Послѣ Муравина, первое показаніе очевидца о низовьяхъ Джейхуна и объ Аральскомъ Морѣ заключается въ статьѣ самарскаго купца Данила Рукавкина, который ходилъ въ Хиву съ торговымъ караваномъ въ 1753 году. Въ первый путь они шли чрезъ Устюртъ; обратно же, какъ должно полагать, чрезъ Сыръ-Дарью, ибо Рукавкинъ говоритъ о переходѣ чрезъ сію рѣку.

Къ сожалѣнію, у Рукавкина есть только нѣсколько подробностей о первомъ пути, изъ коихъ видно, что караванъ, поднявшись на Устюртъ, по оврагу Курсай (гдѣ въ 1826 году спускался Полковникъ Бергъ), направился на пески Шамъ (до которыхъ въ 184) году доходилъ Полковникъ Бизяновъ и Штабсъ-Капитанъ Рехенбергъ); затѣмъ, оставя вправѣ Солонецъ Барса Кильмесь (обозначенный топографами, сопровождавшими Никифорова въ 1840 году и о коемъ Рукавкину рассказывали то же преданіе, что и Аботу 90 лѣтъ спустя), спустился съ Устюрта у Айбугира и, перейдя подъ Ургенчемъ текущей донинѣ изъ Аму-Дарьи протокъ Саркраукъ, достигъ Хивы. Относительно же дороги отъ сей послѣдней къ Сыръ-Дарьѣ, нѣтъ никакихъ подробностей, кромѣ указанія ея безводности; причемъ разстояніе дороги чрезмѣрно укорочено.

Почти въ одно время съ Рукавкинымъ, именно въ 1754 г., были въ Хивѣ, для выручки задержаннаго тамъ русскаго каравана, переводчики Гуляевъ и Чучеловъ. О первомъ упоми-

наетъ Рычковъ, какъ о человѣкѣ, весьма свѣдущемъ въ географіи при-Аральскихъ странъ: они возвратились на линію въ 1755 г., и представили письменныя показанія, которыя, впрочемъ, мнѣ неизвѣстны.

Послѣ Рукавкина, цѣлыя 25 лѣтъ не встрѣчаемъ свидѣтельствъ очевидцевъ о разсматриваемыхъ нами странахъ; но отъ 1793 года сохранились замѣтки Бланкеннагеля, посланнаго нашимъ Дворомъ, по просьбѣ Хивинскаго Хана Фазильбѣя, для излеченія его отъ глазной боли. Къ сожалѣнію, Бланкеннагель сообщаетъ только общія свѣдѣнія о Ханствѣ и характеръ его жителей; относительно же пути медика узнаемъ лишь, что онъ шелъ въ Хиву по западному берегу Арала, возвращался же чрезъ Устюртъ на Мангшалакъ и въ оба слѣдованія перетхалъ чрезъ старое русло Аму-Дарьи, нѣкогда направившейся, какъ ему сказали, въ Карабугазскій заливъ.

По указанію г. Даля, замѣтки Бланкеннагеля напечатаны въ Соревнователь просвѣщенія, но, кажется, сокращенно.

Въ 1802 году, по докладу Министра Коммерціи Графа Румянцева, послѣдовало 12 августа Высочайшее повелѣніе отправить въ Бухарію, для улучшенія нашихъ торговыхъ сношеній съ этою странюю и точнѣйшаго извѣданія пути, русское посольство. Обязанность эта, которую первоначально предполагалось возложить на Директора Оренбургской Таможни Величко, окончательна поручена была Поручику Гавердовскому, коему приданы: докторъ Большой, колововажатые Ивановъ и Богдановичъ, переводчики Биктяшевъ и Бикчуринъ. Посольство могло отправиться въ путь изъ Орской крѣпости лишь 29 іюля 1803 года; но не дойдя верстъ 80 до перевоза Майлибаша на Сыръ-Дарьѣ, вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній о занятіи этой рѣки враждебными толпами Хивинцевъ и Киргизъ Чиклинскаго рода, 8 сентября направилось обратно въ Орскъ. Въ 1809 г. Гавердовскій представилъ журналъ своей поѣздки, состоявшій изъ двухъ частей: первая заключала дневникъ съ подробнымъ маршрутомъ; вторая общее обозрѣніе Киргизской степи и прилегающихъ къ ней странъ, съ генеральною картою этихъ мѣстъ. Вторая часть, по Высочайшему повелѣнію, напечатана въ 1811 году; но, по недостиженію Гавердовскимъ Сыръ-Дарьи, мало разъясняетъ разсматриваемую нами мѣстность.

Болѣе могъ бы сообщить объ пей сопровождавшій Гавердовскаго докторъ Большой, такъ какъ онъ, будучи захваченъ въ плѣнъ Киргизами, оставался въ ихъ аулахъ за Сыръ-Дарьею до 10 июня 1804 года; однакожъ обнаруженные имъ показанія не содержать никакихъ удовлетворительныхъ свѣдѣнй.

Въ 1809 году посыланъ былъ въ Бухарію офицеръ Башкирскаго войска Абдуль-Насырь-Субханкуловъ; его замѣчанія и маршруты имѣются въ рукописи, но они мнѣ неизвѣстны. Гг. Даль, Пиммерманъ и Штукенбергъ упоминаютъ о посылкѣ въ 1818 году Субханкулова въ Хиву; однакоже слѣдовъ таковой командировки я нигдѣ не нашелъ и думаю, что она предполагается по смѣшенію съ вышеозначенною посылкою въ Бухару.

Равномѣрно упоминаютъ сказанные писатели о посылкѣ изъ Оренбурга въ Хиву въ 1819 году Коллежскаго Совѣтника Бикчурина; но подлинныхъ доказательствъ сего я также нигдѣ не нашелъ; извѣстно только, что въ 1819 году предполагалось сначала послать въ Хиву чиновника; впоследствии же командированъ былъ съ порученіемъ Башкирскій старшина Абу-Бакировъ, который долженствовалъ быть въ Хивѣ нѣсколько ранѣе Муравьева.

Путешествіе послѣдняго, продолжавшееся сухопутно съ 19 сентября по 13 декабря 1819 года, имѣетъ особую важность, какъ по свѣдѣніямъ, которыя онъ обнаружилъ о Хивѣ вообще, такъ по маршруту его, доселѣ единственному, отъ юго-восточныхъ береговъ Каспія къ низовьямъ Аму - Дарьи. Къ сожалѣнію, Муравьевъ не могъ сдѣлать наблюденій даже надъ широтою мѣстъ; самыя разстоянія опредѣлялъ однимъ верблужимъ ходомъ, и то лишь на сѣверномъ, первомъ пути своемъ, а не на обратномъ.

На слѣдующій годъ, послѣ путешествія Муравьева, отправлено было изъ Оренбурга Русское Посольство, подъ начальствомъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Негри, коему приданы были офицеры Генеральнаго Штаба Мейендорфъ, Вальховскій и Тимофеевъ, докторъ Пандеръ и переводчикъ Яковлевъ. Сверхъ того, Посольство сопровождалъ еще докторъ Эверсманъ. Караванъ выступилъ изъ Оренбурга 10 октября и прибылъ къ Бухарѣ 20 декабря, откуда вышелъ 22 марта и достигъ Орска въ началѣ мая 1821 года. Географическими ре-

зультатами экспедиціи была съемка пути, съ опредѣленіемъ астрономически широты пяти мѣстъ; описаніе пройденнаго въ Киргизской степи пространства и Бухарскаго Ханства, съ картою этихъ мѣстъ, изданными на французскомъ языкѣ Барономъ Мейендорфомъ; равно какъ замѣчанія, обнародованныя гг. Эверсманомъ, Пандеромъ и Яковлевымъ.

Въ 1824 году повторенъ былъ, только гораздо въ большихъ размѣрахъ, опытъ вооруженнаго каравана, не удавшійся подъ руководствомъ Гавердовскаго. Караваннымъ головою былъ тотъ же Кайдаловъ, который отправлялъ товары и въ 1803 году; Начальникомъ отряда Полковникъ Цюлковскій, а офицеромъ Генеральнаго Штаба Капитанъ Жемчужниковъ. Караванъ выступилъ 2 ноября изъ Оренбурга; 15 декабря переправился чрезъ Сыръ-Дарью; но 11 января 1825 года, дойдя до возвышенія Биштюбя въ пескахъ Кизиль-Кумъ, остановленъ былъ разбойничьею партіею и, пробывъ у означеннаго урочища до 26 января, направился обратно къ Орской крѣпости.

О пути этого каравана издана доселѣ только маленькая книжка Кайдаловымъ, хотя и есть въ рукописи гораздо подробнѣйшіе маршруты.

Въ этомъ же 1825 году, только нѣсколько позднее возвращенія вооруженнаго каравана, выступилъ изъ крѣпости Сарайчиковской другой отрядъ, подъ начальствомъ Полковника Берга, при которомъ находились: офицеръ Генеральнаго Штаба Вальховскій, Флота Капитанъ-Лейтенантъ Анжу, чиновникъ Военно-Топографическаго Депо Леммъ и докторъ Эверсманъ. Отрядъ этотъ обогнулъ сѣверо-восточный берегъ Каспія, перерезалъ Устюртъ по 45° С. Ш. и, дойдя до изгиба западнаго берега Арала на сѣверо-востокъ, спустился съ Устюрта черезъ оврагъ Карасай, а 4 марта 1846 года прибылъ въ крѣпость Сарайчиковскую.

Извѣстныя уже ученому міру изслѣдованія этой экспедиціи были весьма важны въ географическомъ отношеніи. Но главное вниманіе доселѣ обращено было на барометрическую нивелировку между Каспіемъ и Араломъ, то-есть на менте достовѣрную сторону изслѣдованій, тогда какъ астрономическія опредѣленія Лемма—именно самая важнѣйшая часть розысканій; не смотря на то, что они уже напечатаны въ 1837 году, практически примѣнены вполнѣ только въ картѣ Н. Ханькова.

Даже баронъ Гумбольдтъ, въ знаменитомъ сочиненіи своемъ *Asie Centrale*, изданиомъ въ 1843 году, принявъ въ соображеніе, при изслѣдованіи разстоянія между Араломъ и Каспіемъ, лишь опредѣленіе лагернаго мѣста Берга на западномъ берегу Аральскаго моря 4 февраля 1826 года; наблюденія же 2 и 3 февраля на томъ же берегу упомянуты только въ приложеніяхъ. Между тѣмъ, они-то именно и оказываются нынѣ вполне вѣрными, тогда какъ точность долготы, вычисленной 4 февраля, подвержена большому сомнѣнію.

Уже въ 1840 году Полковникъ Жемчужниковъ, производя съемку отъ бывшаго Акъ-Булакскаго укрѣпленія до урочища Каратамакъ, на берегу Арала, нашелъ послѣдній восточнѣе, чѣмъ предполагалось по опредѣленію 4 февраля. Это побудило къ отсылкѣ изъ Оренбурга наблюденій, сдѣланныхъ 4 февраля гг. Леммомъ и Анжу, въ Казанскій Университетъ для повѣрки. Въ отзывѣ астронома-наблюдателя Казанскаго Университета Ляпунова, отъ 9 февраля 1841 года, изъяснено: «Для опредѣленія географической широты мѣста, оба наблюдателя слѣдовали одному способу: они брали близъ-полуденныя высоты верхняго края солнца и потомъ приводили ихъ къ полуденнымъ, основываясь на томъ, что измѣненія высотъ близъ меридіана пропорціональны квадратамъ часовыхъ угловъ. Такое предположеніе весьма близко къ истинѣ въ наблюденіяхъ г. Лемма, которыя сдѣланы въ пространствѣ 40 минутъ времени до прохожденія и 40 минутъ послѣ прохожденія солнца чрезъ меридіанъ. Наблюденія же г. Анжу начинаются довольно далеко отъ меридіана, такъ что предположеніе пропорціональности между измѣненіями высотъ и квадратами соответствующихъ часовыхъ угловъ не можетъ быть почитаемо вѣрнымъ. Для вычисленія поправки высоты при часовыхъ углахъ, довольно значительныхъ, простирающихся до 18',658, слѣдовало бы здѣсь употребить точную формулу

$$x = \frac{2 \cos \varphi \cos \delta \sin^2 \frac{1}{2} t}{\sin (\varphi - \delta) \sin I''} - \left(\frac{2 \cos \varphi \cos \delta \sin^2 \frac{1}{2} t}{\sin (\varphi - \delta) \sin I''} \right)^2 \frac{\cot (\varphi - \delta) \sin I''}{2}$$

(гдѣ φ широта мѣста, которую достаточно знать приближенно, δ склоненіе и t часовой уголъ солнца), въ которой, только при весьма малыхъ часовыхъ углахъ можно принимать $t^2 \sin^2 I''$ вмѣсто $\sin^2 \frac{1}{2} t$ »

«Въ вѣрности средней полуденной высоты солнца, выведенной изъ наблюдений г. Анжу, можно еще сомнѣваться и потому, что наблюденія его сдѣланы только по одну сторону меридіана; а въ способъ опредѣленія широты по близъ-полуденнымъ высотамъ свѣтила, главнымъ условіемъ полагается брать одинакое число высотъ до прохожденія и послѣ прохожденія чрезъ меридіанъ.»

«Быть можетъ, отъ этихъ причинъ происходитъ большая разность въ полуденныхъ высотахъ, найденныхъ г. Анжу; самая меньшая изъ нихъ $31^{\circ} 54' 40''$, 5 отъ самой большой $31^{\circ} 54' 43''$, 2 различается $32^{\circ} 7'$, между тѣмъ какъ изъ полуденныхъ высотъ г. Лемма самая меньшая $32^{\circ} 41' 39''$ отъ самой большой $32^{\circ} 41' 51''$, 5 различается только на $12''$, 5.»

«Относительно наблюдений, сдѣланныхъ для опредѣленія географической долготы мѣста, замѣтить надобно, что г. Лемма, вмѣстѣ съ наблюденіями разстояній луны отъ солнца, бралъ высоты сихъ свѣтилъ, что необходимо: во-первыхъ, для вычисленія времени изъ солнечныхъ высотъ, а во-вторыхъ, для опредѣленія истиннаго разстоянія луны отъ солнца. Г. Анжу бралъ только одни разстоянія, а высоты солнца и луны опредѣлялъ вычисленіемъ средняго времени для наблюденія. Можетъ быть, вычисленіе долготы изъ наблюдений г. Анжу было бы вѣрнѣе, еслибъ, для каждаго изъ четырехъ или пяти взятыхъ имъ разстояній, вычислить высоты солнца и луны отдѣльно. Впрочемъ, такъ какъ разность долготъ, найденныхъ гг. Леммомъ и Анжу, заключается только въ $33''$ времени, а самый способъ опредѣленія долготы изъ разстояній луны отъ солнца такого рода, что при употребленіи его, нельзя отвѣтить за вѣрность до 4 минуты времени, то я думаю, что это новое вычисленіе долготы изъ наблюдений г. Анжу, весьма долгое и затруднительное, будетъ бесполезно.»

«По этимъ уваженіямъ предпочитая наблюденія г. Лемма, я полагаю широту мѣста принять $45^{\circ} 38' 27''$ N, а долготу $3^{\circ} 53' 54''$, 3 отъ Гринвича къ востоку».

Такимъ образомъ, г. Ляпуновъ призналъ опредѣленіе долготы Лемма удовлетворительнымъ, съ возможною ошибкою до 4 минуты времени, или $15'$ по дугѣ. Эта ошибка дѣйствитель-

но обнаружена новѣйшими съемками Капитанъ - Лейтенанта Бутакова, по которымъ берегъ Аральскаго Моря на 11' въ дугѣ или слишкомъ 12 верстъ восточнѣ лагеря Полковника Берга 4 февраля 1826 года. Хотя это очертаніе берега не основано у Бутакова на астрономическомъ наблюденіи, но невозможно предположить, чтобы при морской съемкѣ почти отвѣсныхъ береговъ, остался незамѣченнымъ заливъ, который бы долженъ круто вдаваться на 12 верстъ въ материкъ, слѣдующимъ наблюденіямъ Лемма, такъ какъ разность широты лагерей 3 и 4 февраля равняется всего 1' 47"; долготы же 11'. Эта разность долготъ вмѣстѣ съ тѣмъ противорѣчить и путевому журналу экспедиціи Полковника Берга, изъ коего видно, что отрядъ, выступивъ 4 февраля въ 7 часовъ утра, сдѣлалъ по берегу Аральскаго Моря переходъ отъ лагеря 3 февраля всего на 2 версты 273 саж., между тѣмъ какъ, соответственно наблюденію, слѣдовало бы пройти по крайней мѣрѣ 14 верстъ.

Отъ 1826 до 1834 года нѣтъ показаній очевидцевъ объ описываемомъ нами пространствѣ. Но въ послѣднемъ году путь между Бухарією и Оренбургомъ былъ изслѣдованъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ: съ юга изъ Бухары прибылъ на русскую границу съ караваномъ докторъ Хонибергеръ, который, проживъ пять лѣтъ при дворѣ Рюнджигъ-Цинга, въ 1831 году возвратился въ отечество черезъ Кабуль, Балхъ, Бухару, Оренбургъ и Петербургъ; однако доселѣ нѣтъ еще подробнаго описанія его путешествій. Въ томъ же году ходилъ изъ Оренбурга въ Бухару и обратно оріенталистъ Демезонъ; весьма краткое извѣстіе о поѣздкѣ его обнародовано г. Савельевымъ, въ статьѣ о Бухарѣ, въ Энциклопедическомъ лексиконѣ.

Въ 1835 году отправился въ Бухару съ караваномъ, въ качествѣ путешественника, Прапорщикъ Виткевичъ. Выйдя 9 ноября изъ Орска, онъ 5 декабря переправился чрезъ Сыръ-Дарью, при урочищѣ Майли-Башъ, и 2 января 1836 года прибылъ въ Бухару; оставивъ сей городъ 13 февраля, Виткевичъ 18 апрѣля былъ обратно въ Орскъ.

Путь Виткевича замѣчателенъ тѣмъ, что караванъ, съ которымъ онъ слѣдовалъ, перейдя Яны-Дарью, составляющую, по свидѣтельству Виткевича, одно и то же съ Кизиль-Дарьєю, направился къ западу отъ обычной дороги и такимъ образомъ

описаль отъ нея до города Вафкенда, по совершенно неизвѣстному до того пространству, полукругъ. Къ сожалѣнію, подробныхъ топографическихъ свѣдѣній объ этомъ пути не имѣется.

Есть поводъ думать, что въ 1838 году прѣзжали въ Хиву изъ Персиды два Англичанина, — по крайней мѣрѣ слухи объ умерщвленіи ихъ были весьма гласны и подтверждены словами самаго Хана Капитану Аботу въ 1840 году; но никакихъ точнѣйшихъ свѣдѣній по сему предмету не имѣется, кромѣ указанія г. Базинера, что въ 1838 году повѣшенъ былъ въ означенномъ городѣ какой-то докторъ Фрисъ. Между тѣмъ къ этому же времени должно относиться напечатанное въ *Magazin für die Litteratur des Auslandes* 1840 г. стр. 310, письмо не названнаго англійскаго офицера объ охотѣ, въ которой онъ участвовалъ вмѣстѣ съ Хивинскимъ Ханомъ, на берегахъ прежняго русла Аму-Дарьи. Оно весьма любопытно, именно по подробностямъ касательно послѣдняго предмета, вполне подтверждающимъ описаніе Муравьева, который, по всей вѣроятности, видѣлъ ту же часть стараго русла.

Въ 1839 году отправлены были 30 октября изъ Оренбурга съ бухарскимъ караваномъ къ тамошнему Эмиру, по желанію его, два горныхъ офицера: Маіоръ Кавалевскій и Капитанъ Геренгросъ. Но влѣдствіе тогдашнихъ непріязненныхъ отношеній къ намъ Хивы, означенные офицеры 22 ноября отдѣлились отъ каравана на сѣверо-восточной оконечности песковъ Большіе Барсуки и направились оттуда прямо въ укрѣпленіе Акъ-Булакское; по сему дневникъ ихъ, извлеченіе изъ котораго напечатано въ Горномъ Журналѣ, не разъясняетъ разсматриваемыхъ нами мѣстъ; тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ нѣкоторую важность, по тому обстоятельству, что подтверждаетъ показаніе, сдѣланное покойнымъ Капитаномъ Романовымъ англійскому геологу Мурчисону, объ отсутствіи горной перемычки между Мугоджарами и Устюртомъ. Въ дневникъ Кавалевскаго подъ 22 ноября записано: «Бѣжали на сѣверо-востокъ; въ правой сторонѣ оставили огромныя соленныя топи. Перѣѣхали рѣчку Кауджиръ и вершины Тибеня. 23 ноября, перѣѣхавъ Чеганъ, поднялись на Устюртъ ущельемъ, непроходимымъ для вьючныхъ верблюдовъ». Рѣка Чеганъ, какъ извѣстно, нижними частями своими касается Акъ-Булакской долины, лежащей къ за-

паду отъ Мугоджаръ; следовательно, если отъ вершинъ Тибетъ, на восточномъ скатъ Мугоджаръ, можно достигнуть правого берега Чегана, не переходя горъ, то очевидно, что Мугоджары оканчиваются стверите.

Въ 1840 году астрономъ Васильевъ, сопровождавшій отрядъ, направленный подъ начальствомъ Генераль-Адъютанта Перовскаго противъ Хивы, весьма точно опредѣлилъ положеніе Акъ-Булакскаго укрѣпленія, недалеко отъ подножія Устюрта, и тѣмъ доставилъ важную опорную точку для приуроченія съемокъ этого пространства. Одновременно съ симъ, а именно 12 декабря 1839 г., посланъ былъ англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Гератъ, Тодомъ, Капитанъ Аботъ въ Хиву. Онъ слѣдовалъ самую прямою дорогою изъ Мерва чрезъ степь и прибылъ въ столицу Алахъ-Кула въ началѣ января; въ первыхъ же числахъ марта 1840 г. отправился оттуда чрезъ Старый Ургенчъ, вдоль южнаго чинка къ Мангишлаку, а потомъ въ Ново-Александровское укрѣпленіе. Путешествіе Абота, изданное въ 1843 году, и приложенная къ нему карта весьма скудны географическими указаніями. При всемъ томъ, оно имѣетъ нѣкоторую важность, такъ какъ Аботъ былъ первый изъ Европейцевъ, видѣвшій Мервъ въ настоящемъ его положеніи и осмотрѣвшій прямую дорогу изъ Герата въ Хиву, равно какъ южный свѣсъ чинка, доселѣ вовсе неизвѣстный.

Аботъ, на возвратномъ пути, встретился близъ Старога Ургенча, съ Киргизами, везшими въ Хиву Поручика Мухамедъ-Ширифъ-Аитова. Онъ находился, по порученію Оренбургскаго начальства, въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ, на сѣверо-восточныхъ берегахъ Каспія; 12 января былъ захваченъ враждебными Киргизами; сначала отвезенъ ими въ горы Каратау близъ полуострова Бузачи, а 2 февраля, по распоряженію сына Киргизскаго Батыря Суюпъ-Кары, отправленъ южною Устюртскою дорогою на Ибрагимъ-Ата и оттуда въ Хиву. Здѣсь пробылъ онъ до конца іюля, когда отпущенъ Алахъ-Куломъ въ Россію и, пройдя чрезъ Старый Ургенчъ на Караумбетъ къ восточному свѣсу чинка, 18 августа 1840 года достигъ Оренбурга.

Объ этихъ потѣзкахъ Аитова краткое указаніе напечатано въ Географическихъ Извѣстіяхъ 1849 г.

Вслѣдъ за Аботомъ посланъ былъ тѣмъ же Тодомъ изъ

Герата въ Хиву Капитанъ Шекспиръ, который 13 мая оставилъ Гератъ, 23 прибылъ въ Мевръ и, выйдя оттуда 27 числа, направился къ Хивѣ, но только путемъ, отклонявшимся отъ Аббота значительно на востокъ. Вслѣдствіе этого направленія, Шекспиръ 4 іюня уже вышелъ на берега Аму-Дарьи, вдоль которыхъ и слѣдовалъ до 9 числа того же мѣсяца, то-есть почти до г. Питняка, откуда черезъ Хазараспъ достигъ Хивы. Я считаю долгомъ обратить вниманіе на это обстоятельство, такъ какъ оно составляетъ главную важность довольно пустого, впрочемъ, журнала Шекспира, ибо о видѣнной имъ части Аму-Дарьи мы не имѣли доселѣ свидѣтельствъ европейскихъ путешественниковъ, а распросы свѣдѣнія давали поводъ предполагать, именно въ этихъ мѣстахъ, ущелья и подводныя камни, невыгодные для судоходства. Между тѣмъ, эта важнѣйшая сторона изслѣдованій Шекспира не была доселѣ надлежащимъ образомъ оценена у насъ: г. Савельевъ, въ разборъ путешествія Базинера, не обратилъ на это вниманія; самъ же г. Базинеръ утверждаетъ, въ предисловіи къ своему сочиненію, что Шекспиръ слѣдовалъ по одному пути съ Абботомъ, что несправедливо, если даже относить эту фразу только къ возвратному пути Шекспира, такъ какъ онъ шелъ гораздо сѣвернѣе Аббота, а именно не на Мавгишпакъ, а прямо на Ново-Александровскъ. Нельзя не пожалѣть, что Абботъ и Шекспиръ, съ которыми были секстанты и хронометры, не сдѣлали никакихъ наблюдений надъ широтою мѣстъ, если не въ самой Хивѣ, гдѣ это могло быть опасно, то по крайней мѣрѣ на дорогѣ. Сверхъ того, не могу умолчать о хвастовствѣ Шекспира, будто онъ выкупилъ пѣнныхъ, возвращенныхъ Хивинскимъ Ханомъ въ Россію въ 1840 году. Здѣсь неумѣстно было бы представлять подробныя доказательства совершенной несправедливости этого утвержденія; къ тому же они были-бы излишни, такъ какъ слѣдившимъ за средне-азіатскими происшествіями въ началѣ прошедшаго десятилѣтія извѣстна положительная невѣрность показанія Шекспира; возразить же противу него я счелъ долгомъ только потому, что оно два года тому назадъ перешло безъ замѣчаній даже въ книгу, изданную въ Россіи *.

* Штукенбергъ, Гидрограф. т. IV. ст. 222.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1840 же года осмотрѣна средняя по-
лоса сѣверной части Устюрта, по направленію котораго, по
всей вѣроятности, шелъ караванъ Рукавкина въ 1753 году,
а именно: отрядъ подѣ начальствомъ Полковника Бизанова, въ
сопровожденіи Генеральнаго Штаба Штабъ-Капитана Рехен-
берга, отправясь отъ сѣверныхъ частей Эмбы, извошелъ на
Устюртъ по оврагу Карасай и, послѣ 60 верстъ слѣдованія на
югъ, достигъ песковъ Шамъ, откуда возвратился назадъ; на-
конецъ, въ томъ же 1840 году съемочный отрядъ, подѣ началь-
ствомъ Генераль-Маіора Жемчужникова, достигъ до сѣверо-за-
паднаго угла Аральскаго Моря, близъ урочища Каратамакъ, и
сообщилъ первыя положительныя свѣдѣнія о пространствѣ ме-
жду устьевъ рѣкъ Четырлы, Актыкенъ, заливомъ Князя Чер-
нышева и западною крайнюю Большихъ Барсуковъ.

Слѣдующій 1841 годъ былъ весьма важенъ для успѣховъ
географіи сѣверо-западной части Средней Азіи: 3 мая этого года
выступили изъ Оренбурга двѣ миссіи: въ Хиву подѣ начальствомъ
Капитана Никифорова, и въ Бухару подѣ начальствомъ Маіора
Бутенева. Къ первому прикомандированъ былъ упомянутый вы-
ше Поручикъ Литовъ; ко второму Коллежскій Ассессоръ Ханы-
ковъ, естествоиспытатель Леманъ, горный офицеръ Богословскій,
и сверхъ того, къ обоимъ нѣсколько топографовъ; наконецъ, до
Сыръ-Дарьи сопровождалъ миссію съемочный отрядъ, подѣ на-
чалъствомъ Подполковника Бларенберга. Экспедиція слѣдовала
вверхъ по рѣкѣ Илеку, чрезъ вершины рѣки Ори, къ рѣкѣ
Иргизу, внизъ по его теченію до урочища Аиръ-Кизыла, и от-
туда чрезъ пески Каракумъ къ Сыръ-Дарьѣ, которой достигла
5 іюня. Здѣсь экспедиція раздѣлилась на три части: Полков-
никъ Бларенбергъ пошелъ обратно, чрезъ озера Аксакаль Бар-
бы, вверхъ по рѣкѣ Тургаю до урочища Карсакъ-Баши, — да-
лѣе чрезъ степь на рѣку Иргизъ и мимо вершинъ этой рѣки
въ Орскую крѣпость; Поручикъ Романовъ, отдѣлившись отъ
главнаго отряда уже при переходѣ чрезъ Мугоджары, шелъ
сначала вдоль восточнаго свѣса ихъ, потомъ къ заливу Перов-
скаго, по сѣверо-восточному берегу Арала до устья Сыра,
вверхъ по этой рѣкѣ до Коканской крѣпостцы Кошъ-Курганъ,
и обратно по лѣвому берегу рѣки Тургай и по рѣкамъ Ка-
быргъ, Улькуяку и Кумаку въ Орскую крѣпость. Капитанъ Ни-

кифоровъ, перейдя съ Хивинскимъ посольствомъ рѣку Сырь при переправѣ Аманъ-Уткуль, слѣдоваль сначала на Хивинскую крѣпостцу Джанъ-Кала, далѣе вверхъ по Куванъ-Дарьѣ и оттуда на юго-востокъ къ городу Кипчаку, нѣсколько южнѣе пути Муравина за 100 лѣтъ передъ тѣмъ.

Въ самомъ Ханствѣ приведены Никифоровымъ въ извѣстность маршруты: отъ г. Хивы до Ташауза, Гурлепа (чрезъ Казавадъ) до Яши-Ургенча, Ханковъ и Хазараспа; отъ Ташауза до Кипчака, Куни Ургенча (чрезъ Иль-Аллы) и до Айбугира (чрезъ Бульдумсазъ). На возвратномъ пути, однимъ изъ топографовъ снятъ маршрутъ отъ Айбугира до Ново-Александровскаго укрѣпленія, Литовымъ отъ Айбугира же до Оренбурга по восточному берегу Арала и мимо бывшаго Акбулакскаго укрѣпленія, наконецъ самимъ Никифоровымъ отъ Айбугира до крѣпости Сарайчиковской. Выйдя изъ Ташауза 2 ноября, Никифоровъ прибылъ въ Сарайчиковскую крѣпость 28 числа того же мѣсяца, а Литовъ въ Оренбургъ 11 декабря.

Не менѣе дѣятельны были одновременныя изслѣдованія Русскихъ въ Бухаріи: отдѣлясь отъ Хивинской миссіи при Сырь-Дарьѣ, Бутеневъ поднялся выше по рѣкѣ до урочища Майлибашъ, гдѣ, переправившись чрезъ нее, слѣдоваль обыкновеннымъ караваннымъ путемъ въ Бухару, куда прибылъ въ концѣ августа. Въ началѣ сентября, состоявшіе при Бутеневѣ Ханыковъ, Леманъ и Богословскій отправлены были въ Самаркандъ. Изъ сего послѣдняго Богословскій проходилъ почти до вершинъ Заревшанской долины, или древней Согдіаны, то-есть до горъ Каратау; Н. Ханыковъ же возвратился чрезъ Карши въ Бухару, откуда въ апрѣлѣ мѣсяцъ 1842 года миссія отправилась обратно.

Изслѣдованія эти остались не безплодны для науки: результаты съемокъ Бларенберга и составленная въ поясненіе къ нимъ записка Романова отчасти обнародованы въ статьѣ Н. Ханыкова о народонаселеніи Киргизскихъ степей и въ приложенной къ ней картѣ. Маршруты Никифорова послужили основаніемъ картѣ Хивы, изданной первоначально въ 1845 году въ Берлинѣ Циммерманомъ, подъ именемъ Базинеровской, а впоследствии приложенной самимъ Г. Базинеромъ къ его путешествію.

Относительно Бухарскаго Ханства, напечатано полное географическое описаніе Н. Ханыковымъ, геогностическія и климатологическія замѣтки г. Бутеневымъ, и, сверхъ того, ожидается изготовленный уже г. Гельмерсеномъ къ печати дневникъ Лемана.

Гораздо безуспѣшнѣе были изслѣдованія одного англійскаго путешественника, обѣщавшія весьма важные результаты для науки, а именно Коноли. Онъ уже въ 1830 году пытался проникнуть въ Хиву изъ Астрабада, но долженъ былъ возвратиться послѣ нѣсколькихъ дней пути. Чрезъ 40 лѣтъ, то-есть осенью 1840 года, Коноли достигъ однако же Хивы, гдѣ и пробылъ до іюня 1841 года, затѣмъ пробрался въ Коканъ и осенью того же года возвратился въ Бухару; но здѣсь въ 1842 году погибъ, вмѣстѣ съ отечественникомъ своимъ Стодартомъ. Бумаги ихъ, въ числѣ коихъ находились астрономическія наблюденія Коноли, истреблены, и только одно показаніе его передано намъ Н. Ханыковымъ въ Описаніи Бухарскаго Ханства.

1842 годъ доставилъ важныя географическія дополненія къ изслѣдованіямъ Никифорова. Для довершенія начатыхъ имъ переговоровъ въ Хивѣ, отправленъ былъ туда Полковникъ Данилевскій. Выступивъ изъ Оренбурга 1 августа, онъ, слѣдуя по восточному берегу Арала, 19 октября прибылъ въ Хиву, проведя предварительно нѣсколько времени въ Ташаузѣ, а 31 декабря того же года отправился оттуда чрезъ Кипчакъ, Кунградъ къ юго-западному углу Арала. Сверхъ того, въ половинѣ ноябрю мѣсяца, находившійся вмѣстѣ съ Данилевскимъ натуралистъ Базинеръ посланъ былъ первымъ въ Хазараспъ, для поднесенія подарковъ Инаху. Эта поездка, равно какъ путь миссіи въ Хиву и обратно до г. Кипчака, могли только служить къ повѣркѣ маршрутовъ Никифорова; но отъ послѣдняго города до Кунграда и даже до Аральскаго Моря изслѣдовано вновь весьма важное пространство, оставленное Никифоровымъ въ пробѣлѣ. Сверхъ того, распросы Данилевскаго и Базинера дали имъ возможность пополнить личныя свои наблюденія значительною массою новыхъ свѣдѣній, изъ коихъ часть уже обнаружена Базинеромъ, другая же печатается въ Запискахъ нашего Общества. На основаніи таковыхъ распросовъ, Базинеръ oznatилъ на изданной имъ картѣ, а Данилевскій упоминаетъ въ своемъ опи-

санін, будто озеро Деукара, подобно Айбугирскому, почти сливается съ Аральскимъ Моремъ. Но это показаніе кажется мнѣ весьма неправдоподобнымъ, такъ какъ оно опровергается маршрутомъ Гладышева, новѣйшими распросами объ этомъ странствѣ кочевавшихъ тамъ Киргизъ и, наконецъ, изслѣдованіями юго-восточнаго берега моря, произведенными въ 1849 г. Поспѣловымъ, который не замѣтилъ слѣдовъ подобнаго залива.

Въ соображеніяхъ своихъ объ измѣненіи Аму-Дарьею прежняго теченія, Данилевскій приводитъ лишь одно преданіе Хивинцевъ; но въ письмѣ его ко мнѣ изъ Хивы, полученномъ въ Римѣ въ 1843 году, онъ разсказываетъ два другихъ преданія, изъ которыхъ одно замѣчательно тѣмъ, что представляетъ впервые намекъ самихъ Азіятцевъ на измѣненіе русла рѣки землетрясеніемъ; а потому я считаю неизлишнимъ привести здѣсь слова Данилевскаго въ подлинникъ:

«За недостаткомъ лучшаго, я долженъ ограничиться сообщеніемъ вамъ хивинскаго преданія касательно измѣненія Аму-Дарьею своего русла. Осматривая въ Куль-Ургенчѣ развалины, близъ прежняго теченія рѣки, я слышалъ это преданіе отъ одного муллы, надзирающаго за развалинами и служащаго при гробѣ какого-то положеннаго здѣсь магометанскаго хаджи.»

«Вотъ въ точности разсказъ муллы:

«600 лѣтъ тому назадъ (прежде всего, я долженъ предупредить васъ, что у Хивинцевъ въ употребленіи лишь двѣ историческія эры: 600 лѣтъ или вчера; и такъ—) 600 лѣтъ тому назадъ, когда Хива называлась еще не этимъ именемъ, а Харезмомъ, Аму-Дарья текла на западъ въ сторону Коблы и вливалась въ море Астраханское. Великолѣпные города роились по берегамъ рѣки; но краше и больше всѣхъ былъ Старый Ургенчъ; а потому Шахи Харезмскіе избрали его своею столицею. Властвовавшій въ то время Государь имѣлъ много дочерей прекрасныхъ и любимыхъ имъ; но прекраснѣе и возлюбленнѣе всѣхъ между ними была Ханьша Турубья, которую Шахъ избралъ опорой своей старости и повѣренною своихъ заботъ. Посвящая все время на лаеки своей дочери, онъ день за днемъ забывалъ болѣе и болѣе правительственныя обязанности, а Харезмцы . . . не

опасались бѣдствія. Между тѣмъ, оно было близко. Въ шести суткахъ верховой ѣзды къ западу, кочевали Калмыцкія орды, управляемыя Бараханомъ. Онъ уже давно съ завистью слышалъ о роскоши и богатствѣ въ Кунъ-Ургенчѣ, и ожидалъ лишь благопріятной минуты для вторженія. Минута эта наконецъ наступила. Калмыки нахлынули на столицу Харезма, и годовая Шаха пала подъ выгнутымъ клинкомъ Барахана. Вскорѣ затѣмъ онъ узналъ о необычайной красотѣ Ханьши Турубьи и, соблазненный ею, отправилъ къ Княжѣ визиря своего съ богатыми подарками и предложеніемъ раздѣлить Ханское ложе. Но Турубья съ негодованіемъ отвергла дары, присовокупивъ, что скорѣе умереть, чѣмъ вступить въ бракъ съ убійцею отца ея. Вслѣдъ затѣмъ, созвавъ вѣрныхъ подданныхъ, она повелѣла имъ завалить всѣ входы во дворецъ и оставить ее одну въ немъ. Черезъ три дни и три ночи, по исполненіи этого повелѣнія, въ часъ третій молитвы правовѣрныхъ и подземный гулъ, глухими и продолжительными раскатами, навелъ трепеть на жителей. Ему послѣдовала страшная затишь, — и *«другъ земля дрогнула; вершина великолѣпнаго Ургенческаго минарета обрушилась; воды Аму-Дарьи поднялись какъ горы, и рѣка, сверхъестественною силою отброшенная къ востоку, залила цвѣтуція и обработанныя части Харезма, и потекла къ Аралу. . . .*

«Разскащикъ мулла показалъ мнѣ комнату, гдѣ послѣдовала кончина Ханьши, и завалившійся минаретъ, какъ неопровержимыя подтвержденія подлинности преданія.»

Отъ 1812 до 1846 года не было новыхъ добавленій къ географическимъ даннымъ, относительно разсматриваемаго нами пространства; но послѣдній годъ принесъ зато разомъ весьма важныя улучшенія картографіи этихъ мѣстъ, вслѣдствіе командированія въ Киргизскую степь Подполковника Демма, который, на пространствѣ между Орскою крѣпостію, устьями Сыра и горами Улутау, опредѣлилъ 99 астрономическихъ пунктовъ, изъ коихъ 23 расположены либо на сѣверо-западномъ берегу Арала, либо на правомъ берегу Сыра и въ сѣверной половинѣ нижней долины ея.

Въ 1847 году произведена на 55 верстахъ подробная съемка устьевъ рѣки Сыра.

Въ 1848 и 1849 годахъ окончена съемка береговъ Аральскаго Моря гг. Бутаковымъ и Посьоловымъ.

Въ 1850 г. изслѣдованы пески Барсуки и сѣверное прибрежье Арала.

Такова сумма географическихъ данныхъ, приобретенныхъ европейскими наблюденіями. Хотя мы можемъ считать себя въ этомъ отношеніи богатыми, сравнительно съ познаніями, имѣвшимися лѣтъ 25 тому назадъ, однако далеко еще не все приведено этими розысканіями въ точную извѣстность; а потому многое необходимо дополнять распросами, догадками и критическимъ примѣненіемъ древнѣйшихъ показаній.

Эти источники уже издавна обращали на себя вниманіе ученыхъ географовъ. Видзень, при второмъ изданіи извѣстнаго своего сочиненія: Сѣверная и Восточная Татарія, включилъ туда много подобныхъ распросныхъ свѣдѣній, приобретенныхъ имъ вѣроятно, по благорасположенію къ нему Петра Великаго. Это нѣсколько дополнено было въ IX томѣ Всеобщей исторіи путешествій, безъ означенія, впрочемъ, источниковъ. Черезъ 43 лѣтъ послѣ того, издано Русскою Академіею сочиненіе трудолюбиваго Рычкова: Оренбургская топографія, гдѣ къ достоверно извѣстнымъ фактамъ присовокуплено много любопытныхъ распросныхъ свѣдѣній. Въ 1785 году обнародованы приведенныя въ порядокъ трудами Георги бумаги, оставшіяся послѣ академика Фалька, который 31 марта 1774 года застрѣлился въ Казани, по окончаніи шестилѣтняго путешествія по Россіи. Въ 1-мъ томѣ этого собранія есть также нѣсколько распросныхъ свѣдѣній и, между прочимъ, маршрутъ изъ Оренбурга въ Хиву, гдѣ, при описаніи города Кунь-Ургенча, упоминается о разграбленіи его Калмыцкимъ Ханомъ и о находящихся тамъ гробницахъ магометанскаго хаджи Шенхъ-Рейбирета, равно какъ Ханъши Турумы, то-есть вѣроятно Турубіи, къ которой относится преданіе, сообщенное мнѣ Данилевскимъ 70 лѣтъ позднѣе.

Въ томъ же 1785 году обнародованъ 2-й Т. Историческаго описанія российской коммерціи, Чулкова; но свѣдѣнія, въ немъ заключающіяся, составляютъ буквальное повтореніе сказаннаго Рычковымъ.

Между тѣмъ, съ развитіемъ правильной администраціи на границахъ Оренбургскаго края и Западной Сибири, начали все болѣе и болѣе накапливаться тамъ распросныя данныя о Средней Азій. Древнѣйшія изъ нихъ имѣютъ теперь преимущественно историческую, а не географическую важность.

Гораздо любопытнѣе для насъ распросы, собранныя въ теченіе нынѣшняго вѣка, какъ потому, что они точнѣе и отчетливѣе, такъ по болѣе возможности исправлять и поправлять ихъ сравненіемъ съ вновь собранными точными свѣдѣніями о Средней Азій. Показанія эти могутъ быть раздѣлены на двѣ главныя категоріи: одни заключаютъ въ себѣ общія историческія и статистическія обозрѣнія Хивы, Туркменіи и Киргизъ-Кайсаковъ; другія—подробныя топографическія свѣдѣнія и маршруты. Перваго рода данныя находятся во многихъ путешествіяхъ по Азій, въ особенности же у Муравьева, Мейендорфа, Фрезера и Борнса; но изъ нихъ ничего нельзя извлечь для картографіи. Гораздо важнѣе для цѣли данныя второго разряда. Многіе подобныя распросныя маршруты изданы были Киннейромъ, Клапротомъ, Мейендорфомъ, Сеньковскимъ, Спасскимъ и Гумбольтомъ; но всѣ они относятся до дорогъ либо изъ Западной Сибири въ Китайскій Туркестанъ, Коканъ и Бухару, либо туда же изъ Персіи, то-есть именно не касаются разсматриваемой нами мѣстности. Между тѣмъ, объ ней имѣются также богатые распросныя матеріалы. Основаніе имъ положено въ Оренбургѣ, бывшимъ тамъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка, Начальникомъ Таможни Величко; но преимущественно обязана географія въ этомъ отношеніи Председателю Оренбургской Пограничной Коммисіи Григорію Федоровичу Генсу. Прибывъ на службу въ Оренбургъ также въ первые годы настоящаго столѣтія, въ качествѣ Инженернаго офицера и съ отличнымъ университетскимъ образованіемъ, Генсъ неоднократно былъ посылаемъ въ степь, а въ 1815 году сопровождалъ экспедицію къ свинцовымъ горамъ; вслѣдствіе чего составилъ весьма отчетливое обозрѣніе совершенно неизвѣстнаго тогда пространства между Тоболомъ и Тургаемъ; въ 1818 году онъ былъ употребленъ для приведенія въ порядокъ архива Оренбургской Пограничной Коммисіи, что ознакомило его съ имѣвшимися прежними данными о Средней Азій, а вслѣдъ за тѣмъ Генсъ назначенъ Пред-

сѣдателемъ этой Коммисіи, чѣмъ и оставался въ продолженіе слишкомъ 20 лѣтъ.

Во все это время, будучи въ безпрерывныхъ сношеніяхъ со всеми пріѣзжавшими въ Оренбургъ Азіятцами, купцами и путешественниками, онъ не упускалъ ни одного случая обратить это на пользу географіи и, спрашивая каждого, извлечь изъ него всевозможныя свѣдѣнія о знакомыхъ ему странахъ; послѣ чего эти показанія либо просто записывались въ дневникъ, либо излагались въ видѣ особыхъ записокъ. Нѣкоторыя изъ этихъ записокъ изданы гг. Беромъ, Гельмерсеномъ и Далемъ; другія имѣются въ копіяхъ; но мелкія дневныя замѣтки, сколько мнѣ извѣстно, существуютъ только въ подлинникъ. Сынъ покойнаго Генса, во время пребыванія своего въ Петербургѣ въ 1846 году, сказалъ мнѣ, что онъ намѣренъ составить изъ нихъ систематическій сводъ; но черезъ два года этотъ молодой человекъ самъ погибъ отъ холеры въ Оренбургѣ.

Важнѣйшія распросныя свѣдѣнія, собранныя Генсомъ, заключаются въ слѣдующихъ статьяхъ :

1818 года. Показанія кушца Гоголина о Бухарѣ.

1819 года. Показанія оренбургскаго мѣщанина Якова Петрова, находившагося въ плѣну въ Хивѣ и Бухарѣ съ 1787 по 1819 годъ.

1821 года. Показанія солдатскаго сына изъ Желѣзинской крѣпости Ларіона Кашлева, находившагося въ плѣну въ Бухарѣ съ 1775 по 1821 годъ.

1822 года. Показанія о Бухарѣ Еврея Дезерцева.

1822 года. Показанія о Бухарѣ Бухарца Атарифа-Галиева.

1822 года. Маршруты, составленные по рассказамъ Татарина Абзялила Варкѣева.

1824 года. Свѣдѣнія о Бухарѣ, Коканѣ и вообще о средне-азіатской торговлѣ, составленныя изъ распросовъ Казанскаго Татарина Муртазы Фейзулина, неоднократно посѣщавшаго поименованныя страны въ продолженіе 1807 — 1823 годовъ.

1826 года. Показанія о Хивинскомъ Ханствѣ вышедшаго изъ плѣна астраханскаго мѣщанина Матвея Ковырзина.

1826 года. Показанія о Шерсавестъ, Бадакшанъ и Бухаръ, посъщавшаго эти страны, въ концѣ XVIII вѣка, толмача Оренбургской Пограничной Коммисіи Бакшіева.

1828 года. Показанія о Хивѣ вышедшаго изъ плѣна мѣщанина Болдырева.

1829 года. Показанія о Хивѣ вышедшаго изъ плѣна сызранскаго мѣщанина Грушина.

1829 года. Показанія объ Авганистанѣ, Кундузѣ и Бадакшанѣ, Авганца Миръ-Гуламъ-Накипбандъ.

1829 года. Показанія Магсумъ-Ходжи о Коканѣ.

1830 года. Показанія о Бухарѣ Бухарца Телеубая-Маркаваева.

1834 года. Показанія о Хивѣ Киргиза Бабаса Избасарова.

1835 года. Свѣдѣнія о бухарской исторіи и о настоящемъ положеніи Кокана и Бухаріи, составленные по рассказамъ родственника Бухарскаго Хана Абдуль-Керима.

1835 года. Показанія о Хивѣ Бухарца Атарифа Галліева.

1837 года. Показанія о Хивѣ Киргиза Манапая Алчинова и Куламана Бишибаева.

1837 года. Показанія о Хивѣ Бухарца Атарифа Галліева.

1838 года. Показанія о Хивѣ Киргизскаго Ходжи Утыгана-Байходжина.

1840 года. Маршруты отъ Сыръ-Дарьи въ Хиву, составленные по распросамъ Киргизъ.

Григорій Карелинъ, между 1832 и 1837 годомъ, также много способствовалъ къ умноженію распросныхъ свѣдѣній. Особенно заслуживаетъ вниманія, въ этомъ отношеніи, составленное имъ описаніе пути изъ Ново-Александровска въ Хиву, по показанію Армянина Карапета Турпаева и распросныхъ свѣдѣній о при-Каспійскихъ Кайсакахъ и Туркменахъ, частію обнародованныя Еларенбергомъ.

Г. Даль, во время пребыванія своего въ Оренбургѣ, съ 1833 по 1841 годъ, тоже занимался сборомъ распросныхъ свѣдѣній, результаты которыхъ отчасти помѣщены въ разныхъ обнародованныхъ имъ статяхъ и въ особенности въ показаніяхъ вышедшаго въ 1848 году изъ плѣна Зиновьева.

Съ 1839 по 1840 годъ обращено было особое вниманіе на разширеніе и повѣрку распросныхъ свѣдѣній о Хивинскомъ

Ханствѣ. Главное участіе въ этомъ принимали Подполковникъ Иванинъ, я и братъ мой Н. Ханыковъ. Первые распросы могли быть дѣлаемы лишь у небольшого числа вышедшихъ изъ плѣна въ разное время казаковъ и Киргизъ, посѣщавшихъ Хиву, результатомъ чего и были два описанія этого Ханства: мое, оставшееся въ рукописи, и Подполковника Иванина, напечатанное въ Журналѣ мануфактуръ и внутренней торговли; но когда въ 1841 году разомъ возвращено было слишкомъ 400 плѣнныхъ изъ Хивы, проживавшихъ во всѣхъ частяхъ этого Ханства, то открылась возможность пріобрѣсти еще болѣе точныя распросныя свѣдѣнія, чѣмъ и воспользовался Н. Ханыковъ, для составленія подробнаго описанія и карты Хивинскихъ владѣній. Имъ же сняты показанія съ Бухарца Мирза Шемса о происшествіяхъ въ 1830-хъ годахъ въ Китайскомъ Туркестанѣ.

Переходя къ обзору систематическихъ сочиненій о разсматриваемой нами мѣстности, я ограничусь упоминаніемъ только тѣхъ, которыя изданы въ послѣднее 30-лѣтіе, такъ какъ предшествовавшія тому основаны болѣею частію на догадкахъ, не оправданныхъ дѣйствительностію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть страницы перваго изданія географіи Риттера, касающіяся Арала и Хивы, равно какъ изображеніе того же пространства на картѣ Панслера 1847 года. У перваго почти всѣ свѣдѣнія ограничиваются ссылкой на древнихъ и восточныхъ писателей; на второй—Аралъ, и въ особенности западный берегъ его, равно какъ Хива, имѣютъ совершенно фантастическое очертаніе.

Начало улучшенія систематической географіи и картографіи этихъ мѣстъ положено изданіемъ путешествій Муравьева, Барона Мейендорфа и картъ, къ нимъ приложенныхъ. Въ особенности же важно было въ этомъ отношеніи обнародованіе прекраснаго сочиненія г. Левшина о Киргизскихъ Степяхъ, съ картою, къ нему принадлежащею. И прежде г. Левшина, были дѣлаемы опыты общаго обзора Киргизскихъ Степей, а именно: Гавердовскимъ, въ книгѣ, изданной имъ въ 1814 году; Спасскимъ, въ нѣсколькихъ статьяхъ Сибирскаго Вѣстника, и неизвѣстнымъ мнѣ сочинителемъ, обширная рукопись котораго находится у меня въ копіи. Но всѣ они далеко уступаютъ въ полнотѣ, точности и отчетливости произведенію г. Левшина. Одною

изъ лучшихъ похвалъ для него можетъ служить то, что покойный Генсъ, величайшій знатокъ Киргизскихъ Степей и киргизскаго быта, въ сдѣланныхъ имъ замѣчаніяхъ на первый томъ этого сочиненія, которыя нисходятся въ рукописи, не открылъ ни одного большого промаха. Карта, приложенная къ сочиненію г. Левшина, первоначальное составленіе которой принадлежитъ бывшему Оберъ-Квартермистру Оренбургскаго корпуса Тимофѣеву, была въ 1830 годахъ самое полное и добросовѣстное выраженіе имѣвшихся тогда свѣдѣній о сѣверо-западной части Средней Азіи, соединяя въ себѣ карты Муравьева, Мейендорфа, результаты экспедицій г. Берга 1823 и 1825 годовъ, и изслѣдованій, произведенныхъ съ Сибирской Линіи.

Позднѣе Левшина, въ числѣ критико-ученыхъ сочиненій разсматриваемой нами мѣстности, заслуживаютъ быть упомянутыми: разсужденія Циммермана о Средней Азіи, статья о Киргизскихъ Степяхъ Н. Ханыкова и образцовое твореніе Барона Гумбольдта *Asie Centrale*.

Ко всѣмъ имъ приложены карты; лучшая изъ нихъ, по свойству самыхъ матеріаловъ, на которыхъ основана, есть карта Н. Ханыкова. Но кромѣ того она не простирается южнѣе устьевъ Сыръ-Дарьи; въ нее не вошли многія, нынѣ имѣющіяся данныя, такъ такъ во время составленія сей карты, между Мугоджарами и Ураломъ не было еще сплошной съемки, принятой тамъ съ 1843 года и доведенной уже на югъ до рѣки Эмбы. За Мугоджарами не производилось еще астрономическихъ опредѣленій, сдѣланныхъ Леммомъ въ 1846 году, и съемокъ многочисленныхъ полосъ степи, совершенныхъ въ томъ же, равно какъ 1847 и 1850 годахъ, разными отрядами. Наконецъ, Аральское Море извѣстно было съ точностію лишь въ тѣхъ небольшихъ пространствахъ сѣвернаго берега, коихъ коснулись рекогноспировки Жемчужникова и Биаренберга въ 1840 и 1841 году, ибо полная съемка этого моря произведена Бутаковымъ только въ 1848 и 1849 годахъ, равномѣрно и съемки Иванова отъ Тюбъ-Карагана до Александръ-Бая, и Жеребцова въ Карабугазскомъ заливѣ сдѣланы позднѣе. Вслѣдствіе сего, означенная карта въ сѣверо-западной половинѣ своей неполна, а въ юго-восточной во многихъ отношеніяхъ неточна.

Тѣмъ не менѣе, она значительно лучше близко предшествовавшей ей карты Циммермана *Entwurf des Kriegs-Theaters Russlands gegen Chiva*, не только потому, что Н. Ханыковъ могъ воспользоваться многими, недоступными Циммерману матеріалами, но такъ какъ послѣдній не употребилъ даже всѣхъ обнародованныхъ до 1839 года данныхъ, другія же примѣнилъ не удачно.

1) Въ главномъ основаніи карты, въ спискѣ астрономическихъ пунктовъ, приводя нѣсколько опредѣленій, не имѣющихъ никакой достовѣрности, какъ напримѣръ: Дженкинсона, или положенія мѣстъ на картахъ Кирилова и по Гебелевымъ одномоетрическимъ измѣреніямъ, Циммерманъ въ тоже время вовсе не руководствуется астрономическими пунктами, изданными Шубертомъ еще въ 1826 году, и наблюденіями Лемма, напечатанными въ Запискахъ Военно-Топографическаго Депо въ 1837 году. Изъ послѣднихъ ему извѣстно лишь произведенное 4 февраля, на западномъ берегу Арала; но и здѣсь онъ ошибается на 53", не говоря уже о томъ, что выбираетъ изъ всѣхъ опредѣленій 1826 года по несчастію тѣ, которое именно одно оказывается, въ слѣдствіе новѣйшихъ съемокъ, непримѣнимымъ. Это незнаніе достовѣрныхъ источниковъ заставляетъ Циммермана прибѣгать къ ненадежнымъ; отчего даже въ положеніи важнѣйшихъ пунктовъ, какъ напримѣръ: Астрахани, Сарайчиковской, Калмыковской, Орской, — у него встрѣчаются ошибки.

2) Руководствуясь для Каспійскаго Моря картою Колодкина, онъ вовсе не принялъ въ соображеніе изданной уже въ 1834 году карты Васильева, а потому Мертвый-Култукъ, полуостровъ Бузачи, заливъ Качакъ и Тюбъ-Караганскій полуостровъ у Циммермана не только не улучшены, сравнительно съ Колодкинымъ, но даже искажены произвольными измѣненіями. Что касается до берега моря далѣе къ югу, то за ошибочность его нельзя упрекать Циммермана, такъ какъ онъ не могъ руководствоваться рекогносцировками ни Карелина въ 1836 году, ни Иванова въ 1844 году, ни Жеребцова въ 1847 году.

Наконецъ 3) даже тѣ матеріалы, которыми воспользовался Циммерманъ, мало послужили ему для разъясненія мѣстности; сѣтъ рѣкъ составляетъ еще лучшую сторону карты, если только исключить не существующіе притоки Каспія къ югу

отъ Эмбы, рѣку Уджаль, впадающую въ Аральское Море и т. п. Но даже въ гидрографической части есть непонятныя ошибки, такъ напримѣръ: Эмба впадаетъ еще на картѣ двумя большими рукавами въ Каспій, между тѣмъ какъ она давно не достигаетъ береговъ его; система Урала соединена водянымъ путемъ съ системою Эмбы, посредствомъ *какого-то канала Битъ-Шона*, который связываетъ будто-бы Талдыкъ и Узунъ-Темиръ, въ дѣйствительности же есть *тропинка*, протянутая между вершинами сихъ рѣкъ на картѣ Левшина; равномерно вершины рѣки Тебень связаны съ какимъ-то лѣвымъ притокомъ Эмбы Кара-Акенти у подножія Айрюка; верхняя часть долины Эмбы на полградуса отнесена западнѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Затѣмъ большую часть надписей составляютъ исковерканныя татарско-русскія слова, *не имющія рѣшительно никакого значенія*: спрашивается, какую пользу могутъ принести—Чивландъ Хюзменность. Посто-Эба, Бараидъ-Гильджи, Тутчикшапамски и тому подобныя, выставленныя безъ всякаго знака, который бы пояснялъ смыслъ этихъ словъ, или сопровождаемыя знакомъ, противнымъ настоящему смыслу названій, какъ напримѣръ: знакомъ колодца, когда татарское слово Куль, стоящее въ надписи, означаетъ озеро; въ особенности же, къ чему употреблять подписи, для самаго картографа очевидно составляющія іероглифы, какъ на примѣръ: Nazivam Uro Maloi Barasuk; въ этой фразѣ не только западный Европеецъ, но и Русскій конечно не узнаетъ: урочище, называемое Малые Барсуки; а если бы и угадалъ, то это нисколько не послужило бы ему къ объясненію, что подъ симъ должно разумѣть гряду песковъ. Подобное щегольство наборомъ непонятныхъ названій только обманываетъ толпу читателей на счетъ дѣйствительной бѣдности географическихъ данныхъ.

Гораздо лучше позднѣйшая карта Циммермана Туркменіи и Хивы, подъ заглавіемъ Uebersichtsblatt zur Darstellung des schiffbaren und unteren Laufes des Oxus, такъ какъ онъ ограничивается здѣсь означеніемъ урочищъ, извѣстныхъ съ достаточною вѣроятностію, именно: южный берегъ Арала и низовья Аму-Дарьи нанесены съ очерка карты Данилевскаго, дошедшей въ Берлинъ подъ именемъ Базинеровской. Къ югу отъ Питняка сдѣлано весьма полезное дополненіе нанесеніемъ пути Шек-

спира вдоль Аму - Дарьи; но къ сожалѣнiю, маршрутъ этотъ, равно какъ и Абботовскiй, не продолжены до Мерва и до Герата. Къ западу отъ Аму нанесенъ путь Конолли и Муравьева, но послѣднiй также не полный; наконецъ, юго-восточный берегъ Каспiя изображенъ по свѣдѣнiямъ, доставленнымъ Карелинымъ и Бларенбергомъ въ 1836 году, которыя сообщены были Генераль-Адъютантомъ Перовскимъ Барону Гумбольдту въ 1842 году. Тогда, впрочемъ, не имѣлось еще въ виду астрономическихъ опредѣленiй этой экспедици, потому островъ Огурчинскiй показанъ слишкомъ сѣверно, равно какъ входъ въ Гассанъ-Кулинскiй заливъ.

Заливъ Хивинскiй нанесенъ Циммерманомъ также согласно съ предположенiями Карелина, который его, впрочемъ, не посѣщалъ, равно какъ ни одинъ изъ мореплавателей на Каспiи, исключая Путятина въ 1844 г.; но въ разсужденiи, приложенномъ къ картѣ, этотъ заливъ подалъ поводъ къ заключенiямъ, обнаруживающимъ, съ какою опрометчивостiю дѣлаются иногда ученые выводы. Г. Циммерманъ, на стр. 166, говоритъ:

«Eine alte Karte, die ich in der berühmten und vollständigsten Karten - Handlung in Europa von Simon Schropp et Comp. hieselbst antraf: Provinciarum Persicarum Kilaniae, nempe Chirvaniae, Dagestaniae aliarumque vicinarum regionum partium nova geographica tabula, ex itinerario celeberrimi olim Adami Olearii aliisque recentioris geographice adminiculis desumpta a J. B. Homanno S. C. M. Geographie ejusque Filio 1728 — giebt merkwürdiger Weise *den Schlüssel zur Zeichnung* der Ostküsten des Caspischen Meeres in Kolodkin's See-Atlas 1822 dieses Meeres, der auf Aufnahmen gegründet sein soll. Man findet den Chivensischen Golf ganz so eingetragen wie dort. . . . Seit 1728 datirt sich also die bedeutende Verkleinerung des Chivensischen Golfes, nicht seit 1820, wie ich nach Kolodkin's Karte geglaubt hatte; denn das war mir nicht im Traume eingefallen, dass im grossen russischen Seeatlas hundert Jahre alten Karten, welche in den Längen ganz falsch sind, blos copirt sind.»

Я не знаю, въ какой мѣртъ рядокъ въ Германiи атласъ Гоммана, но могу только сказать, что еще гораздо прежде, чѣмъ г. Циммерманъ отыскалъ одинъ листъ этого атласа въ лучшей германской лавкѣ картъ, я уже давно имѣлъ полный экземпляръ, чрезъ петербургскихъ букинистовъ, за весьма дешевую

цѣну. Тамъ, дѣйствительно, находится карта, приводимая Циммерманомъ; только въ ней Хивинскій Заливъ нѣсколько другого вида, чѣмъ у Колодкина; а потому уже одно это должно бы воздержать берлинскаго картографа отъ обвиненія Колодкина въ подложномъ заимствованіи изображенія береговъ Каспія съ карты 1728 года; но есть еще убѣдительнѣйшія уваженія, которыя побуждали къ тому же. Въ предисловіи къ своему атласу, г. Колодкинъ прямо и добросовѣстно указываетъ, откуда взято имъ изображеніе Хивинскаго Залива, именно говоритъ: «Заливъ же Хивинскій *внесенъ съ карты Г. Гильденстеда*, и на одной только его картѣ помѣщенъ, а на всѣхъ прочихъ въ семь мѣстъ берега оставлены не соединенными». И такъ, вся вина Колодкина въ томъ, что онъ положился на карту Гильденстеда 1774 года, а не предпочелъ болѣе правдивыя изображенія русскихъ картографовъ. Эта цитата естественно рождаетъ другой вопросъ: какимъ образомъ г. Циммерманъ, такъ часто ссылающійся на атласъ Колодкина, не знаетъ вышеприведенныхъ строкъ предисловія къ атласу и, если, какъ весьма вѣроятно, видѣлъ изъ всего атласа одну общую карту, то по какому праву возводитъ столь оскорбительныя подозрѣнія на человѣка, который посвятилъ 17 лѣтъ возможно точному изображенію Каспія? Что же касается до вывода г. Циммермана, — будто изъ того, что Хивинскій Заливъ Колодкина взятъ у Гоммана, слѣдуетъ, что этотъ заливъ началъ усыхать съ 1728, а не съ 1820 года, — то подобное заключеніе принадлежитъ къ числу парадоксовъ, недостойныхъ науки. Въ Хивинскомъ Заливѣ до 1844 г. никто изъ Европейцевъ еще не былъ, а потому и всѣ изображенія его совершенно произвольны; очертаніе же Гоммана предшествовало даже изслѣдованіямъ Бековича и Кожина, какъ видно изъ того, что Красноводская коса представлена островомъ; слѣдовательно относится къ эпохѣ, когда вовсе не было правдоподобныхъ данныхъ о восточномъ берегу Каспія. Какъ же можетъ подобное *безотчетное показаніе иренбергскаго торговца* картъ служить основаніемъ для ученыхъ заключеній объ убыли воды въ Каспійскомъ Морѣ?

Карта Хивинскаго Ханства, изданная г. Базинеромъ, есть собственно уменьшенная копія съ карты, составленной Григоріемъ Данилевскимъ изъ рекогносцировокъ топографовъ, со-

проводивших покойнаго Никифорова и самаго Данилевскаго. Къ этому г. Базинеръ прибавилъ только северную часть Аральскаго Моря съ карты Н. Ханыкова и нанесъ свой маршрутъ по западному берегу Арала. Главная заслуга Базинера состоитъ въ томъ, что онъ расположилъ карту по градусамъ; но и это не было трудомъ самостоятельнымъ, ибо приуроченіе городовъ Ханства къ разнымъ широтамъ и долготамъ сдѣлано не по соображенію маршрутовъ Никифорова и Данилевскаго съ астрономическими опредѣленіями Лемма, а просто принятіемъ за широту и долготу Хивы тѣхъ предположеній, которыя господствовали въ Оренбургѣ по сему предмету до 1846 года; сверхъ того, на картѣ далеко не обозначены всѣ астрономическіе пункты, имѣвшіеся уже до изданія ея, а именно: изъ Лемовскихъ опредѣленій 1825 года приведено одно, между тѣмъ какъ Базинеръ долженъ бы нанести таковыхъ три, изъ коихъ два выпущенныя гораздо важнѣе, чѣмъ нанесенное. Изъ наблюденій же 1846 года приведено всего два, тогда какъ ихъ слѣдовало бы нанести 14. Если бы г. Базинеръ исполнилъ это, то, вѣроятно, избѣгнулъ бы замѣчанія, которое встречаемъ у него на счетъ карты Н. Ханыкова 1845 года; онъ говоритъ:

« Von Orenburg bis hierher hatten wir nach unsern Hodometer-Messungen etwas über 603 Werst zuruckgelegt; in gerader Linie beträgt aber die Entfernung dieser beiden Punkte nach des neuesten Karte der Kirgisen Steppe, welche durch das Journal des Ministeriums des Innern im Jahre 1845 veröffentlicht worden ist, etwa 555 Werst. Hieraus folgt, dass wir im ganzen nur eine Krümmung von 48 Werst, oder auf 100 Werst in gerader Linie nur einen Umweg von etwas über $8\frac{1}{2}$ Werst gemacht haben, was mir eine viel zu geringe Zahl zu sein scheint, um nicht gegen die Richtigkeit der genannten Karte einigen Zweifel zu hegen.»

Между тѣмъ, точки, служащія предѣлами измѣренія, опредѣлены на картѣ астрономически, такъ какъ входъ на Устюртъ г. Базинера лежитъ на одной параллели съ Акъ-Булакскимъ укрѣпленіемъ и не можетъ быть болѣе одного градуса восточнѣе этого укрѣпленія; слѣдовательно, естественнѣе было, кажется, усомниться въ вѣрности собственнаго одометрическаго (всегда не безошибочнаго) промѣра, чѣмъ карты.

Не смотря на все это, пока съемки Никифорова и Данилевскаго не были изданы подробно и не приурочены къ градусамъ отчетливѣе, чѣмъ у Базинера, его карта Хивинскаго Ханства оставалась лучшимъ изображеніемъ этого рода.

Карта Бухарскаго Ханства Н. Ханыкова, для долинь Заревшана и Шахри-Сябзя, равно какъ для сѣверо-западной окраины Ханства, заслуживаетъ предпочтеніе предъ всѣми прочими, такъ какъ никто въ новѣйшее время не имѣлъ возможности лучше изучить этихъ долинь, чѣмъ означенный путешественникъ, ѣздившій въ одно время съ нимъ покойный Леманъ, г. Богословскій и сопровождавшій ихъ топографъ. Въ изображеніи юго-восточной части Ханства встрѣчаемъ только нѣкоторые дополненія по дорогѣ изъ Карши въ Гисаръ; затѣмъ долина Аму изображена совершенно тождественно съ Борисомъ; а къ сѣверо-востоку отъ Гисара даже менѣе подробностей чѣмъ у Бориса.

Общая карта Средней Азии Циммермана нерѣдко обильнѣе подробностями послѣдней и значительно отличается отъ обѣихъ предыдущихъ; но 1) эта разность основана на гадательныхъ выводахъ изъ разнокачественныхъ источниковъ, безъ подробнаго указанія данныхъ, служившихъ основаніемъ для этихъ выводовъ; 2) около Бадакшана эта карта, будучи основана на опредѣленіяхъ Іезуитовъ 1759 г. разнится отъ карты Вуда на 50' шир. и почти на 2° долготы.

Такова сумма матеріаловъ, которыми я пользовался для изготовленія составленной мною карты.

Въ заключеніе, мнѣ остается лишь сказать, какимъ образомъ я употребилъ эти матеріалы.

Въ сѣверной и южной частяхъ карты не встрѣчалось затрудненій: Аральское Море, пространство къ сѣверо-востоку отъ него, т. е. за Сыръ-Дарьей, и къ сѣверо-западу, т. е. по сѣверному чинку, расположены на основаніи астрономическихъ опредѣленій Лемма, Васильева и Бутакова. Западный Хорасанъ, Мервъ и Персидское Ханство изображены по астрономическимъ же наблюденіямъ Фризера, Бориса и Лемма. Число этихъ основныхъ данныхъ, какъ обнаруживаетъ нижеслѣдующая таблица, довольно значительно, и хотя въ Бухарскомъ Ханствѣ доселѣ нѣтъ ни одного достовѣрнаго долготнаго опредѣленія, однако же большой неувѣрности въ долготѣ Бухары предвидѣть нельзя.

№	НАЗВАНІЕ МѢСТЪ.	С. Шир.	Долгота отъ Фер- ро.	Имя наблюдателя. Время наблюденія, способъ опредѣле- нія долготы.
	Бывше укрѣпленіе Акѣ-Булакѣ . . .	47° 1' 57"	75° 29' 39"	Васильевъ 1840 г. <i>Лун. кульминац.</i>
1	Лагерь Берга 11 февраля 1826 года.	46° 25' 25"	.	Леммъ 1826 г.
2	Юж. бер. вход. въ зал. Чубарѣ-Тараузѣ.	16° 44' 42"	78° 10' 35"	Бутаковъ 1848 — 49 г. <i>Хрон.</i>
3	Косѣ Аральскій постѣ	46° 1' 17"	78° 41' 20"	Бутаковъ 1848 — 49 г. <i>Лун. кульм.</i>
4	Пирамида близъ пад. р. Сырѣ-Дарьѣ . .	46° 3' 23"	78° 48' 59"	Леммъ 1846 г. <i>Хро-</i> <i>ном.</i>
5	Р. Сырѣ-Дарьѣ при впад. въ Лиманѣ .	46° 3' 32'	79° 0' 42"	Леммъ 1846 г. <i>Хро-</i> <i>ном.</i>
6	Сѣвер. конецъ Ли- мана	46° 8' 42"	79° 0' 23"	Леммъ 1846 г. <i>Хрон.</i>
7	Р. Сырѣ-Дарьѣ . .	46° 2' 33"	78° 50' 56"	Леммъ 1846 г. <i>Лун.</i> <i>кульм.</i>
8	Р. Сырѣ-Дарьѣ . .	46° 6' 54'	79° 14' 8"	Леммъ 1846 г. <i>Лун.</i> <i>кульм.</i>
9	Колодець Куль-Ку- дукъ	46° 57' 41'	79° 20' 29"	Леммъ 1846 г. <i>Хрон.</i>
10	Плотина Аробогудѣ.	46° 9' 36"	79° 21' 42"	Леммъ 1846 г. <i>Лун.</i> <i>кульм.</i>
11	Южн. оконечн. полу- острова Раймѣ . .	46° 4' 19"	79° 26' 56"	Леммъ 1846 г. <i>Хрон.</i>
12	Могила Джуль-Пасѣ.	16° 41' 32"	79° 28' 51"	Леммъ 1846 г. <i>Хрон.</i>
13	Тальбе-Гуть . . .	46° 0' 30"	79° 29' 11"	Леммъ 1846 г. <i>Хрон.</i>
14	Колод. Алты-Кудукъ.	46° 50' 25"	79° 30' 41"	Леммъ 1846 г. <i>Хрон.</i>
15	При озерѣ Калмыш- лы-Башѣ	46° 14' 54'	79° 36' 33"	Леммъ 1846 г. <i>Хрон.</i>
16	Колодець-Сапакъ .	46° 28' 43"	79° 39' 11"	Леммъ 1846 г. <i>Хрон.</i>
17	Колод. Акѣ-Шаблакѣ.	46° 10' 20"	80° 8' 8"	Леммъ 1846 г. <i>Хрон.</i>
18	Колод. Сорго-Кудукъ.	46° 18' 33"	80° 11' 51"	Леммъ 1846 г. <i>Хрон.</i>
19	Колод. Токобай . .	46° 54' 7"	80° 15' 50"	Леммъ 1846 г. <i>Хрон.</i>
20	Колод. Морунѣ-Ку- дукъ	46° 46' 57"	80° 15' 57"	Леммъ 1846 г. <i>Хрон.</i>
21	Колодець Акай . .	46° 29' 40"	80° 21' 41"	Леммъ 1846 г. <i>Хрон.</i>
22	Колодець Бурмашѣ.	46° 37' 32"	80° 25' 35"	Леммъ 1846 г. <i>Хрон.</i>
23	Лаг. Берга 21 янв. 1826 г. около кол. Чурухѣ	45° 3' 49"	.	Леммъ 1826 г.
24	Лаг. Берга 2 февр. 1826 г. около Аральск. Морѣ . .	45° 26' 15"	76° 13' 51"	Леммъ 1826 г. <i>Лун.</i> <i>разстоян.</i>

№	НАЗВАНИЕ МѢСТЪ.	С. Шир.	Долгота отъ Фер- ро.	Имя наблюдателя, время наблюденія, способъ опредѣле- нія долготы.
25	Лег. Берга 3 фев. 1826 г. около Аральск. Мор.	45°36'41"	76°19'16"	Леммъ 1826 г. <i>Дун.</i> <i>разъ поян.</i>
26	Мысь Узунъ-Каиръ.	45°46'3"	76°57'20"	Бутаковъ 1848 — 49 г. <i>Хроном.</i>
27	Озеро Айгерикъ. . .	45°58'44"	79°38'35"	Леммъ 1846 г. <i>Хрон.</i>
28	Топографическая точ- ка	45°49'25"	79°55'17"	Леммъ 1846 г. <i>Хрон.</i>
29	Р. Сыръ-Дарья. . .	45°45' 8"	80° 0' 5"	Леммъ 1846 г. <i>Хрон.</i>
30	Уроч. Майли - Башъ на р. Сыръ-Дарья.	45°48'11"	80°17' 0"	Леммъ 1846 г. <i>Хрон.</i>
31	Уроч. Кара-Тюбя на р. Сыръ-Дарья. . .	45°42' 0"	.	Тафаетъ 1820 г.
32	Лагерь Берга 28 янв. 1826 г.	44°58'50"	.	Леммъ 1826 г.
33	Лег. Берга 30 янв. 1826 г. близъ Арал. Моря	44°56'17"	.	Леммъ 1826 г. Бутаковъ 1848 —
34	Мысь Акъ-Тумеукъ.	44°36' 1"	75°58'23"	49 г. <i>Хроном.</i> Бутаковъ 1838 —
35	Остр. Беллинсгаузенъ	44°35'35"	76°35'47"	49 г. <i>Хроном.</i>
36	Южная бухта остров. Николай	44°59' 4"	76°56'30"	Бутаковъ 1848 — 49 г. <i>Хроном.</i>
37	Мысь Кунганъ - Сан- данъ.	44°52'43"	79°26'20"	Бутаковъ 1848 — 49 г. <i>Хроном.</i>
38	Уроч. Каракъ на р. Куванъ-Дарья . . .	44°52' 3"	.	Тафаетъ 1820 г. Бутаковъ 1848 —
39	Мысь Акъ-Суатъ . .	43°42'41"	76° 4'42"	49 г. <i>Хроном.</i> Бутаковъ 1848 —
40	Остр. Ермоловъ. . .	43°43'23"	77°58' 6"	49 г. <i>Хроном.</i>
41	Бухара	39°48'41"	.	Тафаетъ 1820 г.
		39°43'41"	.	Борисъ 1832 г.
		39°46' 0"	.	Стодартъ и Н. Ха- ныковъ 1844 г.
42	Мирабадъ	39°24'51"	.	Борисъ 1832 г.
43	Чаджуй	39° 0'30"	.	Борисъ 1832 г.
44	Бульгое	38°39'24"	.	Борисъ 1832 г.
45	Хорошо.	37°6'55"	17°35'36"	Леммъ 1839 г. <i>Хрон.</i>
46	Товаръ	37°18'27"	47°40'21"	Леммъ 1839 г. <i>Хрон.</i>
47	Фирузе	37°21'35"	75° 4'36"	Леммъ 1839 г. <i>Хрон.</i>

№	НАЗВАНІЕ МѢСТЪ.	С. Шир.	Долгота отъ Фер- ро.	Имя наблюдателя, время наблюденія, способъ опредѣле- нія долготы.
48	Буджурдъ.	37°29'25"	74°53'59"	Фризьеръ 1832 г. <i>Хрон.</i>
		37°29'13"	75° 6'21"	Леммъ 1839 г. <i>Хрон.</i>
49	Ширванъ	37°24' 6"	75°42' 6"	Леммъ 1839 г. <i>Лун. кулям.</i>
50	Кабушанъ	37° 9' 5"	75°55'53"	Фризьеръ 1822 г. <i>Хрон.</i>
		37° 8' 4"	76°10'21"	Леммъ 1839 г. <i>Хрон.</i>
51	Ходжа-Абдула . . .	37°36'15"	.	Борнсъ 1832 г.

Но затѣмъ остается цѣлая полоса между $39\frac{1}{2}^{\circ}$ и $43\frac{1}{2}^{\circ}$, т. е. въ 400 верстъ ширины, на пространствѣ которой нѣтъ ни одного астрономическаго опредѣленія, не только долготы, но даже и широты мѣстъ. Между тѣмъ, въ этой полосѣ лежитъ вся съемка Хивинскаго Ханства и здѣсь же оканчиваются, именно у Хивы, почти всѣ имѣющіеся маршруты; а потому хотя они и начинаются отъ астрономическихъ пунктовъ, но необходимо, для окончательной постановки съемки и маршрутовъ, опредѣлить положеніе Хивы.

На изданныхъ, въ теченіе послѣднихъ 100 лѣтъ, картахъ, Хива поставлена подъ слѣдующими градусами.

ИМЕНА СОСТАВИТЕЛЕЙ КАРТЪ.	С. Шир.	Долгота отъ Ферро.
Муравинъ 1741 года	40° 35'	78° 40'
Томсонъ 1741 года	38° 27'	80° 41'
Панснеръ 1816 года	40° 10'	77° 28'
Ароусмитъ 1818 года	41° 16'	75° 40'
Позняковъ 1825 года	40° 10'	77° 29'
Мейендорфъ 1826 года	41° 36'	78° 40'
Левшинъ 1831 года	41° 42'	78° 5'
Эйхвальдъ 1834 года	40° 30'	77° 40'

ИМЕНА СОСТАВИТЕЛЕЙ КАРТЪ.	С. Шир.	Долгота отъ Ферро.
Борнсъ 1834 года	41° 27'	76° 58'
Вильдъ 1839 года	41° 24'	77° 41'
Абботъ 1813 года	41° 40'	77° 40'
Гумбольдтъ 1843 года	41° 40'	77°
Циммерманъ 1844 года	41° 15'	77° 50'
Мурчисонъ 1845 года	41° 14'	77° 55'
Базинеръ 1848 года	41° 5'	77° 55'

Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе положенія Хивы на картахъ, предшествовавшихъ Гумбольдтовой, какъ потому, что данныя, руководствовавшія прежнихъ картографовъ, неизвѣстны, такъ и по весьма вѣроятной произвольности ихъ изображеній. Постановка Хивы на картахъ, изданныхъ послѣ 1840 года, зависѣла отъ выбора двухъ различныхъ указаній на этотъ счетъ, сдѣлавшихся извѣстными въ то время. Съ одной стороны, розысканія и соображенія, произведенныя въ Оренбургѣ до поѣздокъ Никифорова и Данилевскаго въ Хиву, укоренили тамъ мнѣніе, что означенный городъ долженъ лежать подъ 41° 5' сѣверной широты и 77° 55' долготы отъ Ферро. Съ другой стороны, Абботъ и Шекспиръ, посѣщавшіе Хиву, присвоили ей широту 41° 20'; Ароусмитъ же въ картѣ, приложенной къ путешествію Аббота, принялъ, неизвѣстно почему, для Хивы 41° 40' сѣверной широты и 77° 40' долготы отъ Ферро.

Оренбургское опредѣленіе, сдѣлавшееся извѣстнымъ въ Европѣ изъ маленькой карты, сообщенной Генералъ-Адъютантомъ Перовскимъ Александру Гумбольдту въ 1842 году, принято безусловно г. Базинеромъ; опредѣленіе же Ароусмита перешло на карту Барона Гумбольдта, только съ уменьшеніемъ долготы на 40'. Циммерманъ, который въ текстъ своего разсужденія склоняется въ пользу показаній Аббота и Шекспира, на приложенной къ этому разсужденію картѣ показываетъ Хиву подъ 41° 15' широты и 77° 55' долготы, т. е. допускаетъ среднее число между оренбургскимъ и англійскимъ показаніями.

Основаніемъ первому служили главнымъ образомъ два маршрута, Муравина и Муравьева. — Первый весьма подробенъ и

даетъ румбы всѣхъ направленій пути; но неизвѣстно, какимъ способомъ измѣрялись разстоянія.

У Муравьева также даны румбы перваго пути; но измѣреніе его основано на расчетѣ верблюжьяго хода, который принимается за 4 версты въ часъ; тотъ же расчетъ принять и Макартнеемъ. Но уже Вольней опредѣлялъ часовой ходъ верблюда въ 3 съ небольшимъ версты; Борнсъ же, дѣлавшій по сему предмету подробныя изслѣдованія, нашелъ, что верблюды караваннымъ ходомъ дѣлаютъ въ часъ не болѣе 3 версты 142 сажень. По этимъ соображеніямъ, всѣ разстоянія Муравьева нужно сократить по крайней мѣрѣ на 350 саж. для каждаго 4 версты, что первоначально не принималось въ расчетъ.

Относительно же примѣненія маршрута Муравина, слѣдуетъ замѣтить, что онъ, по чрезмѣрной длинѣ своей, можетъ служить некоторымъ руководствомъ къ опредѣленію Хивы только отъ Сыръ - Дарьи. Между тѣмъ, когда въ Оренбургѣ посредствомъ этого маршрута отыскивали положеніе Хивы, на нижнихъ частяхъ Сыра имѣлась только широта урочища Кара - Тюба, новѣйшія же, точныя опредѣленія устьевъ этой рѣки еще не были сдѣланы.

Посему Оренбургское предположеніе о широтѣ и долготѣ Хивы, принятое Вазнеромъ, не имѣетъ прочнаго основанія. Что касается до англійскаго опредѣленія, то широта въ немъ, показанная Абботомъ, основана на приблизительномъ исчисленіи лошадинаго хода отъ Мерва; долгота же, равно какъ измѣненіе широты, допущенное Ароусмитомъ, доселѣ ничемъ не оправданъ.

Для опредѣленія положенія Хивы, я имѣлъ пять глазомерно снятыхъ маршрутовъ къ этому городу отъ астрономическихъ пунктовъ, именно: отъ устьевъ Сыръ - Дарьи при урочищѣ Аманъ - Уткуль, отъ Ново - Александровскаго укрѣпленія (коего широта опредѣлена Карелинымъ), отъ Сарайчиковской крѣпости, отъ Мыса Акеуата чрезъ Айбугирь и отъ того же мыса чрезъ Кунградъ.

Главнымъ основаніемъ принять мною послѣдній маршрутъ, какъ кратчайшій и прямѣйшій. При этомъ получены для Хивы: широта та же, что у Ароусмита, т. е. $41^{\circ} 40'$; но долгота на 1° восточнѣе, а именно $78^{\circ} 40'$ отъ Ферро, т. е. выводъ почти одина-

ковой съ положеніемъ, даннымъ сему городу Муравинимъ въ 1742 г. и Лапи въ 1826 г., на картѣ къ путешествію г. Мейендорфа.

Между Хивою и южнымъ берегомъ Арала расположена мною вся рекогносцировка Ханства, въ томъ видѣ, какъ она имѣется, и къ означенному же городу сведены всѣ маршруты.

Я. В. Ханыковъ.
